

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

VORLESUNGEN

$$k = 1,38064852(79) \times 10^{-23}$$

ÜBER

MAXWELLS THEORIE DER ELEKTRICITÄT UND DES LICHTES

VON

DR. LUDWIG BOLTZMANN,

PROFESSOR DER THEORETISCHEN PHYSIK AN DER UNIVERSITÄT MÜNCHEN

$$\frac{\partial f}{\partial t} + \frac{\partial f}{\partial x} \cdot \frac{p}{m} + \frac{\partial f}{\partial p} \cdot F = \frac{df}{dt} \Big|_{\text{coll}}$$

I. THEIL

ABLEITUNG DER GRUNDGLEICHUNGEN FÜR RUHENDE
HOMOGENE, ISOTROPE KÖRPER.

MIT FIGUREN IN ZWEI FOLGEN AUF ZWEI TAFELN

die Größe als auch die Richtung
materiellen Punktes, welcher
hat, so daß x'_r, x'_{r+1}, x'_{r+2}
in den drei Koordinatenrichtungen
und u'_h die Richtungen und die drei
lierten Größender Geraden
 B'_h bezeichnet wurden.
auch in der Form

δt wachsen würde,
nen der p werden un
 $\sigma = 5,670367(13) \cdot 10^{-8}$

$$\sum_k \xi_k^l \delta x_k = 0.$$

$$f(x, p, t) d^3x d^3p$$

$$\frac{\partial f}{\partial t} \Big|_{\text{coll}} = \int_{v'} [f(t, r, v') W(v', v) - f(t, r, v) W(v, v')] d^3v'$$

$$\hat{L}_{GR} = \sum_{\alpha} p^{\alpha} \frac{\partial}{\partial x^{\alpha}} - \sum_{\alpha\beta\gamma} \Gamma^{\alpha}_{\beta\gamma} p^{\beta} p^{\gamma} \frac{\partial}{\partial p^{\alpha}}$$

16+

Ludwig Boltzmann

2
2016
Часть IX

ÜBER DIE

PRINZIPE DER MECHANIK

VON

LUDWIG BOLTZMANN,

PROFESSOR DER THEORETISCHEN PHYSIK AN DER UNIVERSITÄT WIEN.

$$\sigma = \frac{8\pi^5 k^4}{15c^3 h^3}$$

Es ergibt sich also

$$\frac{dq_h}{dt} = P_h + \frac{\partial T}{\partial p_h}$$

ann v_r sowie
heit des

d^3v'

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 2 (106) / 2016

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 15.02.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Людвиг Больцман (1844–1906) — австрийский физик-теоретик, основатель статистической механики и молекулярно-кинетической теории.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бартенева Т. А.

Зинаида Гиппиус: правда и вымысел, или Почему мы изучаем дневниковые записи? 877

Воронин Р. А.

The English and the Americans are two nations divided by a common language: historical background, modern situation, future prospects 881

Геймурова Н. К.

Лингвистические особенности делового дискурса 886

Долженко С. Г., Копенина О. В.

Инверсия в современном англоязычном коротком рассказе 891

Дурцева Е. Ю.

Культурные коды в вербальном тексте 894

Зиновьева Т. А.

Типология концептов как ментальных образований 897

Ивлева А. Ю.

Специфика смыслового построения рассказов Х. Борхеса 899

Казиева Д. А.

Интегрированные коммуникации в PR-дискурсе 902

Кафтя А. И.

Лексические особенности функционирования и перевода дипломатического дискурса 904

Макаренко Ф. Д.

Роль, место и частота употребления самостоятельных и служебных частей речи в тексте 908

Маломожнова Е. С.

Феномен восприятия романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» 912

Мирхайдарова Н. Х.

Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина 913

Нагорнова Е. В.

Приемы языковой актуализации смысла в романе Зэди Смит «Белые зубы» 915

Нестерик Э. В., Клуная В. О.

Свойства и функции исторического времени в художественном тексте 919

Павлова Д. С.

Сравнительный анализ методик обработки спонтанных устных текстов о себе 922

Полетаева Е. Д.

Инициализмы как продуктивный тип сокращения в англо-русском научно-учебном тексте экономического дискурса 926

Собирова Б. Б.

Использование элементов игры на уроках русского языка 929

Чекалина Т. В., Албанский В. В.

Перспективы языковой ситуации во франкофонных государствах Африки: развитие мультилингвизма и сохранение национальной идентичности (на примере Республики Бурунди) 931

Чэнь Дайцай

Детство и природа в повести «Детство Никиты» 934

Шевелёва Е. О.

Семантические группы глаголов в рассказе И. С. Тургенева «Льгов» 937

Щукина Т. В., Михайлова А. Н., Севостьянова Л. А.
 Русские летописи: особенности и проблемы изучения..... 940

ФИЛОСОФИЯ

Ахмеджанов М. М., Нурматова Н. У.
 Farabi — first philosopher in his times..... 943

Еременко-Клаузер А. В.
 Уровень личности в общей структуре человека. Философский анализ 944

Замилова Р. Р., Ёзиева Ш. Г.
 Роль героической личности в истории как философско-этическая проблема 947

Керимов М. М.
 Этническая идентичность как одна из разновидностей коллективной идентичности 950

Керимов М. М.
 Философское восприятие понятий «этнос», «народ», «нация» 953

Котлярова В. В., Михалёва К. С., Куйдина Е. А.
 Манипуляция сознанием в массовой культуре 956

Кучковский П. В.
 Парадоксы поступков у киников и их связь с софистами 958

Кучковский П. В.
 Парадоксы смыслов у мегариков и их связь с софистами 965

Кучковский П. В.
 Парадоксы чувств у киренаиков и их связь с софистами 973

Осипенко А. Е.
 Актуальность идей даосизма в решении современных экологических проблем 980

Рахматуллин Р. Ю.
 Научная теория как система 982

Семенова Э. Р.
 Принцип развития в эпистемологии..... 985

Усмонов Ф. Н., Усмонова Л. Р.
 Рациональный анализ восточной миниатюры. 987

ФИЛОЛОГИЯ

Зинаида Гиппиус: правда и вымысел, или Почему мы изучаем дневниковые записи?

Бартенева Татьяна Андреевна, студент
Курский государственный университет

*Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли всё святое:
И стыд души, и грех земли.*

Эти строки принадлежат одной из самых известных, но в то же время самых загадочных женщин России — писательнице и поэтессе Зинаиде Гиппиус.

Обожая всякого рода мистификации, она сама представляла собой явление противоречивое, необъяснимое и парадоксальное. Каждым своим действием, поступком, словом Зинаида Гиппиус словно бросала вызов публике. На первый взгляд могло показаться, что она играет людьми, преднамеренно ставит их в конфузные и нелепые ситуации. Иначе как ещё мы можем объяснить её знаменитую лорнетку, ожерелье из обручальных колец поклонников и то, как поэтесса встречала гостей, принимая ванну?

Уже более ста лет иконой стиля во всём мире является Габриэль Шанель, более известная как мадмуазель Коко. Именно с её именем современные модницы связывают появление коротких стрижек и металлической бижутерии. В 1920 году Коко Шанель шокировала всех появлением на публике в брюках, считавшихся издавна элементом исключительно мужского гардероба. Мало кто знает о том, что за пятнадцать лет до этого события короткую стрижку в свой обиход ввела Зинаида Николаевна.

Уникальная личность, З. Гиппиус вызывала недоумение у современников: одни её не понимали, другие — попросту боялись, но никто не мог устоять перед этой необыкновенной женщиной. Все признавали ей уникальность:

«Единственность Зинаиды Гиппиус.

Да, единственность Зинаиды Гиппиус. Есть люди, которые как будто выделаны машиной, на заводе, выпущены на свет Божий целыми однородными сериями, и есть другие, как бы «ручной работы», — и такой была Гиппиус. Но помимо ее исключительного своеобразия я, не колеблясь, скажу, что это была самая замечательная женщина, которую пришлось

мне на моем веку знать. Не писательница, не поэт, а именно женщина, человек, среди, может быть, и более одаренных поэтесс, которых я встречал.

Думаю, что в литературе она оставила след не такой длительный и прочный, не такой яркий, как принято утверждать. Стихи ее, при всем ее мастерстве, лишены очарования. «Электрические стихи», — говорил Бунин, и действительно, эти сухие, выжатые, выкрученные строчки как будто потрескивают и светятся синеватыми искрами. Однако душевная единственность автора обнаруживается в том, что стихотворение Гиппиус можно без подписи узнать среди тысячи других. Эти стихи трудно любить — и она знала это, — но их трудно и забыть». [1]

Гиппиус позволяла себе всё то, что в силу врождённых предрассудков, общественного мнения или иных причин было недоступно окружающим: вызывающая косметика, мужские наряды, нелепые платья собственного покроя, вызывающие недоумение и косые взгляды жителей не только Петербурга, но и более искушённых в вопросах моды французов.

Всегда неподражаемая, разная, непредсказуемая. В одной своей ипостаси она светская дама, владелица одного из салонов Петербурга — спокойная и размеренная. Но проходит мгновение, и перед нами уже совершенно иная женщина — дерзкая, откровенная спорщица и устроительница дебатов и дискуссий на самые различные темы. Невозможно предугадать, какой же будет Зинаида Гиппиус спустя ещё пару мгновений. Казалось, что реальность и вымысел слились в ней в одно начало, ведь мистификация не покидала её даже в стенах родного дома. Стоит вспомнить хотя бы то, как Зинаида Гиппиус писала своему мужу — Дмитрию Мережковскому, от

имени его поклонниц, при этом давая характеристику его творчеству. Но какой же она была на самом деле? Г. Адамович впоследствии напишет *«Она хотела казаться тем, чем в действительности не была. Она, прежде всего, хотела именно казаться»*. Но это на людях, в обществе, а наедине с собеседником, с глазу на глаз *«она становилась человеком ко всему открытым, ни в чём, в сущности, не уверенным и с какой-то неутолимой жаждой, с непогрешимым слухом ко всему, что за неимением другого, более точного термина, приходится назвать расплывчатым словом «музыка»»* [2]

«Большая жемчужина», «белая дьяволица», «ведьма», «чёртова кукла»... Как только ни называли её современники! Лев Троцкий, борясь с предрассудками, порождаемыми религией, ещё в начале революции напишет иону из своих брошюр. Есть там такие слова: «Пора, товарищи, понять, что никакого Бога нет. Ангелов нет/ Чертей и ведьм нет», а затем, как бы невзначай, напишет: «нет, впрочем, одна ведьма есть — Зинаида Гиппиус». [3]

З. Гиппиус оказалась не просто погружённой в сплетни и слухи, невероятные истории просто окутали её и без того мистическую личность. Могло сложиться впечатление, что Зинаиду Гиппиус это совершенно не волновало. Но зачастую она сама с удовольствием преумножала те нелепицы, которые витали в обществе. И лишь немногие знали, что за всей этой спесью и парадоксальностью скрывается тонкая и ранимая натура. Возможно, свой отпечаток на жизнь и творчество З. Гиппиус наложила ранняя смерть отца. Уже тогда девочка начнёт задумываться о жизни и смерти, любви и разлуке, а впоследствии напишет: «Смерть тогда, казалось, на всю жизнь завладела моей душой!».

В своём «Самопознании» Н. А. Бердяев говорил о Зинаиде Гиппиус как о замечательном, но в то же время «мучительном» человеке, поражающем своей «змеиной холодностью», вследствие чего несчастном:

«В ней отсутствовала человеческая теплота. Явно была перемешанность женской природы с мужской, и трудно было определить, что сильнее. Было подлинное страдание. Зинаида Николаевна по природе несчастный человек» [4]

Говоря об этой самой «перемешанности женской природы с мужской», затронутой Н. А. Бердяевым, следует упомянуть о том, что свои критические статьи, к слову сказать, довольно популярные, З. Гиппиус никогда не подписывала настоящим именем. Она пользовалась псевдонимами, причём всегда разными, наиболее популярный среди них — Антон Крайний. Одни восхищались поэтессой, другие боялись её острого языка, некоторые не видели, но к мнению Крайнего прислушивались все.

Понять всю разносторонность одной из величайших женщин России — Зинаиды Гиппиус нам помогают не только её стихотворения, романы и рассказы, но и дошедшие до нашего времени дневниковые записи, которые она начала вести ещё в юности.

После распада Советского Союза интерес к изучению дневников значительно возрос. Однако отношение к этому до сих пор остаётся неоднозначным. Зачастую в журналах и блогах появляются статьи авторов, выступающих против изучения дневниковых записей, ведь, по их мнению, там содержится личная, порой даже сакральная информация.

Несмотря ни на что, З. Н. Гиппиус привнесла в наши умы и сердца совершенно иное представление о дневниках. Свои записи она называла «мертвецами, лежащими могиле», то есть Гиппиус подразумевала, что после смерти автора они не должны быть опубликованы.

В дневниках З. Н. Гиппиус «сочетается несочетаемое». Здесь мы видим любовь, размышления, познание мира и самой себя, стремление объяснить свои мысли, чувства, поступки:

«Так я запуталась и так беспомощна, что меня тянет к перу, хочется оправдать себя или хоть объяснить себе, что это такое?» [5]

И вновь парадокс! Дерзкая натура, не боящаяся никакой критики и осуждения, готовая отстаивать свою правоту до последнего — это она в жизни, но что мы видим в дневниках? Буквально с первых страниц возникает типичный женский образ: слабая, немного нервная, но самое страшное — одинокая. Любовь играла огромную роль и в жизни, и в творчестве Зинаиды Николаевны. Именно в ней Гиппиус видела возможность преодоления смерти и слияние с высшим, божественным. Но, наверное, было бы несправедливо акцентировать внимание лишь на этой составляющей.

Из дневников З. Гиппиус мы узнаём и о её настоящей жизни с Мережковским. Одни пускали в адрес их семьи едкие замечания, что Зинаида Николаевна — муж, а Дмитрий Сергеевич — жена, других же искренне удивлял этот союз. Действительно, они прожили вместе более полувека, практически не расставаясь ни на день, однако современники с уверенностью утверждали, что Гиппиус и Мережковский были крайне тесно связаны духовно, но никак не супружески.

Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский поженились, когда ей было 19, а ему 23. Чем же пленил зеленоглазую длинноволосую красавицу серьёзный юноша, зачитывающийся сочинениями Спенсера? Как говорила сама З. Гиппиус, Дмитрий Иванович крайне отличался от всех её кавалеров. В нём она увидела родную душу.

Однако брак этой пары не был столь безоблачным. Частые ссоры, скандалы на бытовой почве изводили обоих супругов. Всё чаще Д. Мережковский ощущал своё одиночество, особенно это чувство обострилось после смерти его матери. Вот как об отношениях с мужем пишет З. Гиппиус:

«Между нами происходили и ссоры, но ссоры, непохожие на обычные, супружеские. Моя беда была в том, что я, особенно в молодости, не умела найти нужные аргументы, чтобы доказать неправоту его идеи в том или другом его произведении, и оказывалась «побитой».

Один из самых популярных дневников Зинаиды Гиппиус — «Синяя книга» (впоследствии переименован в «Петербургский дневник»). Уезжая из Петрограда, Зинаида Николаевна оставила дневник там и считала его навсегда потерянным. Но жизнь распорядилась иначе. «Синяя книга» переиздавалась в США дважды, но и в России она вызвала огромный резонанс. Неизвестность, невероятное напряжение, осознание грядущих перемен в жизни страны, сломанные судьбы... Всё это не могло и не может не волновать нас, ведь во всём перечисленном — прошлое нашего отечества, а в нём — мы сами.

Интернет-блогер Иван Матвеев справедливо отмечает: «По таким книгам можно изучать историю!».

Сегодня большевики, разведя все мосты, просунули на буксире свои броненосцы по Неве к Смольному. Совершенно еще не встречавшееся безумие. По городу открыто ходят весьма известные германские шпионы. В Смольном они называются: «представители германской и австрийской демократии». Избиение офицеров и юнкеров тоже входило в задачу Бронштейна? Кажется, с моста Мойки сброшено пока только 11, трупы вылавливаются. Убит и князь Туманов, — нашли под мостом. [6]

Всё это представляется для З. Гиппиус как страшный и небывалый кошмар, от которого невозможно скрыться, ведь он сметает всё на своём пути. «Небывалый абсурд происходящего. Такой, что никакая человечность с ним не справляется. Никакое воображение». — напишет она впоследствии.

По-разному русская интеллигенция отреагировала на Первую Мировую войну, ещё более смешанные чувства вызвала у людей революция. Смятение, ужас, боль, связанные с непониманием происходящего, — всё это и запечатлела «Синяя книга» З. Гиппиус. Во многом записи, приведённые в ней, субъективны, но именно этим они и ценны для исследователя. Мы, словно проникая сквозь призму времени, оказываемся очевидцами тех далёких и роковых событий, происходящих в России.

«Что писать? Можно ли? Ничего нет, кроме одного — война!

Не японская, не турецкая, а мировая. Страшно писать о ней мне, здесь. Она принадлежит всем, истории. Нужна ли обывательская запись?

Да и я, как всякий современник — не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломление.

Осталось одно, если писать — простота.

Кажется, что все разыгралось в несколько дней. Но, конечно, нет. Мы не верили потому, что не хотели верить. Но если бы не закрывали глаз...

Меня, в предпоследние дни, поражали петербургские беспорядки. Я не была в городе, но к нам на дачу приезжали самые разнообразные люди и рассказывали, очень подробно, сочувственно... Однако, я ровно ничего не понимала, и чувствовалось, что рассказывающий тоже ничего не понимает. И даже было ясно, что сами волнующиеся рабочие ничего не

понимают, хотя разбивают вагоны трамвая, оставляют движение, идет стрельба, скачут казаки.

Выступление без повода, без предлогов, без лозунгов, без смысла... Что за чепуха? Против французских гостей они, что ли? Ничуть. Ни один не мог объяснить, в чем дело. И чего он хочет. Точно они по чьему-то формальному приказу били эти вагоны. Интеллигенция только рот раскрывала — на нее это, как июльский снег на голову. Да и для всех подпольных революционных организаций, очевидно». [7]

З. Н. Гиппиус пишет о войне, но, кажется, сама до конца не верит в происходящее. Ведь ещё совсем недавно в городе всё было спокойно, все были счастливы. «Зарядившись патриотическими хождениями по городу», З. Гиппиус сама определила своё отношение к тому, что творилось вокруг. «Быть с несчастной, непонимающей происходящего, толпой, заражаться ее «патриотическими» хождениями по улицам», — так напишет она. [8]

Для З. Гиппиус важно понимать, что такое «война», что значит она для России? Но как и тысячи людей ответов на эти вопросы она найти не могла, хотя отчаянно пыталась.

Пройдёт совсем немного времени, и вместо смятения, растерянности придут совершенно иные чувства. З. Гиппиус попытается выяснить, что значит для неё и для всего русского народа родина, а что значит государство? Она напишет, что в пору, когда интеллигенция растворилась в повсеместном «мы» необходимо обдумать происходящее, а не кричать на каждом углу воинственные лозунги:

«Как будто мы «тоже» Европа, как будто мы смеем (по совести) быть патриотами просто... Любить Россию, если действительно, — то нельзя, как Англию любит англичанин. Тяжкий молот наша любовь... настоящая.

Что такое отечество? Народ или государство? Все вместе. Но, если я ненавижу государство российское? Если оно — против моего народа на моей земле?» [9]

Трагедию страны Гиппиус воспринимает как личную. Все те, кто дорог ей, интересен, к кому она привыкла могут в одночасье оказаться на фронте. З. Гиппиус не принимает такого патриотизма. Её возмущает поведение М. Булгакова, Вяч. Иванова, ведь декадентство, разгром и возвышенные чувства к родине, по её мнению, не могут сочетаться. [10] Создаётся впечатление, что люди не понимают, что происходит вокруг. Да и откуда им знать правду, если даже в газетах излагаются вещи далёкие от реальности, а в искусстве правит навязываемая пресловутая цензура? Именно поэтому Зинаида Николаевна ведёт подробные записи обо всём происходящем. Она признаётся, что иногда заставляет себя писать, принуждает. Но это необходимо! О крупном трудно солгать, а о мелочах — сколько угодно! З. Гиппиус, понимая и остро переживая всё, что происходит в стране, пытается разъяснить истину и правду окружающим. Но всё безуспешно. З. Гиппиус и раньше не поддерживала власть. Уважала, признавала, но ощущала внутренний протест, сменившийся впоследствии негодованием:

Всё более и более ясные формы принимает наш внутренний ужас, хотя он под покрывалом, и я лишь слепо ощупываю его. Но все-таки я нащупываю, а другие и притронуться не хотят. Едва я открываю рот — как «реальные» политики накидываются на меня с целой тьмой возражений, в которых я, однако, вижу роковую тупость.

Да, и до войны я не любила нашу «парламентскую оппозицию», наших кадетов. И до войны я считала их умными, честными... простофилями, «благородными иностранцами» в России. Чтобы вести себя «по-европейски», — и чтобы это было кстати, — надо позаботиться устроить Европу... Но что я думала до войны — это неважно, да неважны и мои личные симпатии. Я говорю о теперешнем моменте и думаю о кадетях, о нашей влиятельной думской партии, с точки зрения политической целесообразности. Я сужу их линию поведения, насколько могу объективно и — увы — начинаю видеть ошибки фатальные. [11]

Пройдёт пару лет, и 26 октября 1917 года мы прочтём записи уже совершенно другой З. Гиппиус. В стране никаких изменений: ни побед, ни поражений... Всё статично, однообразно, скучно. Сама З. Гиппиус назовёт это время «штилем», а своё состояние — «общим». «Общее» — значит никакое, пресное, лишённое чувств и эмоций. Зинаида Николаевна задумывается о будущем России. Она уверена, что Россия стоит на пороге революции. Неизвестно, какой она будет, главное, что это неизбежность:

«Мое странное состояние (не пишется о фактах и слухах, и все ничтожно) не мое только состояние: общее. Атмосферное.

В атмосфере глубокий и злоеющий ШТИЛЬ. Низкие-низкие тучи — и тишина.

Никто не сомневается, что будет революция. Никто не знает, какая и когда она будет, и — не ужасно ли? — никто не думает об этом. Оцепенели.

Заботит, что нечего есть, негде жить, но тоже заботит полутупо, оцепенело.

Против самых невероятных, даже не дерзких, а именно не вероятных, шагов правительства нет возмущения, даже нет удивления. Спокойствие... отчаянья. Право, не знаю». [12]

С одной стороны, появление такой талантливой писательницы и бурной мятежницы было совершенно новым для русского читателя, но в то же время оно активно вписывалось в картину окружающего мира. Не для кого не секрет, что являясь представительницей крыла «старших символистов», она во многом предопределила развитие этого движения в России. Дневниковые записи Зинаиды Николаевны Гиппиус поражают и увлекают нас. Но несмотря на то, что интерес к ним огромен и в наше время (причём не только на родине Зинаиды Николаевны, но и далеко за её пределами), дневники писательницы остаются малоизученными. Конечно же, одной из причин этому служит более, чем полувековой запрет на исследование творчества З. Гиппиус в России.

Дневниковые записи З. Н. Гиппиус проникновенны, искренны, но вместе с тем крайне познавательны. Великая женщина, великий творец, великая в веках. Она говорила о том, о чём остальные боялись даже подумать. Спустя более шестидесяти лет со дня своей кончины, Зинаида Николаевна Гиппиус продолжает будоражить умы своих читателей.

*Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя — себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает —
Хоть мы простим, и Бог простит. [13]*

Литература:

1. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. — М.: Республика, 1994.
2. Цит. по: «Минувшее». Исторический альманах. Париж, 1989, № 8.
3. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. — М.: Республика, 1994.
4. Бердяев, А. Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). — М.: Международные отношения, 1990. — 336 с.
5. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 72.
6. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 154—155.
7. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 154—155.
8. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 154—155.
9. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 156—157.
10. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 163.
11. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 166—167.
12. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — с. 190.
13. Гиппиус, З. Н. Стихи, воспоминания, документальная проза. Москва: Наше наследие, 1991.
14. Богомолов, Н. А. В зеркале «серебряного века»: Русская поэзия начала XX века. — М.: О-во «Знание», 1990.
15. Гиппиус, З. Н. Стихотворения. Проза. Екатеринбург, 2005.
16. Гиппиус, З. Н. Стихи. Дневник, 1911—1921. — Берлин: Слово, 1922.

17. И. Гиппиус З. Н. Петербургские дневники (1914–1919). — Белград: Типография Раденковича, 1929.
18. Кричевская, Ю. Р. Модернизм в русской литературе: эпоха Серебряного века. М. 1994.
19. Русские писатели. Библиографический словарь. — М., 1990.

The English and the Americans are two nations divided by a common language: historical background, modern situation, future prospects

Воронин Роман Алексеевич, магистрант
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Voronin Roman Alexeyevich, Master's degree student
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

The article reviews and analyzes the past, present, and future of American English as a young and rapidly developing variant of the English language.

Keywords: *English, English language, British English, American English, variant, divergence.*

Introduction

The English language is known for having a number of relatively independent variants widely spoken in different parts of the world. By variants of English in this case we understand its regional varieties possessing a literary norm, i.e. historically determined aggregates of linguistic means in common use and the rules that govern the choice and use of such means and that have become generally accepted by a specific linguistic community during a specific historical period [13]. Linguists usually distinguish between the variants existing on the territory of the United Kingdom (British English, Scottish English and Irish English) and the variants existing outside the British Isles (American English, Canadian English, Australian English, New Zealand English, South African English and Indian English) [14, p. 145].

Among the mentioned variants of the English language the most important ones are British English and American English. These variants undoubtedly share some common features but are at the same time quite different. The existing differences were sometimes exaggerated by academic and public figures. For instance, in 1919

H. L. Mencken, a German-American journalist, satirist and cultural critic, published his book «The American Language», in which he on the basis of some observations tries to show that the differences between American English and British English are considerable enough to treat these variants as separate independent languages, the American language being the dominant one. Similar thoughts can be found in the works by world-famous writers. For example, Oscar Wilde once said that «We have really everything in common with America nowadays, except, of course, language». There is another popular aphorism of this kind widely ascribed to Bernard Shaw: «The English and the Americans are two nations divided by a common language» [9; 2, p. 259].

Such statements and the like obviously did not appear out of nowhere and have some validity. Our task within this paper is to trace the history of the American variant of the English language, point out and explain its most significant distinctive characteristics, define its position and role in the modern world, outline the possible ways of its future development and finally make a conclusion about its being a separate language or not.

§1. History of American English

The emergence of different variants of the English language was caused by England's colonial expansion and, consequently, penetration of the English language to other parts of the world where it underwent some changes according to the local circumstances. This penetration began mainly in the 16th century which was an age of great adventurers and England's tremendous progress in the discovery and colonizing field. For example, it is in the 16th century that Francis Drake circumnavigated the globe, the East India Company was established and English seamen left their mark in many parts of the world.

The 16th century also marked the beginning of England's colonial expansion to the so-called New World — the first colonies were set up in Newfoundland in 1583. But the real start came a little later. In 1607 the first permanent settlements were founded in Jamestown, and in 1620 the famous ship *Mayflower* brought a group of English settlers to what became known as New England. These fugitives from the Old World came from the London area, from East Anglia and Yorkshire. This was the first period in the history of American English, it can also be called the **colonial period**. Some scholars consider this the linguistically most important period, since this was the time when the settlement of the original thirteen colonies along the Atlantic seaboard took place, and thus the first speakers of what would later become Amer-

ican English appeared on the North American continent. At this stage the degree of divergence between American English and British English was very low, because American English had just begun its existence, had not yet undergone any considerable changes and thus was almost absolutely identical with British English. The first period in the development of American English closes with the ratification of the federal constitution in 1789, in the wake of the War of Independence [11, p. 70; 10, p. 182; 7, p. 20].

When the War of Independence ended, the long process of westward movement began. Tens of thousands of settlers moved west of the seaboard area toward and beyond the Mississippi River. This «march» opens the second major period in the history of American English, sometimes called the *national period*. As new settlers arrived, there was an increasing demand for new, unexplored, and unoccupied territories. The main feature of the period that seems to be assumed by most scholars is that this is the time when the English spoken in the United States became and, as a result of the efforts of men like Noah Webster, was made the national language of the new country. Noah Webster, a famous lexicographer, was the first person to claim American English to be an independent language. He worked in the period when the Americans were fighting for their independence and for their rights. They tried to create their own culture, and getting their own independent language was a very important part of that strategy. At that time such a behavior had a progressive political meaning not only in terms of getting rid of England's domination, but also in terms of uniting thirteen separate colonies into one nation that later formed the USA. In his thesis on the English language Noah Webster wrote that it was a matter of honor for the Americans to have both their own system of government and system of language. Noah Webster's patriotic activities were crowned by publishing «American Dictionary of the English Language» (1828) [3, p. 256; 7, p. 20].

Although Webster's statements about American English being an independent language were overconfident and mainly politically and ideologically motivated, they in a way reflected the objective state of things. The matter is that the communities speaking American English were cut off from the land where British English was actively spoken and could not but develop step by step. There was no regular communication between the two territories, and the contacts that did take place were rather scarce and could not provide any considerable linguistic interaction. This geographical division contributed to the increasing of differences between the two variants of English — British English was developing the way it had done before, while American English after, we can say, making a short pause in its development was beginning a new life. So, in this period the two variants of English were already going separate ways and the number of differences between them started to grow.

This final period that can be termed as the *international period* stretches from the late 19th century to the present time. This period is characterized by new waves of immigra-

tion. The new immigrants came to the United States from all parts of the world, but several categories of immigrants stand out in number and importance. Thus, the first wave of immigrants was formed especially by Northern European immigrants. Later a large number of Southern and Eastern Europeans chose the United States as their new home. The latest, but one of the most important, wave of immigration came from Spanish-speaking countries — Mexico, Puerto Rico, and Cuba [7, p. 21–22]. These contacts with other languages have played a very important role in the development of American English, which will be elucidated in this paper later. At this stage the same factors that increase the number of discrepancies — geographical isolation from British English and contacts with other languages — continue to be in power, which results in a still greater degree of divergence.

So, what we have speaking about the history of American English in general is that a group of British English speakers moved from their homeland to a different part of the world where in the course of time the language they brought gradually grew different from the language they left back in Europe, thus forming a new variant of the English language. This new variant, American English, has its own historically determined peculiarities and differs from its British counterpart in some aspects of phonetics, vocabulary and grammar. The next paragraph of the paper is dedicated to the description and analysis of these very differences that can be observed nowadays.

§2. Differences between American English and British English viewed historically

Since American English can be treated as a relatively young offshoot of British English, the latter will constitute the basis for comparison. It should also be noted that the differences to be analyzed are rather numerous, but at the same time they are often very specific, unimportant and unsystematic. That is why we are going to shed light only on the most significant and noticeable divergences.

§2.1. Phonetics

The presence of rhotic accent

The presence of rhotic accent is one of the most noticeable and recognizable differences between British and American English. Rhotic accent refers to the manner the letter *r* is pronounced after a vowel in such words as *bar*, *hard*, *here*, etc. In American English it is pronounced distinctly and is never left unread. It is documented that up to 1776, when the American Revolution broke out, there was no such thing as British and American accents, both were indistinguishable and both were rhotic. But towards the end of the 18th century the upper classes of Southern England started to remove the rhotic accent as a way of marking their class distinction. Gradually the new version of pronunciation spread all over Britain, while over the ocean it remained the same in the absence of reason to introduce any changes. As we can see, this difference is the result of the loss of direct connection between the two variants. It is not even of much impor-

tance what exactly caused a particular historical change in British English — the thing is that this change was not reflected in its American counterpart, which added one more point to the list of differences.

The sound /u/ in such words like *new* instead of the classical /ju/

A similar process is observed in the following case. As is known, American English is characterized by the sound /u:/ in words like *new* and *knew*, where British English has /ju:/. This pronunciation was typical of speech in East Anglia at the time the first settlers left England and it is still recognizable in some rural parts of eastern England. However, the Americans preserved the /j/-less pronunciation, while the pronunciation with /j/ became the standard in British English.

Reading of the letter *a* in words like *fast*

It can be pointed out that the use of /æ/ in words such as *fast* and *path* was abandoned in Southern England, that is, the speech area influenced by London, at the end of the 18th century. The sound corresponding to the letter *a* was mainly flat in England, even in words like *father*. This means that it was pronounced unrounded, with the lips slightly spread. There are about 150 common words in American English that have this vowel, instead of the vowel used in British English today. The /æ/ is present in American pronunciation in words in which the letter *a* is followed by the so-called voiceless fricatives *f*, *s*, and *th*. This flat *a*, pronounced /æ/, was common throughout England until the 18th century.

The analyzed differences show that American English sounds preserve qualities that were found in the English of the 17th and 18th centuries.

Stress patterns

Elizabethan stress patterns were different from those of today. The words *secretary* and *necessary* had secondary stress on the penultimate syllable in Shakespeare's time. This is general American practice today, a practice which has changed in British English, where the pronunciation of these words has only primary stress on the first syllable. The same applies to the stress pattern of words like *circumstance*, where American English has secondary stress on the final syllable.

Loanwords

Loanwords from French were adapted by American English in a different way than they were by British English. Change of stress is the most noticeable difference. In American English French loanwords have a final-syllable stress, while British English stresses an earlier syllable. It seems that the American English phonology has respected the fixed accent of the French language, which in most cases falls on the last syllable, while British English speakers tried to adapt the new words for their accentuation system. A few examples of this change of stress are as follows: *adult*, *baton*, *brochure*, etc.

Accent leveling

There was a great deal of accent leveling in the speech of the first Americans. For example, the people from East An-

glia and the West Country mixed freely in the new colonies. As a result, the children of the first generation in all probability spoke a kind of English that was the merger of accents from a variety of English dialects. The process already started on the ships and continued in the closely-knit colonies of the New World. We can consider this process of accent leveling as a major force in the shaping of American English. In particular, it must have had an impact on the relative uniformity of American English [7, p. 25–26].

As it is easy to see, many of the phonetic differences can be explained historically either by the relative geographical isolation of the newly discovered lands and the loss of connection between American English and British English or by specific characteristics of the process of exploration of these lands.

§2.2. Vocabulary

The vocabulary used by American speakers, has distinctive features of its own. There are whole groups of words which belong to the American vocabulary exclusively and constitute its specific features. These words are called Americanisms.

The first group of such words may be described as **historical Americanisms**. In American usage these words still remain their old meanings whereas in British English their meanings have changed or fell out of use.

Let us take a look at some examples. The word *mad* is perhaps the most frequently used American word for *angry* today, as in *I am mad at him*. This goes back to Elizabethan times, when Shakespeare used it in the sense of *angry*. In modern British English usage *mad* simply means *insane*, although many British people would also recognize the American meaning of the term. *Sick* originally meant *ill* in general in the 17th century. It is this meaning that survives in such expressions as *sickbed*, *sick-note*, *homesick*, and *lovesick* in both British and American English. The meaning of the word was not limited to *nausea* alone, which is the predominant meaning in Britain today. When used predicatively (i.e., with verbs like *to be* or *to feel*), the new British sense of the term is *ready to vomit*, *to feel nauseated*. American English still retains the earlier, more general sense of the word, and it is used to speak of illness in general. *Guess* is another American English word that has captured the attention of those dealing with British-American differences. This is because, many observers find, it is overused as a verb by Americans. The specifically American meaning of the verb is *suppose* or *consider*, and it occurs in sentences such as *I guess you are feeling tired after your long journey*. The important point about it here is that its use goes back to Chaucer in the 14th century, and it was used up to the 17th century, when it died out in standard British English (although it survives in some British dialects). As a final example, we can mention the word *bloody*. Originally, the word *bloody* simply meant *covered with blood* in English. This is the meaning which was carried over to America, where the word is used in this non-taboo sense. In British English, however, it became a taboo

word for the expression of anger, or other negative feelings. This is why it could create an uproar in England when it was used in G. B. Shaw's *Pygmalion* at the beginning of the century. This use of the word has not carried over to American English.

So, historical Americanisms retain their obsolete meanings, while the meanings of these words in British English have already undergone more or less significant changes.

The second group of Americanisms includes words which are not likely to be discovered in British vocabulary. These words may be called **proper Americanisms**. They were coined by the early Americans who had to find names for the new environment (flora and fauna) and new conditions of life, e.g. *redbud*, *bluegrass*, etc. It is clear that these lexical units are specifically American ones and were brought to life due to the necessity to adapt to the new environment.

Another group of Americanisms consists of words which may be described as specifically **American borrowings**. These borrowings reflect historical contacts of the Americans with other nations on the American continent.

The first languages with which the English-speaking settlers came into contact in the 17th and 18th centuries include various native Indian languages, as well as Spanish, French, etc.

The first and real «owners» of the American continent were the various native American **Indian** tribes, speaking a large number of different Indian languages. Roughly fifty American Indian words have established themselves in the lexicon of American English. The first English-speaking settlers called these words «wigwam» words, *wigwam* being one of the earliest borrowings into the English language in North America. Many of the words borrowed came from the domain of trees, plants, fruits, and animals (*sequoia*, *moose*, *skunk*, etc.) In many cases, the Indian words were perceived by the settlers as too long or too difficult to pronounce. As a result, they have simplified the original Indian words, which often meant making them shorter. Thus, today American English has the word *raccoon* for the animal from *aracouns*, which ultimately derives from the Indian word *raughroughouns*.

The **French** influence came later than the native Indian influence. The settlers met the French as they moved inland. The contact resulted in borrowings such as *toboggan*, *crêvasse*, *depot*, etc. As we have already mentioned, in American English such words often retained their original stress position. One of the best-known American English words of French origin is *prairie*. This word has been «immortalized» by Western movies.

The early **Spanish** influence on American English is the most extensive of all the colonial languages. To this influence the English language owes such common words as *barbecue*, *chocolate*, and *tomato*, which were, incidentally, all borrowed from various Indian languages by the Spanish themselves. The settlers referred to the Spanish as *dagoes*, which is derived from the Spanish name *Diego*. The Spanish influence continues even today.

One more group of Americanisms is represented by **American shortenings**. These are shortenings which were produced on American soil, but may be used in other variants of English as well, e.g. *dorm* (dormitory), *mo* (moment), *cert* (certainty) [7, p. 27–32; 14, p. 148–149].

This shortening tendency is extremely important for understanding the new settlers' psychology, the psychology of their descendants — today's Americans, and the development of American English in general. As Z. Kovecses points out, the personal qualities of the colonists, their inner spirit found their reflection in the characteristics of the language that they actively used while exploring the new territories. The most important of these features are as follows: economical, regular, direct, informal, inventive. It means that the observed historical changes of American English and its mainstream tendencies are the result of manifestation of these personal qualities [7, p. 13].

One more distinctive feature of American English, directly connected with the psychological disposition of the settlers described above, is its orthography. The spelling reform in America began in the latter part of the 18th century and was promoted by Noah Webster, in particular. The purpose of this reform was 1) to create additional distinctive features of American English so that it looks like a really independent language; 2) to decrease the number of discrepancies between spelling and pronunciation — i.e. to make the language system more normalized, regular and convenient to use.

The list of the introduced changes is well-known: *o* instead of *ou*; *-er* instead of *-re*; *-yze* instead of *-ise*; *-ction* instead of *-xion*, etc. [12, p. 353–356].

§2.3. Grammar

Here we are likely to find fewer divergences than in the vocabulary system, but many of these divergences are very interesting, because they are bright manifestations of the Americans' psychology, their historically formed world view as the settlers who in the 17th century came to a new land and had to overcome a lot of difficulties to stay alive and prosper.

For example, the historically determined need for economy, regularity and convenience explains the Americans' unwillingness to use some irregular verbs in the way the British do and their attempts to simplify paradigms of such verbs. For example, these forms, irregular in British English, are regular in American English: *kneel* — *kneeled* — *kneeled*; *saw* — *sawed* — *sawed*; *lean* — *leaned* — *leaned*.

Simplification and informality of American English also manifest themselves in the usage of adjective instead of adverbs after verbs: *She did it good*; *He walked quick*. The same refers to the tendency to substitute the Past Indefinite Tense for the Present Perfect Tense, especially in oral communication. An American is likely to say *I saw this movie* where an Englishman will probably say *I've seen this film*. There is also a point of view that this feature was brought to American English by immigrants who had no complex perfect tenses in their native languages.

Just as American usage has retained the old meanings of some English words (*fall, guess, sick*), it has also retained the old form of the Past Participle of the verb *to get*: *to get* — *got* — *gotten* (cf. the British *got*). In the 19th century, prestigious speakers in England began to drop the *-en* ending, while most Americans continued to use the old form.

One more noticeable distinctive feature of American English grammar is the usage of collective nouns with a singular verb (*The government is saying ...*) The use of the singular verb with these nouns is older, and American English maintained this usage, whereas British English departed from it in the first half of the 19th century [7, p. 27].

That is practically the whole story as far as divergences in grammar of American English and British English are concerned. As G. B. Antrushina puts it, the grammatical system of both varieties is actually the same, with very few exceptions [2, p. 265–266].

§3. Status of American English and its future

American English is relatively young. But this did not prevent it from developing very quickly and successfully. Nowadays it is unanimously recognized that the American variant of the English language is the dominant one in the whole world.

The roots of this situation are to be found in the extralinguistic history of the USA. For instance, 1) the first radio program was broadcast in English from America; 2) the world movie industry based on English originated in the USA; 3) today's popular music is mainly produced in the USA; 4) the world's leading advertising agencies are the property of the USA; 5) English is the main language of the Internet that was invented in the USA [5, p. 41]. It is enough to use any word processor to realize how powerful American English is nowadays — the matter is that almost all computer programs mark British spelling variants as incorrect ones.

So, today the American English variant is the dominating variant. But is it just a variant or maybe really a separate independent language as Noah Webster thought it to be? It is not an easy problem to solve. The matter is that in modern linguistics there are many criteria of differentiating between languages and variants (mutual understanding of speakers, common origin, presence of a codified norm, etc.), but all of them are more or less inconsistent and cannot make us feel absolutely sure if we deal with a separate language or just a variant. It seems that one of the approaches that can be successfully applied here is a subjective linguopsychological or linguopolitical one, including a complex of factors [4, p. 20].

Nevertheless, taking into consideration the following facts:

- 1) American English is a relatively new offshoot of British English;
- 2) the phonetic, lexical and grammatical base of American English and British English is the same;

- 3) there exist some slight differences between American English and British English at the phonetic, lexical and grammatical levels;

- 4) American English and British English serve as a means of communication for two different nations;

- 5) American English has a literary norm [13],

we can conclude that American English is a variant of the English language.

But scientists are interested not only in characteristics and status of today's American English — they are also eager to know what it will be like in the future. There are a lot of theories on this point. E. A. Anchimbe writes that in the future different variants of the English language will lose their peculiar features and blend into one language [1, p. 8]. D. Crystal is sure that there will appear a new universal form of the English language that will make it possible to overcome all the difficulties connected with different variants of English. The scientist thinks that this new form will be created on the basis of American English [8, p. 227–230]. At the same time

D. Graddol says that we should not forget the British English variant, because it is still very popular, widely spoken and has a huge potential [6, p. 57].

Conclusion

So, within the frames of this paper we analyzed the history of American English, pointed out and explained its modern peculiarities, had a look at its position in the today's world and also got acquainted with some general theories concerning the future perspectives of American English.

American English came into existence due to England's colonial expansion. Europeans moved to the New World, settled there, and step by step the language they spoke got quite different from the language they had spoken, thus forming a new variant of English — American English. This process of gradual divergence took place due to the following reasons: relative isolation from England and, consequently, from British English (fixation of older and obsolete norms in American English), contacts with other languages (borrowings), special spirit of the brave and rational first settlers (language economy, regularity, informality, etc.) All these facts and processes left their marks in phonetics, vocabulary and grammar of American English, making them peculiar and different from those of British English.

Nowadays American English is the dominating variant of English, contributing very much to the international communication. The future of American English is an object of discussion, different linguists propound their theories, but none of them gives us an exhaustive and well-based picture of its perspectives. So, it just remains to be seen, if American English will gain in importance, lose its power or blend with some other variant of English. But there is no doubt that it depends on how powerful the American nation will be.

References:

1. Anchimbe E. A. World Englishes and the American tongue // English Today. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — Vol. 22, No. 4. — P. 3–9.
2. Antrushina G. B. Leksikologiya anglijskogo yazyka: uchebn. posob. dlya studentov ped. vuzov / G. B. Antrushina, O. V. Afanas'eva, N. N. Morozova. — 6-e izd., stereotip. — M.: Drofa, 2006. — 287 p.
3. Arnol'd I. V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka: ucheb. posobie / I. V. Arnol'd. — 2-e izd., pererab. — M.: FLINTA: Nauka, 2012. — 376 p.
4. Belyaeva E. F., Hutuni G. T. O ponyatii «otdel'nyj/samostoyatel'nyj» yazyk // Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika». № 4. 2014. — P. 16–22.
5. Crystal D. American lessons // Business Traveller. — March, 1997. — P. 40–41.
6. Graddol D. The Future of English? — London: British Council, 1997. — 66 p.
7. Kövecses Z. American English: An Introduction. 2000. — 348 p.
8. Kristal D. Anglijskij yazyk kak global'nyj / Per. s angl. — M.: Ves' Mir, 2001. — 240 p.
9. Oscar Wilde. The Canterville Ghost.
10. Rastorgueva T. A. Istoriya anglijskogo yazyka: uchebnik / T. A. Rastorgueva. — 2-e izd., ster. — M.: Astrel': AST, 2007. — 248, [4] s.: il. — Na angl. yaz.
11. Reznik R. V., Sorokina T. A., Reznik I. V. A History of the English Language. Istoriya anglijskogo yazyka: Uchebnoe posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2001. — 496 p.
12. The Cambridge History of the English Language. Volume VI. English in North America. 2001. — 567 p.
13. The Free Dictionary. Linguistic norm [Electronic resource]. — Mode of access: <http://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Linguistic+Norm> (accessed December 15, 2015).
14. Zyкова I. V. Prakticheskij kurs anglijskoj leksikologii = A Practical Course in English Lexicology: ucheb. posobie dlya stud. lingv. vuzov i fak. in. Yazykov / I. V. Zyкова. — 3-e izd., ster. — M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008. — 288 p.

Лингвистические особенности делового дискурса

Геймурова Наталья Константиновна, магистрант
Южный федеральный университет

В данной статье рассматривается понятие дискурса и охарактеризованы особенности его типов. Также в работе отражены основные характеристики и лингвистические особенности письменного и устного институционального делового дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, типы дискурса, институциональный дискурс, деловой дискурс, деловое общение, особенности институционального делового дискурса, лингвистические особенности делового дискурса

The article deals with the concept of discourse and the basic characteristics of its types. It also emphasizes the basic characteristics and linguistic characteristics of oral and written forms of institutional business discourse.

Key words: text; discourse, types of discourse, institutional discourse, business discourse, business communication, characteristics of institutional business discourse, linguistic characteristics of business discourse.

В последние десятилетия термин «дискурс» (фр. *discourse* — речь, рассуждение) получил широкое распространение не только в лингвистической сфере, но и в различных областях науки, связанных с функционированием языка — литературоведении, психолингвистике, социологии, юриспруденции, политологии, антропологии и т. д. В связи с этим на настоящий момент отсутствует единое определение данного понятия, так как широкое использование термина способствовало появлению различных подходов к его дефиниции.

С развитием дискурсивного анализа, постепенно занимающим центральное место в лингвистике, интерес к понятию «дискурс» значительно возрос. Наиболее часто с этим термином связывают процесс языковой деятельности. Е. С. Кубрякова в своей работе «О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике» под «дискурсом» предлагает понимать «использование языка», как производное разговорной речи [10, с. 6]. Т. М. Николаева в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике» приводит ряд значений данного термина, пред-

ложенных различными авторами, например: дискурс — это связный текст, его устно-разговорная форма, диалог и т. д. [11, с. 467].

Российский лингвист В. И. Карасик в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» также приводит восемь значений рассматриваемого понятия, предложенных П. Серио, где швейцарский лингвист отождествляет дискурс с высказыванием либо иной единицей, превышающей размер фразы [8, с. 190].

Как мы видим, в современной лингвистике понятие «дискурс» тесно связано с понятием «текст». В этой связи целесообразно подчеркнуть, что появление первого обусловлено развитием лингвистики текста и увеличением границ ее исследования [5, с. 32–33]. Следует также отметить, что текст — это результат языковой деятельности, существующий в устной и письменной форме, а дискурс — и ее процесс, и результат [9, с. 307]. Это комплексное явление, которое, кроме текста, включает в себя различные экстралингвистические факторы, способствующие пониманию текста (цели адресанта, различные установки и т. д.) [14, с. 85]. По мнению Н. Д. Арутюновой «дискурс» — это текст (речь), с присущими ему прагматическими, психологическими и социокультурными особенностями [1, с. 136–137].

В нашем исследовании мы, вслед за Ю. С. Степановым, придерживаемся точки зрения, что дискурс — явление, существующее в текстах, для которых характерны: особая грамматика, лексика, синтаксис и т. д. [12, с. 45; 15, с. 36].

Как известно, одним из аспектов исследования дискурса является выделение особых его типов [10, с. 10]. Создание классификации типов дискурса и их дифференцированное рассмотрение позволяет выявить отличительные черты различных текстов и особенности контекстов, описать лингвистические и экстралингвистические характеристики отдельного типа дискурса и т. д. [3, с. 111–113]. В. И. Карасик выделяет два типа дискурса: личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный [8, с. 193–194]. Личностный дискурс подразделяется на бытовой и бытийный. Для первого характерны: диалогичность, нередко сжатость, эмоциональность, использование разговорной формы речи и т. д. Бытийный дискурс носит развернутый характер, оперируя разнообразными формами речи на базе литературного языка [там же, с. 240]. В то время как статусно-ориентированный дискурс представляет собой общение, которое может носить как институциональный, так и неинституциональный характер, в зависимости от функционирующих социальных институтов в обществе на определенный момент времени [там же, с. 193]. Участниками институционального общения являются представители общественных институтов и организаций, либо представители определенной социальной группы и, взаимодействующие с ними, частные лица [6, с. 216]. Таким образом, институциональный дискурс — это общение, ограниченное не только рамками определенного общественного инсти-

тута, но и социально зависимое явление, поэтому количество его видов может как увеличиваться, так и уменьшаться. В данной работе мы, вслед за В. И. Карасиком, рассмотревшим институциональный дискурс в социолингвистическом аспекте, выделим следующие его виды: научный, политический, юридический, деловой, военный, рекламный и т. д. [8, с. 193]. Из вышесказанного следует, что коммуниканты персонального типа дискурса входят в ситуацию речевого общения лично, когда коммуниканты институционального выступают как представители какого-либо общественного института [8, с. 193–199].

Анализ современных исследований показал, что деловому дискурсу, как одному из наиболее важных типов речевого общения на настоящий момент, наименее свойственен личностный компонент. Как вид институционального типа деловой дискурс обладает следующими особенностями: 1) шаблонность; 2) клишированность; 3) взаимодействие коммуникантов происходит в определенных условиях общения; 4) определенная система целей общения, направленных на решение проблем в рамках общественного института, достижение договоренности и оказания речевого воздействия на адресата; 5) статусно-ролевые отношения (специфические коммуниканты, например: начальник — подчиненный) и т. д. Для решения поставленной задачи участники делового дискурса используют различные способы и средства, без которых достижение поставленной коммуникативной цели и взаимопонимание не предоставляется возможным. Вместе с тем в деловом дискурсе присутствуют характеристики, свойственные как личностному, так и другим видам институционального типа. Представляя основу деловых отношений, данный вид дискурса функционирует в таких сферах как: производство и его финансирование, покупка и продажа услуг и товаров, ремонт товаров, страхование, переговоры по перечисленным видам статусно-ролевых взаимоотношений и т. д. [17, с. 12–13]. Следовательно, участниками делового дискурса являются специалисты и управленцы в области экономики, бизнеса, рекламы, маркетинга, предприниматели, клиенты и т. д. [там же]. Отсюда следует, что деловой дискурс представляет собой речевое общение, происходящее в условиях статусно-ролевых отношений, как внутри общественных организаций, так и между ними; и деловые отношения представителей организаций с физическими лицами. Рассматриваемый вид дискурса реализуется в рамках делового общения в форме переговоров, деловой переписки (на данный момент также активно используется переписка по электронной почте), деловой документации, обладающей определенной структурой и особыми лингвистическими характеристиками. В деловом дискурсе, как в типе институционального вида, можно выделить ряд таких параметров, как: специфические стратегии, ценности и специфические характеристики текстов. К первым относятся: переговоры, собеседования, тренинги и т. д. Ценностями делового дискурса являются: создание деловых либо партнерских отношений, извлечение прибыли, управление [там же]. В связи с этим

необходимо отметить, что одной из наиболее важных черт текстов данного дискурса является целенаправленное побуждение адресата к требуемым действиям [17, с. 14].

Поскольку в данной работе рассматриваются лингвистические характеристики институционального делового дискурса, мы считаем целесообразным уделить особое внимание определенным языковым единицам и текстуральным особенностям, присутствующим в текстах данного дискурса. Говоря об особенностях текстов рассматриваемого дискурса, необходимо отметить, что при их составлении используется официально-деловой стиль речи, характеризующийся наличием специальной терминологии, особой лексики и фразеологии, грамматики, аббревиатур и т. д. Мы разделяем точку зрения Шлёпкиной М. М., приведенной в одной из ее работ, о том, что к характерным особенностям текстов делового дискурса следует относить: сжатость и экономичное использование языковых средств, клише, использование сложносокращенных слов и т. д. [18]. К перечисленным характеристикам делового общения также можно добавить связность, логичное построение высказываний, ясность изложения и т. д.

Как было отмечено ранее, структура делового общения включает в себя так называемые дискурсивные формулы, выражающиеся во фразеологизмах и клише, которые широко используются в текстах рассматриваемого нами дискурса. Например: «at short notice» (в короткий срок), «to proceed to the execution» (приступить к исполнению), «charter party» (договор морской перевозки), «to enter into a contract» (заключить контракт), «final and binding upon both parties» (окончательное и обязательное для обеих сторон) и т. д. [4, с. 10–12]. Расширение границ деловой коммуникации и постоянное использование деловых контактов способствовало установлению определенных речевых форм, которые функционируют в текстах различных жанров как устного, так и письменного институционального делового дискурса. Одним из таких форм принято считать клише. Их функционирование в текстах делового дискурса служит улучшению взаимопонимания участников коммуникации определенного общественного института. Так, например, исследователь Шлёпкина М. М. в своей работе «Дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе» рассматривает тексты одного из жанров делового дискурса, а именно жанра «деловых переговоров». Автор работы приводит ряд высказываний из английского текста рассматриваемого им жанра, в процессе исследования выделяя в них следующие клише и фразеосхемы: «to reach an agreement» (достигнуть соглашения), «to resolve mutual problems» (решить общие проблемы), «to establish a good rapport» (установить контакт). Как отмечает исследователь, фразеосхемам в текстах данного жанра присущи не только емкость и лаконичность, но и стереотипная структура с надлежащим компонентом эмоциональности делового дискурса [18]. Исследователь также выделяет фразы-клише, обладающие стереотипной формулой с характерной ей устойчивостью лексических единиц. Приведем некоторые из

них: «on the agenda» (на повестке дня), «to get down to business» (приступить к делу), «to analyze the plan of action» (рассмотреть план действий). Исследование Шлёпкиной М. М. наглядно показывает, что более половины текста данного жанра делового дискурса составляют фразеосхемы, и 40 % составили клише [18]. Анализ материалов по нашему предмету также показал, что при проведении переговоров широко используются следующие фразы, выражающие вежливое отношение к коммуникантам: «could it be possible...» (предоставляется ли возможным), «you might consider» (вы могли бы рассмотреть) и т. д.

В жанре делового дискурса «совещание», направленном на принятие совместного решения и обмен информацией, также широко используются следующие клише: «working meeting» (рабочее совещание), «a routine basis» (на постоянной основе), «cesser clause» (оговорка о прекращении ответственности фрахтователя) и т. д. [там же; 4, с. 10]. В уточнение к вышесказанному отметим, что в большинстве текстов делового дискурса распространены такие клише и фразеологические единицы, как: «to enter the contract» (заключить договор), «to price oneself out of the market» (переоценить товар) и многие другие. Вместе с тем в английских текстах делового дискурса используются латинские и французские клише, например: «appendix» (приложение к договору), «ex-gratia payment» (добровольная выплата) [2]. Кроме того, специфическими правилами этикета в различных жанрах делового дискурса обусловлено наличие большого количества формул и приемов для начала и прекращения разговора, его продолжения, запроса, согласия и т. д. [18].

Так как одной из целей текстов делового дискурса является предоставление адресату необходимых данных в кратчайшие сроки, адресанту следует постоянно придерживаться принятых норм, актуализирующихся через определенные концепты, правила институционального общения, формулы, базисные понятия [17, с. 10–11]. С этой целью адресант использует терминологию, способствующую упрощению поиска адресатом нужной информации при предварительном ознакомлении, либо для привлечения его внимания к наиболее важной информации [там же, с. 30]. Кроме того, в официальных текстах делового дискурса, как справедливо отмечает исследователь Тарнаева Л. П. в своей работе «Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблемы», наблюдается строгое следование сценарному принципу, например: «From Robert Brown, Factory Manager — To Susan Russel, Production Manager» (От Роберта Брауна, директора фабрики — Сюзан Рассел, начальнику производственного отдела) [13, с. 173]. Кроме того, официальные тексты делового дискурса отличаются от текстов других его жанров наличием лексических единиц официального стиля («proper health and safety procedures were followed» (все процедуры по технике безопасности и гигиене труда на рабочем месте были соблюдены)), использованием канцеляризм («We support the idea that em-

powerment gives employees motivation» (Мы разделяем мнение о том, что расширение прав и возможностей работников способствует их мотивации)), употреблением полных форм участников делового общения («Dear Ms. Prichard» (Уважаемая Мисс Причард)), сложной структурой организацией предложений и т. д. [13, с. 173].

Как было сказано ранее, лексический уровень текстов делового дискурса характеризуется широким использованием различных аббревиатур и сокращений. Так, например, в текстах контрактов экономической направленности довольно часто можно встретить следующие сокращения: «L/C — Letter of Credit» (аккредитив), «AP — accounts payable» (кредиторская задолженность), «C/N — consignment note» (транспортная накладная) и т. д. [19, с. 37–38]. В настоящее время также широко распространено использование аббревиатур для обозначения различных организаций и должностей: «PA — Personal Assistant» (личный секретарь), «CPA — Certified Public Accountant» (дипломированный общественный бухгалтер), «ICC — International Chamber of Commerce» (международная торговая палата, МТП) и т. д. [там же]. С прагматической точки зрения применение в деловом общении интернациональной лексики нежелательно, так может привести к непониманию или разночтению.

С точки зрения грамматики в текстах делового дискурса выделяются различные особенности, строевые элементы и особые характеристики. Отличительной чертой деловых взаимоотношений является «расширенный код общения», так как, в противопоставление бытовому типу дискурса (где общение происходит при помощи «сокращенного кода»), деловой не имеет контекстной зависимости [8, с. 173]. Также в текстах делового дискурса наблюдается употребление безличных конструкций, так как здесь личностный компонент менее выражен, чем с текстах личностного типа дискурса. Так, например, для деловых писем характерно использование безличной конструкции «it is essential that» (важно, чтобы) [7, с. 60].

В документах делового дискурса официальность и императивность достигается с помощью использования различных грамматических и лексических средств. Для акцентирования императивности в английских документах используется, например, модальный глагол «shall», в значении долженствования [2]. В русском языке в этой функции используется соответствующий глагол в настоящем времени, например: «production shall be delivered under the following condition» (доставка продукции производится на условиях). Однако, необходимо отметить, что интерпретация английского глагола «shall» зависит от жанра текста делового дискурса [там же].

В письменном английском деловом дискурсе широко распространено использование инфинитивного комплекса с предлогом «for», например: «for the board to consider» (чтобы рассмотрел совет) [7, с. 58]. Для придания официальности и тона объективности в текстах документов присутствует грамматическая категория страдательного залога, например: «Each company driver will

not be limited in...» (каждый сотрудник компании сможет пользоваться) [там же]. Использование следующих инфинитивных конструкций характерно для текстов различных жанров делового дискурса: «is reported to» (сообщается), «is considered to» (рассматривается), «is expected to» (ожидается) [там же, с. 59]. В английском деловом общении в простых предложениях, подразумевающих какое-либо условие, употребляется конструкция «would+инфинитив»: «I would be extremely interested to discuss...» (Я бы с радостью обсудил с Вами) [там же].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что устное деловое общение и письменное тесно связаны. Однако в диалогическом деловом дискурсе может наблюдаться отступление от норм, регламентации общения. Коммуниканты делового дискурса в процессе общения могут совершать смену регистра, т. е. переходить из делового общения в межличностное, что повлечет за собой изменения как на лексическом, так и грамматическом уровне высказывания. Справедлива точка зрения В. И. Карасика о том, что «устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов» [8, с. 195]. Например, как отмечает исследователь Тарнаева Л. П., в англоязычном диалогическом деловом дискурсе встречаются следующие речевые средства: употребление кратких форм имен адресата и адресанта вместо полных; использование лексических единиц, относящихся к разговорному стилю речи; междометия, сокращенные формы вспомогательных глаголов и много другое [13, с. 173]. Также на структуру текста могут повлиять различные экстралингвистические факторы, например, изменение количества участников общения [5, с. 32–33].

Таким образом, анализ литературы по нашему предмету показал, что в настоящее время понятия дискурса и делового дискурса рассматриваются в современной лингвистике с различных позиций. Институциональный деловой дискурс функционирует в условиях статусно-ролевых отношений и реализуется в различных формах делового общения. В нашей работе деловой дискурс был охарактеризован с позиций социолингвистики и лингвистики. В ходе исследования мы рассмотрели деловой дискурс как сложное многоуровневое явление, обладающее специфическими параметрами, целями, уникальными лексическими, грамматическими, экстралингвистическими и прагматическими характеристиками. Приведенные примеры наглядно демонстрируют вышеперечисленные особенности, встречающиеся как в устном, так и письменном деловом дискурсе. В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что затронутая нами проблема дискурса рассматривалась достаточно широко, однако многие характеристики и ряд вопросов, связанных с лингвистическими особенностями делового дискурса, остается недостаточно разработанным и изученным. Однако материалов для исследования по данной проблеме всегда будет достаточно, что представляет возможным дальнейшее изучение лингвистических особенностей как письменного, так и устного делового дискурса.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — с. 136–137.
2. Биленко, Ж. Л. Лексико-грамматические и стилистические особенности англоязычных документов // Вестник ХНАДУ. Языкознание, ВАК РФ: 10.02.00–2007. — № 39 (URL <http://cyberleninke.ru>)
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 311 с.
4. Глазкова, М. Ю., Стрельцов А. А. Методические рекомендации по курсу «Перевод официально-деловой документации». — Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. — 16 с.
5. Ерофеева, Е. В., Кудлаева А. Н. К вопросу о соотношении понятий текст и дискурс // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. — Пермь, 2003. — Вып.3. — с. 28–36.
6. Иванова, Л. Ю., Сквородникова А. П. и др. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. — М.: Наука, 2007. — 840 с.
7. Исмагилова, Л. Р. Грамматические особенности перевода деловой корреспонденции (на материале деловых писем на английском и русском языках экономической направленности) // Филология и культура — 2013 — № 1(31) — с. 57–61
8. Карасик, В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс: монография. — Волгоград: Перемена, 2002. — 331 с.
9. Кибрик, А. А., Плунгян В. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М., 1997. — с. 307–322.
10. Кубрякова, Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров. — М.: РАН. ИНИОН, 2000. — с. 5–13.
11. Николаева, Т. М. Новое в зарубежной лингвистике // Краткий словарь терминов лингвистики текста. — Вып. VIII. — Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. — М.: Прогресс, 1978. — 479 с.
12. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. — М.: РГГУ, 1995. — С. 35–72.
13. Тарнаева, Л. П. Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 12 (42): ч.3. — с. 171–174.
14. Хроленко, А. Т. Основы современной филологии. — М.: Флинта, 2013. — 344 с.
15. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 151, кн. 6. 2009. — с. 31–37
16. Ширяева, Т. А. К вопросу о статусе дискурса // Вестник ПГЛУ. — 2006. — 49–55 с.
17. Ширяева, Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса. — Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Краснодар, 2008. — 50 с.
18. Шлёпкина, М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. — Уфа: Лето, 2011 — с. 222–227. (URL <http://www.moluch.ru>)
19. Ярмухамедова, Ф. М. О лексических особенностях официально-делового стиля: на материале англоязычных контрактов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 196 — т.196. — с. 35–42.

Инверсия в современном англоязычном коротком рассказе

Долженко Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент;

Копенина Олеся Вячеславовна, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

В статье рассматривается понятие «инверсия», а также анализируются наиболее распространенные случаи использования инверсии в современных английских художественных произведениях.

Ключевые слова: грамматическая, стилистическая инверсия, художественное произведение.

Порядок слов в английском предложении по сей день является достаточно актуальным объектом для изучения его лингвистами. Дело в том, что предложение является наиболее сложной единицей языка, как по семантическому, так и по формальному составу. Мы можем дать большое количество интерпретаций любому предложению, все зависит от авторской установки этого предложения, и именно порядок слов в данном случае играет наиболее важную роль.

Известно, что порядок слов в английском предложении является более устойчивым в отличие от русского языка. Если в русском языке мы с лёгкостью можем менять слова в предложении, изменяя, к примеру, только падежные окончания, то перестановка слов в английском предложении, может полностью изменить смысл данного предложения. Сравните для примера «The pupils read the newspapers» — «Ученики читают газету» и «The newspapers read the pupils» — «Газеты читают учеников». Однако существуют случаи, которые позволяют изменять прямой порядок слов в английском предложении. Наиболее часто такие случаи встречаются в художественной литературе, когда автор меняет привычный порядок слов, желая подчеркнуть определенное слово, выражение или придать более эмоциональное звучание какой-либо фразе, и это нельзя назвать ошибкой. Данное явление называется инверсией [5, с. 14].

К настоящему времени инверсия является достаточно изученным явлением. Впервые должное внимание такому явлению, как инверсия начало уделяться только в XX веке. Среди первых ученых-лингвистов, занимавшихся его исследованием, можно выделить И. Р. Гальперина, И. В. Арнольд, А. Н. Мороховского. В свое время исследованием данного феномена занимались также такие ученые, как В. Н. Комиссаров и А. Ф. Смирницкий. Одно из определений инверсии принадлежит О. С. Ахмановой. Под инверсией она понимает «нарушение обычного расположения (порядка следования) составляющих предложения слов и словосочетаний, в результате чего «переставленный» элемент предложения оказывается выделенным и, таким образом, привлекает к себе внимание» [2, с. 176]. А. Ф. Смирницкий, к примеру, в своей работе «Синтаксис английского языка» трактовал инверсию, как «обратный порядок слов в предложении, то есть, это такие случаи, когда сказуемое предшествует подлежащему» [6, с. 70]. В свою очередь, И. В. Арнольд определяет данное

понятие как «нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности» [1, с. 112].

Отметим, что в английском языке существует три основных типа инверсии: грамматическая, стилистическая и усилительная. Из них наиболее часто используемой является грамматическая инверсия. Еще одним аспектом, заинтересовавшим исследователей, предстает явление функционирования инверсии в тексте.

Самой распространенной классификацией функций инверсии является классификация, предложенная А. Ф. Смирницким. Смирницким было выделено три основных функции порядка слов в английском предложении, среди которых грамматическая функция, основной смысл которой в том, что порядок слов служит для выражения определенных синтаксических отношений; функция выражение порядком слов лексического подлежащего и лексического сказуемого; а также экспрессивно-стилистическая функция [6, с. 62]. Порядок слов в предложении не всегда выполняет только одну определенную функцию, чаще всего он выполняет несколько функций одновременно. Также порядок слов в английском предложении несет большую грамматическую нагрузку, что является причиной ограничения изменений порядка слов для создания стилистического эффекта.

Инверсия в современном английском языке является достаточно распространенным явлением, однако следует отметить, что в большинстве случаев, оно характерно для литературных произведений, в которых с помощью данного феномена создается эффект экспрессивности, так как доминантный элемент находится именно в конце предложения, в результате чего у читателя создается тревожное ожидание, он не получает привычного указания на предмет в начале предложения. Инверсия также позволяет сделать язык более ярким и выразительным.

Существует большое количество различных случаев использования инверсии в английском языке. Среди которых наиболее распространенными являются инверсионные конструкции с оборотом *there is/ there are*, а также инверсия, которая используется при выражении вопроса и в предложениях с прямой речью. Рассмотрим различные варианты употребления инверсии в современных худо-

жественных произведениях на примере коротких рассказов XX века: «Неоконченный рассказ» («An Unfinished Story») О. Генри, «Странница» («The traveller») Рея Бредбери и «Сестры» («The sisters») Джеймса Джойса и произведем их анализ с целью выявления наиболее используемых типов инверсии.

«Неоконченный рассказ» О. Генри был написан в 1905 году и вошел в сборник под названием «Четыре миллиона». В данном рассказе мы встречаемся с грамматической инверсией, в частности, с инверсионными конструкциями с оборотом *there is/ there are* и частичной инверсией, которая используется при выражении вопроса. Данная инверсия является объективной, не несет никакой эмоциональной нагрузки, а также выполняет грамматическую функцию и подчиняется грамматическим правилам. Высокая частотность употребления инверсионных конструкций с вводящим *there* обуславливается её универсальностью, так как подобные конструкции наблюдаются и в других языках индоевропейской семьи. Примерами грамматической инверсии могут служить: «There are but two subjects upon which one may discourse with a free imagination, and without the possibility of being controverted», «There is this difference between a furnished room and a boarding-house». Далее примеры, которые относятся к частичной инверсии, используемой при выражении вопроса. «Do you belong with that bunch?» the policeman asked. «Well, ain't you the lucky one?».

В данном произведении мы также встречаемся со стилистической инверсией. В данных предложениях мы имеем дело с инверсией, когда на первом месте в предложении находятся распространенные обстоятельственные выражения. Такая инверсия используется, в основном, в различных описаниях. Использование данной инверсии обуславливается экспрессивно-стилистическими причинами, а именно желанием автора достигнуть большей эмоциональности предложения. Данная инверсия выполняет экспрессивно-стилистическую функцию. Сущность данной функции заключается в необходимости акцентировать то или иное слово в речи, для того, чтобы выделить его значимость в предложении. Примерами данной инверсии являются следующие предложения: «Near at hand was a group of very prosperous-looking spirits arraigned for judgment», «Against the wrinkly mirror stood pictures of General Kitchener, William Muldoon, the Duchess of Marlborough, and Benvenuto Cellini», «Against one wall was a plaster of Paris plaque of an O'Callahan in a Roman helmet».

Обратимся к анализу использования грамматической и стилистической инверсии в рассказе Рея Бредбери «Странница», созданном автором в 1947 году и вошедшем в сборник «Темный карнавал».

Следует отметить, что в данном рассказе Рей Бредбери в большинстве случаев использует грамматическую инверсию, в частности, это инверсионные конструкции с оборотом *there is/ there are*, а также инверсия, используемая при выражении вопроса. Рассмотрим примеры

грамматической инверсии, используемые в данном произведении. Предложения с инверсией с оборотом *there is/ there are*: «And, well, there are six hundred other things —!», «And there was a grocery that was all fruity shadow and dusty boxes and the smell of an old Armenian woman, which was like the odour of a rusty penny».

В данном рассказе также встречаются примеры использования грамматической инверсии, которая употребляется в вопросительных предложениях. «Where would she go today?», «Am I too late?», «he demanded, hoarsely, sobbing. «Is she gone?».

«That was Uncle Jonn!», said the littlest girl, breathless» — в данном предложении слова автора следуют после прямой речи. По мнению некоторых ученых, подобные предложения по своей структуре достаточно близки к предложениям, в которых на первом месте находятся распространенные обстоятельственные выражения. Следовательно, в данном случае следует говорить уже о стилистической инверсии. Инверсия в таких случаях выполняет функцию выражения лексического подлежащего и лексического сказуемого.

На наш взгляд наиболее приемлемыми в плане анализа инверсионных конструкций представляются рассказы ирландского писателя-модерниста Джеймса Джойса. Рассмотрим его произведение «Сестры», сборник «Дублинцы», 1905 год. В данном рассказе также имеет место быть грамматическая инверсия. Следует заметить, что инверсия с оборотом *there is/ there are* является наиболее часто используемой во всех произведениях. Данные инверсионные конструкции выполняют только грамматическую функцию и подчиняются грамматическим правилам, не показывая отношение автора [5, с. 16]. Примерами данной инверсии служат следующие предложения. «There was no hope for him this time: it was the third stroke», «No, I wouldn't say he was exactly... but there was something queer... there was something uncanny about him».

Рассмотрим следующие вопросительные предложения. Нам известно, что в английском языке в вопросительных предложениях используется обратный порядок слов, то есть грамматическая инверсия. Такая инверсия является частичной. «Is he dead?», «Am I right, Jack?». Отметим, что данная инверсия не несёт никакой экспрессивно-стилистической окраски и смысловой нагрузки в данных предложениях.

Также в данном произведении используется и стилистическая инверсия. А именно инверсия, когда на первом месте в предложении оказываются распространенные обстоятельственные выражения. Данные предложения обычно начинаются со слов, которые представляют собой наиболее существенную часть предложения. Примерами использования данной инверсии являются: «The next morning after breakfast I went down to look at the little house in Great Britain Street», «In the little room downstairs we found Eliza seated in his arm-chair in state».

В следующих примерах рассмотрим два случая употребления инверсии. «How do you mean, Mr. Cotter?» asked

my aunt. «What I mean is», said old Cotter, «it’s bad for children». В обоих случаях используется инверсия: инвертированный порядок слов в прямой речи в вопросительном предложении является грамматической инверсией, а также стилистическая инверсия — инверсия в словах автора. Во втором предложении прямая речь предшествует словам автора. Инверсия в таких случаях служит для выражения лексического подлежащего и лексического сказуемого, но является полной.

«Had he not been dead I would have gone into the little dark room behind the shop to find him sitting in his arm-chair by the fire, nearly smothered in his great-coat». В данном случае мы впервые встречаемся с усилительной инверсией в условных придаточных предложениях с глаголами should, could, had, was, were. Инверсия используется, так как в предложении нет союза *if*. Следует также отметить, что использование данной инверсии предусматривает, в основном, формальный или литературный стиль.

В данном рассказе мы также встречаемся с еще одним случаем использования стилистической инверсии. Инверсия с оборотом «It is / was ... that / who / whom» используется для эмоционального выделения, поэтому можно сказать, что использование автором данной ин-

версии определяется желанием достигнуть большей выразительности предложения. Примером использования данной инверсии является следующее предложение: «It was always I who emptied the packet into his black snuff-box for his hands trembled too much to allow him to do this without spilling half the snuff about the floor».

По результатам данных исследований можно сделать вывод, о том, что в современных англоязычных коротких рассказах наряду с грамматической инверсией имеет место быть и стилистическая инверсия. Следует отметить, что в подобных художественных произведениях наиболее часто используемыми случаями грамматической инверсии являются предложения с инверсионными конструкциями *there is/are (here is/are)*, инверсия в вопросительных предложениях. Достаточно распространенной является и стилистическая инверсия, когда в предложении на первом месте оказываются распространенные обстоятельственные выражения, наречия места, а также инверсия в словах автора после прямой речи. Редко употребляется стилистическая инверсия в условных придаточных предложениях с глаголами *should, could, had, was, were*, а также инверсионные конструкции с оборотом «It is / was ... that /who / whom».

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И. В. Арнольд. — М.: «Просвещение», 1990. — 300 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. — М.: КомКнига, 2007. — 576 с.
3. Долженко, С. Г. Единство темы как выражение смысловой целостности художественного текста: на примере англоязычных художественных произведений [Текст] // XXIII Ершовские чтения: Межвузовский сборник научных статей. Ответственный редактор Л. В. Ведерникова. — 2013. — с. 156–158.
4. Долженко, С. Г. Стилистика английского языка [Текст] / С. Г. Долженко: учеб. пособие / автор-составитель С. Г. Долженко. — Ишим; Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2014. — 120 с.
5. Ковтунова, И. И. Порядок слов и актуальность членения предложения [Текст] / И. И. Ковтунова. — М.: Просвещение, 2002. — 240 с.
6. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. — 284 с.

Культурные коды в вербальном тексте

Дурцева Елена Юрьевна, аспирант

Самарский государственный социально-педагогический университет

В статье анализируется феномен лингвокультурного кода и демонстрируются способы функционирования лингвокультурных кодов в вербальном тексте. Показываются универсальное и этноспецифическое в лингвокультурных кодах. Исследование ведется преимущественно на материале англоязычных художественных текстов с переводом анализируемых отрывков на русский язык.

Ключевые слова: лингвокультурный код, вербальный текст, фрейм, культурный сценарий, моделирование.

The article contains analysis of linguocultural codes and demonstration of their functioning in verbal texts. The universal and ethnospecific aspects of linguocultural codes are briefly characterized. The research is based on the material of texts written in English and translated into Russian.

Key words: linguocultural code, verbal text, frame, cultural script, modelling.

По Д. И. Дубровскому [1, с. 130], в арсенале кодов, которыми пользуется субъект, один является «внутренним», близким и родным для него. На его основе формируется мысль, а остальные коды выступают как более или менее «внешние»; на них мысль в основном лишь формулируется. Как правило, под «внутренним» кодом понимается родной язык. Но к этому следует добавить важное уточнение. В вербальный язык вплетены лингвокультурные коды; среди них один обычно наиболее близок субъекту. Сквозь его призму субъект видит мир. Такой код является для него моделью реальности или ее части и служит для него порождающим началом речи.

Это нередко связано с профессиональной деятельностью. Так, в речи одного военного мы наблюдали часто встречавшиеся обороты *поразить цель, занять / прорвать оборону, закрепиться на плацдарме, отступить в боевом порядке* и т. п., хотя он говорил о вполне «штатских» и притом самых разных вещах. Видно было, что преодоление трудностей, возникающих в мирной жизни, он осмысливал в категориях военных действий. В определенной мере он видел мир сквозь призму войны. Этот набор образов, языковых средств и речевых способов формирования и формулирования мысли можно назвать «милитарным кодом».

Выше речь шла об индивидуальных особенностях речевого мышления на уровне идиолектов. Однако можно говорить и об особенностях на уровне социальных диалектов, выделяемых по профессиональному, сословному, корпоративному, возрастному и другим признакам, а также на уровне национального и интернационального лингвокультурного пространства.

Специфика природных и культурно-исторических условий жизни народа накладывает отпечаток на особенности коллективного видения мира. Так, у древних евреев овцеводство было экономическим базисом, обусловившим характер социокультурной надстройки. Поэтому Ветхий и Новый Завет изобилуют притчами, заповедями, паремиями, идиомами, образную основу которых составляет «овцеводческий код». Это один из краеугольных камней иудео-христианской мифологии. Его денотативной областью является преимущественно сфера морали. На его базе и поныне сочиняются проповеди и другие тексты сентенциозного жанра, «крылатые слова» и афоризмы, произведения искусства. Так, стихотворение М. В. Анищенко «Пастушок» целиком основано на применении этого культурного кода, вплетенного в вербальный код:

Стучит по дороге слепой посошок, Зима, как дыхание ада. Как больно и грустно, что я пастушок Большого заблудшего стада. Грехи и сомнения бродят во мгле, Витают не дух, а потреба. И нас прижимает к холодной земле Высокая ненависть неба.	Заблудшие овцы ... Так будет всегда, Ведь нет и надежды на чудо. Еще мы не знаем, что вспыхнет звезда И горько заплачет Иуда ... И я поднимаю заблудших овец. Мне большего в жизни не надо. Куда мне вести это стадо, Отец, Куда мне вести это стадо?

Дело не столько в том, что здесь использованы библейские устойчивые обороты, сколько в том, что в образной основе этого стихотворения лежит развернутый метафорический сценарий «Выпас овец», символизирующий определенный вид отношений между Богом и верующими

людьми, а также между священником и паствой. Это поэтический пример; но случаев применения этого кода много и в нехудожественной речи. Так моделирует действительность и строит речь народ; поэт в данном случае не создал свой код, а воспользовался тем кодом, который входит

в лингвокультуру, сохранившую христианскую традицию. Поэтому символика данного стихотворения легко понимается и глубоко проникает в душу читателей.

Лингвокультурный код — это не только набор соответствующих его тематике языковых единиц с символическими значениями (информационный компонент кода), но и общая схема осмысления и языковой репрезентации предметной области, включающая частные схемы (процедурный компонент кода). Наряду с готовыми оборотами речи в него входят структурно-семантические модели словосочетаний и высказываний, содержащие как лексические константы, так и лексические переменные. Это, так сказать, частные схемы мысли. Кроме того, сюда относятся и «свободные» обороты речи, выдержанные в духе данной образной сферы. В целом образный сценарий представляет собой генеративную основу развертывания дискурса на соответствующую тему. Он первичен по отношению ко всем скульптурам, картинам, литературным произведениям, мифам, притчам, афоризмам и фразеологическим единицам, в которых он воплощается.

Всякая моделирующая система есть знаковая система и наоборот. Одно и то же явление с разных позиций предстает в разных ракурсах: с когнитивистских позиций — как модель (сценарий); с семиотических позиций — как знаковая система (код); с лингвистических позиций — как семантическое поле. Этот тезис перекликается с идеей Н. И. Жинкина [2] о «предметно-схемном» («предметно-изобразительном») коде, который при переходе от мысли к речи преобразуется в вербальный код.

Каждая системно-языковая и нормативно-речевая единица занимает свой слот (нишу) на терминале фрейма-сценария, являющегося когнитивной, структурной и генеративной базой данного поля. В подтверждение сошлемся на слова Ч. Филлмора: «... группы слов удерживают вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания и связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин *фрейм* ... ИмPLICITное владение этой специфической организацией нашего физического и социального мира обеспечивает концептуальный базис для довольно значительного корпуса лексического материала ... Сложный фрейм, стоящий за [той или иной] областью словаря, являет собой общее основание образа, который может быть представлен любым из отдельных слов» [3, с. 54]. В нашем примере каждый актант и сирконстант, представленный словом или словосочетанием, локализован на своем участке фрейма и способен активировать фрейм в сознании реципиента.

«Овцеводческий» код в плане выражения детально соответствует иудео-христианскому этическому коду (кодексу) в плане содержания. Они высоко гомоморфны (почти изоморфны). Каждому элементу сценария, в качестве которого может рассматриваться «овцеводческий код», почти однозначно соответствует аналогичный элемент этического кода.

- пастбище → мир благочестия; лес → мир соблазнов; стойло → лоно Церкви;
- овцы → верующие; пастух → Бог и его земное представительство (Церковь);
- волки → совратители душ (еретики, безбожники, подстрекатели к греху);
- предводительство стада → религиозно-этическая пропаганда и воспитание;
- охрана от волков → заповеди, запреты и профилактика их нарушения;
- послушание → признание авторитета Бога и исполнение заповедей;
- непослушание → нарушение заповедей; блуждание → впадение в грех;
- ссоры из-за корма → раздоры на почве материального обогащения;
- подкарауливание неосторожных овец → мирские соблазны;
- возвращение в стойло → покаяние; гибель → духовно-нравственный крах.
- Эта парность концептов отражена в полисемии соответствующих слов:
 - пастырь — «пастух» и «священник»; англ. shepherd / pastor;
 - паства — «стадо (овец)» и «прихожане церкви»; англ. flock / sheep (pl.);
 - вести стадо — «гнать овец» и «быть проповедником»; англ. to lead the flock;
 - агнец — «ягненок» и «богопослушный, кроткий человек»; ср. англ. lamb;
 - паршивая овца — «больная овца» и «грешник»; англ. scabbed sheep;
 - блудить — «блуждать» и «грешить»; англ. to blunder / be lost;
 - заблудшая овца — «заблудившаяся овца» и «грешник»; англ. stray sheep;
 - падший — «упавший» и «морально деградировавший»; англ. fallen;
 - гибель — «физическая смерть» и «низвержение в ад»; англ. ruin / destruction;
 - совратить — «направить в сторону» и «вести в грех»; ср. англ. to lead astray;
 - свернуть с пути (истинного) — «сбиться с правильного курса» и «отклониться от следования религиозно-этическим нормам»; ср. англ. to go astray.

В вышеприведенном списке слов и оборотов, составляющих языковое обеспечение сценария «Выпас овец», семантические варианты с фигуральными значениями представляют собой готовые продукты работы порождающей модели, входящей в рассматриваемый лингвокультурный код. Но на его основе порождаются и речевые произведения — окказиональные трансформы существующих фразеологизмов и паремий, иногда развернутые в целое сверхфразовое единство; «свободные» сочетания и высказывания на данную тему; и даже целые тексты, пронизанные «нитьями» данного кода. Рассмотрим английский

пример и его перевод: It was plain that she had erred and strayed like a lost sheep, and had been duly if severely punished. [6, с. 20] *Было ясно, что она сбилась с прямого пути, подобно заблудшей овце, и была справедливо, хотя и сурово наказана.*

Автор использовал не только готовый фразеологизм a lost sheep (заблудшая овца); он развернул метафору, употребив также «свободные» сочетания had erred and strayed (букв. «совершила ошибку и сбилась с пути»), had been duly if severely punished (букв. «была должным образом, если и сурово, наказана»). Видно, что при этом автор держал в голове весь библейский сценарий, по «рельсам» которого двигалась его мысль. Автор сделал «срез» с этого сценария, выбрав и словесно выразив один из его фрагментов, высветив его на имплицитном фоне общей картины. Данный сценарий, структурирующий соответствующий лингвокультурный код, стимулировал творческие усилия писателя, явился генеративной базой этого отрывка текста; этот код стал одной из нитей, вплетенных в ткань произведения. Это мы и имеем в виду, говоря, что код является генератором текстов (а для реципиентов — регенератором смыслов). Ср. также: The result of this was that his guests were as sheep without a shepherd. [8, с. 96] *Из-за отсутствия хозяина гости оказались заброшены, как овцы без пастуха.*

Канонической формой этого фразеологизма является sheep that have no shepherd (букв. «овцы, у которых нет пастуха»). Однако автор, имея в голове лишь общую идею, создал «свободное» словосочетание sheep without a shepherd (букв. «овцы без пастуха») на основе образного сценария «Выпас овец». Приведем еще один пример: ... no matter what fascist regimes call themselves ... they will be recognized by their deeds. The wolf wears sheep's clothing to harry the flock. [7, с. 148] *... как бы ни называли себя фашистские режимы, ... их будут распознавать по их делам. Волк рядится в овечью шкуру, чтобы напасть на стадо.*

Образная основа фразеологизма wolf in sheep's clothing (волк в овечьей шкуре) развернута здесь до объема целого высказывания на фоне образного сценария. Подобных примеров можно привести множество.

Образной основой культурных кодов, которыми мыслил еврейский народ в древности, служили условия жизни в восточном Средиземноморье. Переняв христиан-

ство, в этих образных категориях стали мыслить и другие народы — жители северных регионов, для которых не были характерны ни овечьи пастбища, ни фруктовые сады, ни другие приметы юга. Так, германцы-язычники представляли себе райское блаженство в виде теплой пещеры — Валгаллы — спасавшей от зимних холодов севера. После принятия христианства они стали воображать райское блаженство на южный лад — как прохладу тенистого сада, спасающую от палящего зноя, которого отродясь не бывало, к примеру, в Скандинавии. Аналогично, в «овцеводческих» категориях стали образно осмысливать важнейшие — этические — проблемы те народы, у которых основу жизнеобеспечения составляли рыболовство, земледелие и разбойничьи набеги, а овцеводство, если и было, представляло собой далеко не первостепенную отрасль сельского хозяйства. Если бы религия скандинавов до сих пор была генотеистической (национальной), они бы наверняка основали свою мораль не на образе выпаса овец, а, скажем, на образе рыболовецкой путины или варяжского рейда (это был их основной образ жизни), и это, возможно, сформировало бы несколько иную мораль (по [4, с. 89], характер модели объекта определяет его концепцию). Так импорт культурных кодов влияет на духовную жизнь и поведение людей.

Входя в актуальную культуру, такого рода коды (библейские, антично-мифологические, этномифологические, художественные, исторические, современные идеологические и др.) служат инструментами языкового мышления и порождения не только литературной, публицистической и ораторской, но и обыденной речи в массовом масштабе. Так, в сталинские годы весь советский народ за небольшим исключением мыслил категориями коммунистического мифа, определявшего деятельность людей не только в политической, но и производственной, и культурной, и бытовой сферах.

Таким образом, каждый народ привык мыслить и моделировать мир на основе своих культурных кодов. При формировании навыков речевой деятельности на неродном языке целесообразно наряду с изучением вербального кода осваивать также инокультурные коды. Это должно приблизить речь учащихся к аутентичной речи носителей данного языка и в целом повысить эффективность кросс-культурной коммуникации.

Литература:

1. Дубровский, Д. И. Понимание как расшифровка кода: Информационный подход к проблемам герменевтики // *Философские основания науки: Материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки»*. Вильнюс: Пяргале, 1982. с. 128–133.
2. Жинкин, Н. И. Язык — речь — творчество. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
3. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XXIII. М.: Прогресс, 1988. с. 52–92.
4. Stewart, A. H. *Graphic Representation of Models in Linguistic Theory*. Bloomington and London: Indiana University Press, 1976. 195 p.
5. Анищенко, М. В. Пастушок // Н. А. Боброва, Л. Г. Шакутина, М. В. Анищенко. Сб. стихотворений. Самара: Самарское отд. Лит. фонда России, 2001. с. 93.

6. Aldington, R. *The Colonel's Daughter*. London: Hogarth Press, 1987. 384 p.
7. Prichard, K. S. *Winged Seeds*. Random House, Inc., 1987. 392 p.
8. Walpole, H. *Jeremy & Hamlet*. London: G. Doran Co., 1923. Reprint 2001. 305 p.

Типология концептов как ментальных образований

Зиновьева Татьяна Александровна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

При общем подходе к определению когнитивной лингвистики, можно было бы сказать, что это наука, которая изучает соотношение когнитивных и языковых структур. Но в данном случае необходимо определить сам термин «когнитивный».

Когнитивная наука — это наука, которая прежде всего, занимается когницией (отсюда она и получила свое название), а когнитивная лингвистика занимается когницией в ее языковом отражении [3: 8–9].

Когниция (cognition) — это понятие, которое охватывает не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого — телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром. Это — и восприятие мира, и наблюдение, и категоризация, и мышление и речь, и воображение и многие другие психические процессы или их совокупность [3: 39–49].

Вся познавательная деятельность человека (когниция) направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Это, в свою очередь, связано с необходимостью выделять и сравнивать (отождествлять и различать) объекты и события. При этом центральное место в этой классификационной деятельности занимают процессы концептуализации и категоризации, которые различаются по своему конечному результату и цели [2: 10].

Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта — структур знания, а процесс категоризации — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории [2: 12].

Концептуализация — это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов, (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов) [2: 17].

Люди часто владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, т. е. концептов и концептуальных признаков. Они используют их как готовые клише (по аналогии с грамматическими формами) в совершенно других, не соответствующих им концептах,

не задумываясь, как формулируются значение этого слова в словаре, которое и служит адресату основой для понимания передаваемого смысла [2: 22].

Основной категорией когнитивной лингвистики является концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует в исследованиях философов, логиков, и психологов, она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций. Е. С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «Концепт — оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [3: 34–47].

Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода. Единицы универсального предметного кода имеют предметно-образный, то есть чувственный характер, а универсальность предметного кода связана с тем, что он есть у всех без исключения носителей языка, хотя и различен у каждого индивида, поскольку отражает субъективный чувственный опыт человека, лично им полученный в жизни через его органы чувств [4: 47].

Многие концепты сохраняют преимущественно чувственный, эмпирический характер, например, представленные такими словами, как кислый, сладкий, соленый, гладкий, шероховатый, а также такие как окуроч, яма, лужа, ложка, вилка, тарелка, чашка, стол, стул и под. Соответствующие концепты отражают чисто чувственное знание о предмете, которого для мышления об этих предметах и оперирования с ними в практической деятельности вполне достаточно.

Образ, составляющий содержание концепта, подвергается национальным сообществом определенной стандартизации. Концепты могут быть общенациональными (стандартизованными), групповыми (принадлежащими социальной, возрастной, половой и др. группам) и личными. В национальных и групповых концептах могут также быть индивидуальные компоненты, черты, которые обуславливают в некоторых ситуациях вопросы типа «в каком смысле вы говорите о...?», «что вы понимаете под...?» [4: 48–50].

Концепт представляет собой квант структурированного знания и в силу этого имеет определенную, хотя и не

жесткую структуру: он состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельные признаков объективной или субъективной действительности, дифференцированно отраженных в его содержании, и различающихся по степени абстрактности — от ядерного, предельно конкретно-образного, до периферийных высокой степени абстрактности. Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня.

Возможна типология концептов как ментальных образований.

Во-первых, по признаку стандартизованности, обработанности концепты делятся на индивидуальные групповые (половые, возрастные, социальные) и общенациональные. Групповые концепты стандартизованы в пределах группы, национальные — в пределах концептосферы — народа, индивидуальные концепты не стандартизованы вообще.

По содержанию концепты, подразделяются, на следующие типы:

1. Представление — яблоко, груша, холод, кислый, красный, шершавый, жара и др.

Это обобщенные чувственные образы предметов или явлений, например: дрожь — частое судорожное, вздрагивание тела, клен — лиственное дерево с широкими резными листьями. Представления статичны и являют собой чувственное отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления [1: 112].

2. Схема — концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом — дерево вообще, (наглядный образ дерева вообще — ствол и крона), образ реки как протяженности, ленты, схематический образ человека голова, туловище, руки и ноги («точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огурчик — вот и вышел человечек» — как в детских рисунках и др.). Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуры знаний. Схема — промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции.

3. Понятие — концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Например: квадрат — прямоугольник с равными сторонами, баобаб — широколистное растение из семейства зонтичных, самолет — летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями. А. П. Бабушкин называет понятие логически конструируемый концепт без образности — например, фрукт, игрушка и т. д., но все такие концепты имеют образный уровень, о чем свидетельствует наличие так называемых прототипов [2: 106]. Прототип — это образ типичного представителя класса, категоризируемого концептом.

Например — цветок — ромашка, роза, пустыня — Сахара, птица — голубь, домашнее животное — корова, до-

машняя птица — курица. Фактически это образное ядро концепта, то есть единица УПК, кодирующая соответствующий класс предметов.

Понятия вербализуются, как правило, терминологической и производственной лексикой, а также лексемами рациональной семантики типа житель, клиент, проситель, истец, ответчик, судья. Понятие возникает на базе представления или схемы путем постепенного, поэтапного отвлечения от второстепенных, случайных, индивидуальных чувственно-воспринимаемых признаков обобщаемого предмета или явления действительности (фрукт, овощ, птица), либо путем соединения в понятийном образе мыслительных компонентов других концептов.

Соединяться могут как признаки, отражающие реально существующие элементы действительности (самолет, автомобиль и др.), так и признаки, отражающие элементы действительности, существующие в отдельности, но не существующие в том или ином конкретном сочетании (русалка, кентавр).

В последнем случае концепт есть, но нет в природе самих предметов, нет референтов у соответствующих слов, хотя чувственные образы, отражающие реально существующие признаки, налицо — русалку и кентавра, как и бога можно нарисовать; это свидетельство того, что, во-первых, фантазия — это необычное сочетание обычных элементов, а, во-вторых, что концепт — это продукт отражения действительности, но продукт, обработанный в результате мыслительной деятельности.

В силу сказанного следует признать, что понятия формируются в мышлении преимущественно как отражение научной и производственной сфер действительности (терминология). Многие понятия фактически создаются лингвистами, оказывающимися перед необходимостью дать слову дефиницию в толковом словаре в опоре на небольшое количество дифференциальных признаков или выполнить компонентный анализ значения слов, чтобы разграничить сходные по смыслу слова.

4. Фрейм — мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. Например, *магазин* (компоненты — покупать, продавать, стоять, цена и др.), *стадион* (устройство, внешний вид, поле для игры на нем и др.). Примеры фреймов: ресторан, кино, поликлиника, больница [4: 15–25].

5. Сценарий (скрипт) — *посещение* кино, *поездка* в другой город, *посещение* ресторана, поликлиники, *драка*, *игра*, *экскурсия* — последовательность эпизодов во времени. Это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Это фактически фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов. *Стадион* — это фрейм, а *посещение* стадиона, *игра* на стадионе, *реконструкция* стадиона и т. д. — сценарии [4: 15–25].

6. Гештальт — комплексная, целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт /термин Х. Эренфельса, австрийского искусствоведа конца 19-го века/ представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления, например *школа, любовь*. Гештальты объединяют представления, фреймы, схемы, сценарии. Этот тип концептов требует дальнейшего изучения [4: 15–25].

Концепт, таким образом, есть комплексная мыслительная единица, который в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности либо, свой понятийный уровень, либо фреймовый, либо схематический, либо представлений, либо разные комбинации этих концептуальных сущностей. Представления, схемы, фреймы, сценарии, понятия и гештальты тесно переплетаются, как в мыслительной, деятельности человека, так и в его коммуникативной практике [4: 11–20].

Литература:

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. — 104 с.
2. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., — 1995. — с. 304–307.
3. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // ВЯ. 1994. — № 4 — с. 34–47.
4. Попова, З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. с. 30.

Специфика смыслового построения рассказов Х. Борхеса

Ивлева Алина Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

Статья посвящена анализу специфики смыслового построения текстов Х. Борхеса. Выявляются основные элементы, формирующие двойничество культурного пространства художественного текста Борхеса.

Ключевые слова: интерпретация, реципиент, текст, двойничество, культурное пространство художественного текста.

Интерпретация художественного текста реципиентом в настоящее время приобретает все более сложные формы. Объяснений этому предлагается немало, одно из которых, например, связано с тем, что в последнее время все больше и больше исследователей предлагают рассматривать текст, используя комплексный подход. Несомненно, что интерпретация текста с сугубо лингвистических, или литературоведческих позиций, стремительно теряет свою ценность.

В нашей статье мы рассматриваем тексты Х. Борхеса сквозь призму теории культурного пространства художественного текста, разработанной в нашей докторской диссертации [1]. Феномен двойничества, предлагаемый современными исследователями для анализа двойственной природы текста и персонажа, способен прояснить многие проблемы, возникающие перед учеными, занимающимися особенностями культурного пространства текста.

О прочтении любого произведения, любой фразы художественного текста с помощью двойного зрения пишет известный аргентинский писатель XX в. Х. Борхес, чье творчество является воплощением двойничества. В своих антологиях и в оригинальном творчестве писатель хочет

показать, на что способен человеческий ум, какие воздушные замки он умеет строить, каким далеким может быть «отлет» фантазии от жизни. В антологиях Борхес восхищается протезизмом и неутомимостью воображения, а в своих рассказах он, кроме этого, исследует гигантские комбинаторные способности человеческого интеллекта, разыгрывающего все новые и новые партии с универсумом.

Как правило, рассказы писателя содержат какое-нибудь допущение, приняв которое реципиент в неожиданном ракурсе видит общество, по-новому оценивая свое мировосприятие. Среди его рассказов есть предвосхищения, предостережения, интерпретации. В прозе Борхеса **реальное и фантастическое отражаются друг в друге, как в зеркалах, или незаметно перетекают друг в друга, как ходы в лабиринте**. Рассказы писателя нередко представляются своеобразными снами: во сне действуют реальные обычные люди, с которыми происходят невероятные события. Зеркало, лабиринт, сон — вот символы-образы, наиболее любимые Борхесом. Рассказы автора не раз подвергались классификации: то по структуре повествования, то по мифологическим мотивам, которые в них обнару-

живали критики. Все это, безусловно, важно для литературоведческого изучения. Однако, на наш взгляд, самое важное заключается в том, чтобы при любой дифференциации не потерять главное — «скрытый центр», по выражению самого писателя. Многократно, в интервью, статьях и рассказах, Борхес говорил о том, что *философия и искусство для него равносильны и почти тождественны, что все его многолетние и обширные философские штудии, включавшие также христианскую теологию, буддизм, суфизм, даосизм, были нацелены на поиск новых возможностей для художественной фантазии.*

По существу борхесовский рассказ, построенный на двойничестве, метафорически предвосхищает быстрое развитие таких областей культурологического знания, как герменевтика или рецептивная эстетика. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем сказанное конкретным примером, в качестве которого можно избрать один из лучших рассказов писателя «Пьер Менар, автор «Дон Кихота». Если отвлечься на время от вымышленного Пьера Менара с его выдуманной литературной биографией, можно поставить перед собой следующий вопрос: о чем собственно идет речь? В отстраненной, эксцентричной форме здесь рассмотрен **феномен двойственного восприятия искусства.** Любое написанное слово можно воспринимать двояко. Глазами человека того времени, когда было создано произведение: зная историю и биографию Художника, мы можем, хотя бы приблизительно, реконструировать его замысел и восприятие его современников и, следовательно, понять произведение внутри его эпохи — такой способ обдумывает Пьер Менар, но отказывается от него. И другой взгляд — человека XX в. с его практическим и духовным опытом. Это именно то, что, по мнению рассказчика, пытался совершить Пьер Менар, успевший «переписать», то есть переосмыслить, лишь три главы «Дон Кихота»: в главе девятой первой части речь идет о сугубо литературных проблемах — соотношения между реальным автором, автором-рассказчиком и вымышленным повествователем; в главе тридцать восьмой первой части продолжается древний спор о превосходстве шпаги или пера, войны или культуры; в главе двадцать второй первой части Дон Кихот освобождает каторжников и высказывает при этом весьма современные мысли о справедливости, правосудии, которое не должно опираться только на признание осужденных, о могуществе человеческой воли, которой под силу победить любые испытания. Конечно, не менее актуально звучат и другие пассажи из «Дон Кихота». В 1938 году, в разгар гражданской войны в Испании, поэт А. Мачадо использовал цитату из рассуждений Дон Кихота в эпизоде со львами (часть вторая, глава семнадцатая), обратив ее в метафору героического и безнадежного сопротивления республиканской Испании фашистскому мятежу: «Чародеи вольны обрекать меня на неудачи, но сломить мое упорство и мужество они не властны» [2, с. 121].

Осовременивание классики совершается Борхесом очень часто, но, как правило, остается неосознанным читателем. Невероятное и непосильное предприятие П. Менара делает его наглядным. Французский критик М. Бланшо счел «Пьера Менара» метафорой художественного перевода. Видимо, подобное толкование носит слишком частный характер. Нам представляется, что подобное переосмысление происходит при анализе, при режиссерских и иных интерпретациях, да и просто при чтении. Это и есть, на наш взгляд, подтверждение предвосхищения науки искусством.

В рассказе-эссе «О культуре книг», как и в некоторых других своих рассказах, Борхес как бы предвосхищает современную семиотическую теорию, в те годы, когда создавался сборник «Новые расследования» (1952), только формировавшуюся в узких кружках специалистов и отнюдь не обладавшую ее сегодняшним резонансом.

Пожалуй, наиболее многочисленную группу фантастических рассказов Борхеса составляют рассказы-предостережения. Английский ученый Дж. Фейен интересно рассуждает о предупреждении, содержащемся в истории гибели Эрика Леннрота из рассказа «Смерть и буссоль»: «Опасность, по-видимому, кроется в попытке ориентироваться на какой-нибудь избранной точке: не просто в поисках симметрии, а в любой попытке разума замкнуться в каких-то границах... При построении объяснений, способных предсказывать явления, модели иногда оказываются весьма полезными, но, как и любая система представлений, они могут заменить собой ту самую реальность, которой призваны служить: видение, закоснев, превращается в догму» [3, с. 163].

Сочиняя свои интеллектуальные метафоры, Борхес проявляет дерзость по отношению к устоявшимся и общепринятым понятиям и даже священным мифам и сакральным текстам западной цивилизации, в лоне которой он был воспитан. Чтение Евангелия, должное внушить любовь и смирение, может привести к неожиданному смертоносному результату, как, например, в рассказе «Евангелие от Марка». А герой рассказа «Три версии предательства Иуды» вообще оспорил Новый завет, предположив, что богочеловеком был не Иисус, а Иуда, и искупление состояло не в смерти на кресте, а гораздо более жестоких муках совести и бесконечном страдании в последнем круге ада (именно туда поместил презреннейших из грешников — Иуду и других предателей — Данте). Заключительные строки этого рассказа: «...он обогатил новыми чертами — зла и злосчастия» — приближают рецепиента к пониманию критериев, которыми руководствовался Борхес, создавая свои романтические постулаты. Писатель подкрепляет вымыслы цитациями и библиографическими справками, где только при помощи специальных изысканий можно отделить подлинные имена и названия книг от вымышленных. Эффект таких повествовательных приемов не сводится к элементарному жизнеподобию. Борхес как бы разрушает средостение между реальной и вообра-

жаемой жизнью, заставляет читателя испытывать подчас головокружительное ощущение, что все может случиться, что в любой библиотеке, на любой книжной странице его ждут неслыханные новости. По-своему Борхес добивается эффекта двойничества; в его прозе причудливое фантастическое переплетается с повседневной реальностью. Идеи перетекания и превращения восходят, по-видимому, к философским повестям Вольтера «Задиг, или Судьба» и «Царевна вавилонская». Особенно ярко это проявляется в рассказе писателя «Вавилонская библиотека», в котором мотив превращения Вавилона становится не только моделью мироустройства, но и своеобразным культурным мифом. От исторического Вавилона у Борхеса не остается ничего, кроме нескольких географических названий и чисто внешних штрихов. Злоключения вольтеровского Задига — от мучений к блаженству, от плахи к трону, невозможность даже для самого дальновидного ума предусмотреть и предотвратить коловращение случая — все это обобщается в борхесовом образе вавилонской лотереи. У Вольтера спорят два толкования судьбы человека: Задиг склонен во всем винить дурно устроенное общество, позволяющее разгуляться человеческим порокам; ангел Иезрад говорит ему о мировом порядке, сковавшем в нерушимую цепь зло и добро. Борхес тоже приводит несколько возможных объяснений вавилонской лотереи, не присоединяясь в полной мере ни к просветительской иронии Задига, ни к вере в божественный промысел. Глупый произвол людей, который Задиг считает причиной своих бед, у Борхеса — лишь частная деталь миропорядка. Вавилонская лотерея онтологична, она выступает в роли судьбы, но не навязанной людям извне каким-то верховным существом, а отвечает скрытой в человеческой психике потребности в риске, опасности, игре случая. Таково отношение писателя к заимствованным мотивам — **он вступает с ними в перекличку, в диалог, в игру**. Подобный подход еще раз наводит нас на рассуждения о двойничестве, которое пронизывает творчество Борхеса и изнутри, и снаружи. Вероятно, это происходит потому, что, по мнению

писателя, всякий значительный художественный мир неоднороден, его создает напряжение между двух полюсов, столкновение двух стихий. Эстетический закон, выведенный одним из героев Борхеса гласит: «Книга, в которой нет ее антикниги, считается незавершенной». Это утверждение подсказано, очевидно, самонаблюдением, рефлексией по поводу собственного творчества. Борхес отлично осознает присутствие, и даже, соперничество двух исходных начал во всем, что он пишет. Об этом, например, говорится в миниатюре «Борхес и я». Речь идет о внутреннем дуализме, о тяготении к различным и, порой, противоположным художественным задачам. Возможно, *что это двойничество проявляется и в быту: во вкусах, пристрастиях, переменах настроения, что отражается в рассказах писателя. Но основа подобного раздвоения личности, на наш взгляд, творческая, а не психологическая*. Впрочем, художественное двойничество Борхеса можно обозначить еще точнее: на одном полюсе — утонченный интеллектуализм, культурологическая фантазия, на другом — апология деяния, безрассудной решимости и отваги. Конечно, это противоречие не антагонистично, иначе оно бы парализовало творческую активность писателя. В мирозерцании Борхеса эти два начала, по нашему мнению, не враждебно противостоят, но дополняют друг друга. Тут нет резкой грани — писатель свободно и причудливо сочетает бытовой, исторический и «книжный» материал, создавая рассказы-симбиозы.

Рассказы Борхеса объединены тем, что направлены к познанию человека. «Я думаю, — говорит Борхес, — что люди вообще ошибаются, когда считают, что лишь повседневное представляет реальность, а все остальное ирреально. В широком смысле страсти, идеи, предположения столь же реальны, как факты повседневности, и более того — создают факты повседневности. Я уверен, что все философы мира влияют на повседневную жизнь» [2, с. 270].

Таково двойничество писателя: оно служит и внешней рамкой для рассказа и организует текст изнутри.

Литература:

1. Ивлева, А. Ю. Культурное пространство художественного текста: от символа-предела к символу-образу: дис. ... д-ра философ. наук / А. Ю. Ивлева. — Саранск, 2009. — 344 с.
2. Каган, М. С. Морфология искусства. Л.: Изд-во «Искусство», Ленингр. отд., 1972. — 439 с.
3. Фейен Дж. Неоднозначности в поисках симметрии: Борхес и другие // Узоры симметрии. М.: Наука, 1980. — с. 161–173

Интегрированные коммуникации в PR-дискурсе

Казиева Диана Ахматовна, кандидат филологических наук, зам. начальника департамента управления делами
 ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Северного Кавказа»

Дискурсивная основа интегрированных коммуникаций получает достоверное обоснование в опоре на результаты современных лингвистических исследований, что позволяет анализировать их языковые и речевые особенности с позиций комплексного подхода, учитывающего лингвокогнитивные и социокультурные дискурсивные компоненты, определяющих специфику дискурса масс-медиа.

Основной для PR-дискурса является социетальная функция, которая принципиально ориентирует данный вид институционального дискурса на формирование доверия и лояльности в общественном и индивидуальном сознании социума к социальным институтам, организациям и компаниям, что, в конечном счете, формирует и позволяет долговременно позиционировать их позитивный имидж и положительную репутацию.

Поэтому ментальное структурирование общественного сознания становится смысловым центром лингвопрагматической модели русскоязычного PR-дискурса. Посредством моделирования русскоязычный PR-дискурс как объект исследования получает возможность корректного обозначения собственных доминант (значения слов, действий, образы, система нормативных и ценностных установок, мифологемы, коллективные представления, стереотипы восприятий и оценок).

Концепция интегрированных коммуникаций получает развитие в конце 90-х гг. XX в., причем наиболее активны в этой сфере оказываются PR-специалисты, которые развивают идею стратегических связей с общественностью. В то же время маркетологи определяют «интегрированные коммуникации» как вектор совершенствования «маркетинговых коммуникаций». Отметим в этой связи, что для PR и маркетинга определяющими оказываются интересы бизнеса и гораздо меньше — политики. Однако, плодотворно развивающаяся концепция интегрированных коммуникаций осуществила успешный синтез подходов к развитию данного вида коммуникаций и в бизнес-сфере (PR, маркетинг), и в политике.

На наш взгляд, наиболее полную характеристику интегрированным коммуникациям (*integrated communications* — IC) возможно дать с позиций их реализации в маркетинге (*integrated marketing communications* — IMC). Распространенность данного термина и соответствующего подхода к развитию коммуникаций влечет за собой поливариативность истолкования понятия, которая с необходимостью продуцирует акцентирование разных сторон феномена. Д. Шульц (Don E. Schultz) указывает, что IMC представляет собой новый способ понимания целого, которое нам видится составленным из таких отдельных частей, как реклама,

связи с общественностью, стимулирование сбыта, материально-техническое снабжение, организация взаимоотношений с сотрудниками и др., IMC перестраивает маркетинговые коммуникации для того, чтобы увидеть их такими, какими они видятся потребителю — как поток информации из единого источника [6].

IMC является стратегическим подходом менеджмента аспектов коммуникации, направленных на социальные группы, важные для организации в плане совершенствования бренда, улучшения репутации и, в конечном счете, увеличения прибыли. Кроме того, интегрированные коммуникации предполагают наличие стратегической концепции планирования маркетинговых коммуникаций, предполагающей развитие рекламы, продвижения бренда, PR на основе принципов ясности, согласованности и максимального коммуникационного воздействия.

Таким образом, дефиниции IMC акцентируют внимание на следующих характерных чертах данного феномена:

- стратегический характер;
 - управление всеми аспектами коммуникации, синтез и интеграция коммуникативных пространств;
 - фокусирование на потребителе;
 - взаимодействие со всеми социальными группами, которые важны для данной организации;
- Основными целями IMC признаются:
- улучшение и поддержание бренда, репутации;
 - увеличение прибыли и добавленной стоимости;
 - увеличение лояльности потребителей;
 - достижение конкурентного преимущества, позиционирования компании, оформление миссии компании;
 - интеграция и согласованность миссии и стратегии компании;
 - удовлетворение потребителей, создание и поддержание отношений, ликвидация изолированности звеньев коммуникации.

Интегрированные коммуникации, являясь планируемым процессом, основываются в своей деятельности на учете данных о коммуникативной среде и участниках коммуникации, что позволяет им участвовать в бизнес-процессах.

Появление понятия интегрированных коммуникаций было детерминировано особенностями IMC. В развитии любой организации отмечается важность управления не только коммуникациями, направленными вовне, но и так называемыми внутренними коммуникациями, т. е. интегрированные коммуникации включают в качестве целевых групп как внешние, так и внутренние аудитории, принципиально важные для компании, не только потребителей, но и персонал.

ИС как система коммуникативных стратегий и тактик в качестве основной цели имеет достижение определенного коммуникативного результата в плане воздействия на целевые группы, важные для компании, при этом интегрированные коммуникации предстают как такие коммуникации, которые имеют собственные законы, принципы и язык [3]. Основными лингвистическими проявлениями ИС, на наш взгляд, являются языковые реализации совокупности действий как когнитивной программы, которая приводит потребителя от незнания к осведомленности и, далее, к знанию, а окончательная цель ИС — достижение лояльности, благорасположения — может быть реализована только при достаточной профессиональной компетенции PR-службы. Вербальная коммуникация характеризуется системностью в процессе взаимодействия с невербальными средствами.

Идеология фасцинации как комплекс управления впечатлениями позволяет непротиворечиво описать феномен ИС с позиций учета словесного воздействия, воздействия фона на восприятие и понимание информации, управление впечатлением как имиджевое действие и др. [4, 5]. В. Соковнин указывает на фундаментальный характер фасцинологии как знания об индивидуальном и социальном поведении человека, которые имеют в своей основе стремление к удовольствию, блаженству. ИС квалифицируются в этой связи как фасцинирующий процесс, который направлен на демонстрацию фасцинативных сигналов и техник: избыточность, концентрация внимания на исключительном позитиве, «приманки» и «обманки» как «волнующие сигналы» предстают носителями радости и удовлетворения. В целом PR-дискурс, в том числе и русскоязычный, как многоуровневый феномен реализует целый набор техник фасцинации, в том числе вербальное воздействие, имеющее особую организацию.

Эффективность интегрированных коммуникаций детерминирована большим контролем над коммуникативным процессом и транслируемыми сообщениями, прежде всего, в точках контакта с адресатом. Такой контроль даёт организации возможность квалифицированного управления отношениями с клиентами / потребителями / социальными группами. Важное значение интегрированные коммуникации приобретают и в сфере управления персоналом, поскольку позволяют ориентироваться на его настроения, корректно распределять человеческие ресурсы, предоставлять информацию в нужные сроки и в необходимом для результативной деятельности количестве.

Следует особо подчеркнуть, что ИС реализуют с необходимостью стратегии и тактики манипулятивной фасцинации. Тактические приемы, изначально являющиеся удачными находками, постепенно превращаются в PR-технологии, которые транслируются из текста в текст. Специфический вид социальной коммуникации, который продуцируется посредством ИС, основан, в конечном счете на биологических эмоциях удовольствия, на желании быть выделенным из числа потенциальных конкурентов ввиду сверхположительной самооценки. Так PR-дискурс создает

симулякр социальной действительности, в которой стерты границы между желаемым и навязываемым, правдой и вымыслом, необходимым от бесполезного. Эпистемология ИС состоит в создании определенной ситуации, которую посредством системных PR-действий возможно включить в «социально-культурный ландшафт». Значит, PR-дискурс вписывается в координаты социально-конструктивной эпистемологии: «Из романтического «вестника доверия» PR-специалист всё больше превращается в «проектировщика» и «конструктора» социальных процессов — в «создателя социальной реальности» [1, с. 20).

Важной особенностью ИС следует также считать четкую дифференциацию сообщений для потребителей и важных для компании групп (инвесторы, СМИ, работодатели и пр.), что позволяет создать многоплановый имидж организации, ориентированный на разных адресатов. Такой путь позволяет нейтрализовать обобщенный характер сообщения, в результате чего оно не теряет смысла, адресованного каждому. Комплексный подход, осуществляемый в такой стратегии интегрированных коммуникаций, реализуется посредством вербальных и невербальных средств, отражающих в целом направленность сообщения. Единственным правилом создаваемых в сфере интегрированных коммуникаций сообщений остается их ориентированность на корпоративный бренд и согласованность с ним.

Отметим также, что концепция интегрированных коммуникаций позволяет учитывать индивидуальные особенности адресата, что, естественно, отражается в дискурсивной практике отправляемых сообщений. В современных условиях контроль над коммуникацией переходит от отправителя сообщения к получателю, что, однако не отменяет основного принципа коммуникации: «Отправитель несет ответственность за формулировку сообщения, которое должно точно транслировать мысль получателю».

Интегрированные коммуникации осуществляют комплексный подход к PR-субъекту, что манифестировано в интенции PR-текста. Основной отправной точкой для создания такого текста остается в сфере интегрированных коммуникаций ориентированность на имидж компании. Специфика интегрированных коммуникаций состоит в манифестировании фасцинативных сигналов и техник: избыточность, концентрация внимания на исключительном позитиве, «волнующие сигналы» («приманки», «обманки») становятся носителями радости и удовлетворения. Целый набор вербальных техник PR-дискурса имеет фасцинативный характер, то, несомненно, специфически организует коммуникативное пространство.

Бесспорно, для интегрированных коммуникаций характерны стратегии и тактики манипулятивной фасцинации. Отметим, что тактические приемы, представляющие собой удачные находки, постепенно превращаются в PR-технологии, которые могут переходить из текста в текст, обеспечивая, тем самым, единство коммуникативного пространства.

Литература:

1. Клягин С.В., Осипова Е.Н. Игра в «классики»: методология PR-коммуникации и динамика научных парадигм. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. с. 20-34.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Синельникова Л.Н. Интегрированные маркетинговые коммуникации // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы Третьей международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. с. 55-58.
4. Соковнин В.М. Фасцинология. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 400 с.
5. Соковнин, В. Что такое фасцинация. Екатеринбург: Изд-во Авторской Академии фасцинологии, 2009. 56 с.
6. Schultz Don E., Tannenbaum Stanley I., Lauterborn Robert F. Integrated Marketing Communications. NTC Business Book: NTC Publishing Group, 1992. 218 p.

Лексические особенности функционирования и перевода дипломатического дискурса

Кафтя Алёна Игоревна, магистрант
Южный федеральный университет

Данная статья посвящена рассмотрению функций дипломатического дискурса и его связи с дискурсом документов ООН. Функции дипломатического дискурса анализируются с точки зрения их лингвистического влияния на дискурс. Также в статье рассматриваются лексические сходства данных дискурсов, приводятся статистические данные Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности и статистический анализ данных, полученных в ходе исследования. В статье выявлены наиболее частотные части речи, как в английском варианте, так и в русском варианте Конвенции, проанализированы наиболее употребляемые лексемы, их контексты и значения для определения способов перевода, используемых в текстах данного вида.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, документы ООН, лексические сходства, количественный анализ, способы перевода.

The subject of the given article is functions of the diplomatic discourse and its connection to the UN documents discourse. The functions of the diplomatic discourse are being analyzed from the point of view of their linguistic influence on the discourse. Moreover, special consideration is given to the lexical similarities of these two discourses and to the statistic data of the UN Convention on international information security and to the statistic analysis of the data obtained during the research. The article reveals most often used parts of speech both in English in Russian variant of the Convention. The analysis exposes the most often used lexemes, their contexts and meanings in order to define translation techniques used in the texts of the given type.

Key words: diplomatic discourse, the UN documents, lexical similarities, quantitative analysis, translation techniques.

Дипломатический дискурс служит для передачи информации в ситуации дипломатического общения [1, с. 24]. При этом участники коммуникации заявляют о позиции той или иной страны в сфере международных отношений, однако им необходимо соблюдать регулятивные нормы речевой практики. Сегодня все больший интерес представляет изучение дипломатического дискурса, а его глубокое изучение с лингвистической точки зрения даёт возможность распознать новые аспекты международного взаимодействия [6, с. 2]. Таким образом, изучение лингвистических и переводческих особенностей дипломатического дискурса имеет

важное значение для развития эффективного международного взаимодействия.

Дипломатический дискурс выполняет важнейшую функцию — осуществление внешней политики государства. При этом дипломатический дискурс — явление разнообразное: он может содержать в себе политический дискурс, юридический дискурс, военный дискурс, экономический дискурс, а также дискурс средств массовой информации. [4, с. 8]

Так, в дипломатическом дискурсе регламентированность не так высока в связи с тем, что осуществление дипломатических функций и достижение целей происходит

во время устных переговоров [2, с. 54]. Но не стоит забывать о таком способе сообщения как дипломатическая переписка, которая является основой для письменных дипломатических жанров, таких как декларация, ноты, меморандумы, коммюнике, резолюции, конвенции и т. д.

В дипломатическом дискурсе существует два системообразующих признака — это наличие целей коммуникации и собственно участников коммуникации, которые имеют своей задачей достижение этих целей. В каждом типе институционального дискурса есть своя мера соотношения между личностным и статусным компонентами. Согласно Х.Трабелси, эта мера в дипломатическом дискурсе мала [7, с. 11].

Представляется возможным рассмотреть дискурс документов такой международной организации, как Организация Объединённых Наций, в качестве субдискурса дипломатического дискурса. Деятельность этой организации осуществляется не только посредством устных переговоров, но и письменных документов. Документы ООН могут разделяться согласно целевой установке и коммуникативной направленности на два вида: уставные документы и декларативные документы. Они отличаются согласно различию адресатов. В случае с уставными документами адресатами являются страны-члены ООН, а в случае с декларативными документами адресатом является мировое сообщество [3, с. 12]. Далее рассматриваются некоторые из документов ООН. Анализ документов ООН происходит на основе деклараций, резолюций Организации Объединённых Наций.

Дипломатический дискурс и дискурс документов ООН имеют ряд общих черт на лексическом уровне:

1) язык включает в себя лексику и фразеологию государственного права, гражданского права, уголовного права, кодекса законов о труде, семейного кодекса и т. д.: political subdivision, terminate the employment. [3, с. 45] А также

язык дипломатического дискурса включает лексику и фразеологию, связанную с работой административных органов, служебной деятельностью граждан и т. д. Например: rules of procedure, human rights violation, to justify;

2) употребление лексики, относящейся к политическому дискурсу: an armed conflict, national and regional mechanisms, implementation [4, с. 2];

3) употребление выражений, присущих деловому дискурсу: to exercise functions, settlement agreement, give the consideration [3, с. 46];

4) специфической является также лексика, значительная часть которой носит интернациональный характер: control, contact, nation, normalization [1, с. 4];

5) часто используются существительные, которые обозначают государственный строй стран, например: The United States, People’s Republic of China, Czech Republic, etc.

6) велико употребление собирательных существительных: assembly, authority, government. [2, с. 5]

7) употребление различных клише: high contracting parties — высокие договаривающиеся стороны, on behalf and instruction — от имени и по поручению, I beg to inform you — имею честь сообщить, I have the privilege to introduce — имею честь представить, the ambassador presents his compliments — посол выражает свое уважение, presented his credentials — вручил свои верительные грамоты, letter of attorney — договоренность.

Документ, исследуемый в этой статье, это Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (ООН). Был создан частотный словарь словоупотреблений и грамматических категорий английского и русского вариантов текста. В результате мы получили данные для статистического анализа текстов.

Наиболее значимые расхождения были выявлены в следующих случаях.

Таблица 1. Имя существительное

Англоязычное слово		Русскоязычное слово	
State	58	государство	70
Party	33	право	29
right	26	участник	29
technology	23	технология	19
Convention	11	Организация	17
Organization	9	лицо	13
law	9	Конвенция	12
individual	9	правонарушение	9

В русском варианте 1130 существительных, что обусловлено регламентированным характером текста, так как конвенция, как международный договор по тому или иному специальному вопросу, предполагает большое употребление существительных, относящихся к тематике договора. Рассмотрим наиболее часто употребляемые существительные. На первом месте по частоте применения существительное «государство», так как Организация

Объединённых Наций состоит из определённого числа государств и на них ориентированы все документы данной организации. Второе по частотности употребления существительное «безопасность», оно непосредственно называет предмет Конвенции. Далее следует слово «пространство», так как речь идёт именно о безопасности информационного пространства. Существительные «право» и «участник» отображают регулятивную функцию текста Конвенции, где

обозначаются участники договора, а также идёт речь о сохранении прав человека. Далее следуют «информация» и «использование», так как предметом Конвенции является информационное пространство и его правильное использование, не нарушая прав человека. Такое различие в уровне частотности обусловлено явлением конверсии в английском языке, таким образом, можно пронаблюдать, как одно и та же лексическая единица выступает как в качестве существительного, так и в качестве прилагательного. Следует отметить, что большинство существительных, например, таких как «средство — means», «development — развитие», «cooperation — сотрудничество», переводятся словарными соответствиями, что полностью согласуется с теоретическими выводами по данной теме. Однако в данной таблице присутствует еще одно интересное расхождение «law — 7», а «право — 29». Это обусловлено тем, что «право» в данном тексте является эквивалентом 2 лексических единиц — «law» и «right — 26», таким образом, в 4 случаях употребления right в английском варианте в переводе на русский язык применяется

прием опущения. Слово party переводится словарным соответствием «участник» в 29 случаях, в одном случае переводится вариативным соответствием как «сторона», а в трех остальных — опускается. Слово «организация» употребляется в русскоязычном варианте чаще, чем слово organization в англоязычном варианте, что связано с приемом добавления, с целью создания полного двусоставного предложения на русском языке. Слово technology в 3 случаях переводится на русский язык как «техника», таким образом, применяется перевод вариативным соответствием, а в 1 случае — опускается.

Особый интерес представляет употребление слова information. В тексте встречается 102 случая конверсии при его переводе. Из этих данных можно сделать вывод, что часть словоупотреблений «information» приходится и на русскоязычное словоупотребление «информационно», очередной случай конверсии. В этих случаях данная лексема является частью препозитивных атрибутивных словосочетаний, например, information security, information technology, information space.

Таблица 2. Имя прилагательное

Русскоязычное слово		Англоязычное слово	
мировой	5	illegal	10
социальный	5	social	8
неправомерный	5	global	8
глобальный	4		
общественный	4		

Также часто применяются прилагательные, их в русскоязычном тексте насчитывается 441, а в английском — 290. Предметом Конвенции является информационная безопасность, следовательно, наиболее часто употребляемое прилагательное — «информационный», далее следует «международный», что связано с международной деятельностью Организации Объединённых Наций. Третье по частотности употребления прилагательное — это «национальный», за ним следует «коммуникационный», так как тема информационной безопасности несёт в себе неотъемлемую часть коммуникации.

Наиболее частотные прилагательные в английском варианте это: international, national, illegal, такое широкое использование обусловлено тематикой Конвенции и тем фактом, что документ принадлежит Организации Объединённых Наций, в дискурсе которой лексемы «national», «international» — одни из самых употребляемых. Далее следуют human, social, global, что связано с тем, что Конвенция носит глобальный характер и заботится о правах

человека и социальных его нуждах. В эту же группу можно отнести такие прилагательные, как fundamental (human rights) — 6 случаев и civilian — 3 случая.

Стоит отметить, что лексема «communication» также переведена с помощью конверсии в 13 случаях, она переводится как «коммуникационный» и лишь в одном случае как «коммуникация». В этих случаях данная лексема является частью препозитивных атрибутивных словосочетаний. «Illegal» и «неправомерный» соотносятся в 5 случаях из 10, таким образом, в 5 остальных случаях применяется опущение. Подобным образом переводится «social» как «социальный» и «общественный», в данном случае при помощи вариативного соответствия, а также 1 случай опущения. Слово «global» предполагает 2 вида перевода в русскоязычном варианте «мировой» и «глобальный» также при помощи вариативного соответствия. В целом, можно сделать вывод, что прилагательные в соотношении «оригинал-перевод» используются одинаково.

Таблица 3. Глагол

Русскоязычное слово		Англоязычное слово	
быть, являться	21	be	38
Иметь	8	have	10
должен	8		

Так как конвенция, как и всякий договор, имеет в себе предписательную и регулятивную функции, в нём встречается достаточное количество глаголов. Интересным представляется анализ частотности глагольных употреблений, всего в Конвенции на английском языке 201 глагол, а в русскоязычном — 120. Наиболее частотными являются: глагол to be (38 случаев), что естественно для текста официально-делового стиля, в котором большинство предложений несут номинативно-информативный характер. Данные расхождения обусловлены тем, что в английском языке глагол to be может выполнять роль глагола-связки в именном сказуемом, а глагол have также передает грамматическое время, при этом в русском языке данные отношения передаются путем изменения окончания глагола или опускаются, как в случае с именным сказуемым. В данной Конвенции, стоит отметить, употребляется глагол make в составе именного сказуемого и фразового глагола, как например, to make decisions (1), to make sovereign norms (2), to make up the information space (3), переводятся посредством словарного соответствия (1), контекстуальной замены (2), словарного соответствия (3).

Другой отличительной чертой глагольных употреблений данной Конвенции является наличие синонимич-

ного ряда глаголов: to ensure (7 случаев), to protect (4 случаев) и to secure (3 случая). При этом to protect и to secure выступают полными синонимами: to secure используется в следующих контекстах — secure information space/information infrastructure/functioning of cooperation; to protect встречается вместе с такими, как — to protect critical information infrastructures/ protect national and social security of each State. Таким образом, можно утверждать, что эти глаголы взаимозаменяемы в данном контексте. Рассмотрим контексты употребления глагола to ensure, он употребляется так: to ensure information stability/information security/ to ensure that... Таким образом, можно сказать, что данный глагол имеет свою особенность употребления в данном документе, так как за ним может следовать придаточное предложение, чего не наблюдается в случае с глаголами to protect, to secure.

Пассивный залог в англоязычном варианте передается на русский язык так же страдательным залогом, поэтому использование данной категории в текстах данной Конвенции совпадает.

Затрагивая тему модальности, стоит упомянуть о полумодальных глаголах be to и have to, которые на русский язык переводятся как «обязан», «необходимо», что можно считать грамматической заменой.

Таблица 4. Модальные глаголы

Модальный глагол	Частотность
will	9
must	8
can	6
may	5
shall	2
should	2

В данной таблице видно, что глагол will наиболее часто употребляемый модальный глагол в исследуемом документе, за ним следует must, несущий ярковыраженную регулятивную функцию, затем следуют can и may, придающие характеру текста более рекомендательный характер, подкрепленный определенными аргументами. Shall и should наименее употребительны. Shall переводится будущим временем, а также повелительным наклоном.

В русскоязычном варианте Конвенции используется настоящее время в 99 % случаев, что говорит о такой грамматической трансформации как грамматическая замена. В англоязычном тексте употребляется настоящее время, а большинство модальных глаголов переводятся глаголом в настоящем времени на русский язык. Только глагол must переводится как «должен+инфинитив / необходимо+ инфинитив», may может переводиться как «может, мочь», что объясняет частотность последнего слова. Модальные глаголы иллюстративно представляют регламентирующую функцию текста, так как именно модальные глаголы в текстах дипломатической направлен-

ности передают необходимость, срочность, обязательность исполнения и следования изложенному в документах. Так, в тексте встречаются 10 глаголов to have и 9 глаголов will, далее следует must (8 употреблений). Также можно сказать, что глагол shall малоупотребителен, как и should (по 2 случая соответственно). Модальные глаголы can и may, напротив, встречаются чаще — 5 и 6 случаев, что может объясняться предписывающим характером текста и гипотетической возможностью, значение которой передуют эти глаголы.

Продолжая тему характерной лексики конвенций, к таковой можно также причислить причастия, которые в данном документе встречаются 69 раз, среди них «объединённый» — 7 случаев, что связано с названием организации, собственностью которой является документ; далее «связанный» — 5 случаев и «определённый» — 3 случая, они передают отношения между положениями, терминами и определениями в документе; «направленный», «находящийся», «убеждённый» — 3 случая употребления соответственно, используются для передачи отношений между терминами и положениями. Таким образом, можно сде-

лать вывод о том, что причастия делают текст Конвенции лаконичным и последовательным.

Возвращаясь к теме характерной лексики конвенций, стоит упомянуть о деепричастиях, которые способствуют лаконичности и логичности построения текста. Всего деепричастий в тексте данной Конвенции — 29. Однако это не умаляет их значимости. Наиболее часто используемые деепричастия: «включая» — 7 случаев, «признавая», «отмечая» и «учитывая» — по 3 случая употребления соответственно, которые служат для построения абзацев в Преамбуле, именно такого рода деепричастия являются характерной чертой её написания.

Важную роль в английском языке играют причастия I и II. Данная Конвенция насчитывает 143 причастия I. Они употребляются с целью придания тексту структурности, краткости и логичности. Наиболее часто используемые это: including (10), ensuring (8), taking (into consideration, 6), increasing (5), using /protecting/affecting/following (4), встречаются в начале каждого абзаца и служат вводным словом, для соединения параграфов. Following, affecting, understanding синонимичны в своей функции и значении

в данном контексте, встречаются в 4 случаях соответственно.

Далее следует причастие II, выполняющее ту же структурирующую функцию, часто используется в функции определения в постпозиции, для большей детальности изложения. Наиболее часто встречающиеся причастия II: United (8) — название Организации Объединённых Наций, aimed (6) — поясняет цели и предназначение тех или иных действий, connected (5), based/related/noted (2) — контекстуальные синонимы, выполняющие одну и ту же функцию и несущие одно и то же значение.

Таким образом, можно сделать вывод, что английский текст Конвенции характеризуется широким употреблением существительных, глаголов и глагольных форм. Отношения модальности передаются посредством модальных глаголов, тема-рематические отношения передаются посредством неличных форм глагола, таких как причастие I и II. Часто (в 80 % случаев) применяется перевод словарным соответствием, но имеют место также опущения (8 %), грамматические замены (7 %), добавления (3 %), контекстуальная замена и конверсия.

Литература:

1. Волкова, Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации, Тюмень, 2007
2. Голованова, Д. А. Интердискурсивность дипломатического дискурса// Известия Волгоградского государственного педагогического университета, № 7, 2014
3. Гнилорыбов, С. А. Структурные детерминанты и категории дискурса в свете представлений о динамической природе языка, Москва, 2005
4. Кожетева, А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса// Московский городской педагогический университет, № 4, 2012
5. Комиссаров, В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский, часть 2, Москва, 1960
6. Прохорова, О. А., Ардасова О. О. Дипломатический дискурс в системе смежных дискурсов// Science and World, № 5, 2014
7. Трабелси Хайфа, Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса, Москва, 2013
8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 29 декабря 2014 Года, 69 сессия, пункт 143 повестки дня
9. 66/137. Декларация Организации Объединённых Наций об образовании и подготовке в области прав человека
10. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China, 1979
11. Конвенция ООН об обеспечении международной информационной безопасности
12. <http://www.un.org/>

Роль, место и частота употребления самостоятельных и служебных частей речи в тексте

Макаренко Фаина Дмитриевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Овгортская школа-интернат среднего общего образования» (Ямало-Ненецкий автономный округ)

В настоящее время остается еще нерешенной проблема снижения грамотности обучающихся школы, падение интереса к изучению русского языка. А поэтому заявленная нами тема статьи актуальна.

Целью нашей статьи является выявление частотности употребления самостоятельных и служебных частей речи, а также определение роли самостоятельных частей речи в художественном тексте. Для реализации цели по-

ставлены следующие задачи: изучить примеры использования самостоятельных и служебных частей речи в текстах разных типов, сопоставить данные «Частотного словаря русского языка» и результаты исследования текстов разных типов речи и проранжировать части речи по частоте употребления, закрепить знания, полученные на уроках русского языка, пробудить интерес к изучению русского языка как науки.

Язык — одна из мировых загадок. Мы не всегда осознаём роль языка в нашей жизни, а воспринимаем его как воздух, как дыхание, как что-то само собой разумеющееся.

Язык живёт и развивается в речи. В современном русском языке слова «язык», «речь» и «слово» употребляются как синонимы. Так, например, С. Н. Сергеев-Ценский в стихотворении «Наш язык» употребляет все три слова:

В век темноты самодержавья
Тургенев к Родине приник
И взял, как меч, против бесправья,
Наш златокованный язык...
Народу русскому величье
По языку он предсказал.
И слово вещее мы ценим,
И слово русское мы чтим...
Как стража драгоценной чаши,
Должны мы дар веков сберечь
И новым блеском жизни нашей
Обогатить родную речь!

Язык представляет собой систему фонетических, лексических и грамматических единиц. Обратимся к морфологии — разделу науки о языке, в котором слово изучается как часть речи.

Слова — это обозначения, названия, имена всего того, что мы видим, чувствуем, воспринимаем в окружающем нас мире.

Слова обозначают предметы, людей, животных, птиц (*журнал, сосна, ворона*), явления природы (*оттепель, гололедица*), семейной и общественной жизни (*праздник, именины*), различные действия (*читать, решать, смотреть*), качества (*робкий, неторопливый*) и многое другое.

Общее грамматическое значение существительного — значение предмета. В зависимости от значения выделяют несколько групп существительных: конкретные (*дерево, дом, жаворонок*), вещественные (*масло, сахар, вода*), отвлечённые (*чтение, храбрость, доброта*), собирательные (*детвора, молодёжь, студенчество*).

Общее грамматическое значение прилагательного — признак предмета. Имена прилагательные могут иметь лексическое значение цвета (*синий, белый, коричневый*), размера (*большой, маленький*), материала (*кожаный, деревянный*), формы (*круглый, квадратный*), а также обозначать качества характера человека, признаки и свойства его духовного мира (*благородный, умный, честный, душевный*).

В текстах-описаниях места (пейзажных описаниях) преобладают имена существительные и прилагательные.

Они позволяют нам увидеть картину, в которой каждый предмет занимает своё место.

Общее грамматическое значение глагола — обозначает действие, состояние предмета. Глаголы могут иметь лексические значения движения (*прыгать, бегать, умываться, плыть, качаться*), звучания (*петь, говорить, кричать*), состояния (*синеть, золотиться, болеть*), процесса (*впитываться, нагреваться*), существования (*жить, находиться*), речи (*говорить, отвечать*), мысли (*думать, размышлять*) и другие.

Много глаголов в повествовании, так как этот тип речи характеризуется тем, что его тема раскрывается в процессе развития действий, состояний, событий.

Общее грамматическое значение местоимения — указывает на предметы, признаки, количество, не называя их. Морфологические и синтаксические признаки местоимений зависят от того, какую часть речи они заменяют в предложении. Чаще всего бывают подлежащим, дополнением — как существительное, определением — как прилагательное, обстоятельством — как наречие.

Местоимения являются важнейшим средством связи частей текста. Местоименные слова позволяют не допустить неоправданного повтора слов.

Предлог как название части речи встречается уже в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (1890–1912 гг.). По происхождению это калька с греческого языка (*prothesis*), буквальный перевод значит «перед словом».

Предлогов не так много: около 200 слов. Однако свой незначительный состав предлог восполняет частотой употребления, по которой он занимает 4-е место (после имени существительного, глагола и местоимения). 36 предлогов входят в общий частотный список, 9 из них (*в, на, с, к, по, за, у, из, о*) включаются в 30 самых частотных слов, причем два из них возглавляют весь частотный список (*в* — на первом месте, *на* — на четвертом).

Предлог — это служебная часть речи («частица речи»). В чём же состоит её роль, если учесть её высокую частотность? По меткому определению видного лингвиста В. А. Богородицкого, предлоги — это «словечки отношений». Такое определение полностью соответствует роли, отводимой в языке предлогам. Они наравне с окончаниями участвуют в установлении отношений между словами.

Союз — древнее название части речи, отмеченное в словаре И. И. Срезневского. По происхождению является калькой с греческого языка.

Количественно это сравнительно небольшая группа. По частоте употребления союз занимает седьмое место (после наречия). Но и среди союзов есть высокочастотные слова, к которым относятся *и* (второе место), *а* (десятое место) и *но*.

Союз, как и предлог, является служебной частью речи («частицей речи»). Его задача — соединять однородные члены предложения (*брат и сестра; читать и писать; не день, а ночь*) или части сложного предложения (*Наступила осень, и птицы улетели в тёплые края*).

Соединяя слова или предложения, союзы указывают на отношения, существующие между ними, поэтому союзы, как и предлоги, относятся к «словечкам отношений».

В «Частотном словаре русского языка» части речи располагаются по частоте употребления в такой последовательности:

- 1) существительное — 26,65—1 место
- 2) глагол — 17,12—2 место
- 3) прилагательное — 9,37—5 место
- 4) наречие — 8,096—6 место
- 5) числительное — 1,17
- 6) местоимение — 13,27—3 место
- 7) союз — 7,39—7 место
- 8) предлог — 11,1—4 место
- 9) частица — 1,002

В качестве примера для исследования мы взяли 100 слов из рассказа И. А. Бунина «Косцы».

Косцы

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом берёзовом лесу поблизости от неё — и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернётся уже вовеки.

Они косили и пели, и весь берёзовый лес, ещё не утраивший густоты и свежести, ещё полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь серединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось ...

Далее распределили изученные части речи в следующей таблице:

Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Местоимение	Предлог	Союз
дороге	большой	шли	мы	по	а
лесу	молодом	косили	они	в	и
жизнь	полный	пели	неё	от	и
время	берёзовом	не вернётся	то	в	и
густоты	серединной	откликался	наших	перед	и
свежести	исконной	жили	это	в	и
цветов	предвечернее	косили	это		и
запахов	июньского	пели	та		потому что
поля	старая	были	мы		
глушь	кудрявой	было	они		
России	давней	уходила	им		
время	бесконечную	склонялось	нас		
дня	русскую	было	весь		
дорога	большая	было	наших		
муравой	берёзовый		нами		
колеями					
следами					
жизни					
отцов					
дедов					
даль					
солнце					

Как видно из таблицы, на первом месте — имена существительные (их в тексте 22), на втором месте — имена прилагательные и местоимения (их 15), на третьем — глаголы (в тексте Бунина их 14). Так как это текст-описание места, то и преобладают имена существительные и прилагательные.

Как отмечено выше, среди союзов высокочастотным является союз И, в данном тексте он употреблён 6 раз, а среди предлогов высокочастотный предлог В в исследуемом тексте встречается 3 раза.

С целью получения более полной информации по исследуемой проблеме обратимся к тексту А. Платонова «Маленький солдат» (этот небольшой рассказ предна-

значен для дополнительного чтения на уроках литературы).

Маленький солдат

Сергей Лабков был сыном полковника и военного врача. Отец и мать его служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии. Сереже шел теперь десятый год, он близко принимал к сердцу войну и дело отца и уже начал понимать по-настоящему, для чего нужна война. И вот однажды он услышал, как отец говорил в блиндаже с одним офицером и заботился о том, что немцы при отходе обязательно взорвут боезапас его полка. Полк до этого вышел из немецкого охвата... и оставил у немцев свой склад с боезапасом...

Распределяем изученные части речи в таблицу:

Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Местоимение	Предлог	Союз
Сергей	военного	был	его	в	и
Лабков	немецкого	служили	своего	к	и
сыном	единственного	взяли	они	при	и
полковника		жил	себе	в	и
врача		рос	он	к	чтобы
отец		шел	них	для	и
мать		принимал	он	при	и
полку		начал	он	в	и
сына		понимать	его	с	и
армии		говорил	этого	о	что
Сереже		заботился	свой	при	и
год		взорвут		до	
сердцу		вышел		из	
войну		оставил		у	
дело				с	
отца					
война					
услышал					
отец					
блиндаже					
офицером					
немцы					
отходе					
боезапас					
полка					
полк					
охвата					
немцев					
склад					
боезапасом					

Как видно из таблицы, на первом месте — имена существительные (их в тексте 30), на втором месте — глаголы (их 14), на третьем — местоимения (11). Так как это текст-повествование, то и преобладают имена существительные и глаголы.

Среди служебных частей речи высокочастотный союз И в данном тексте употреблён 9 раз, высокочастотный предлог В в исследуемом тексте встречается 3 раза.

На основе проведенного исследования можно сде-

лать вывод, что частота употребления изученных нами в 5 классе частей речи в основном совпадает с данными «Частотного словаря русского языка».

В заключение хочется сказать, что те задачи, которые были поставлены нами в работе, в основном были решены, однако, данная работа не претендует на исчерпывающий анализ заявленной проблемы, и исследование будет нами продолжено в процессе дальнейшей практической работы с текстами разных типов и стилей речи.

Литература:

1. Бунин, И. А. Избранная проза. «Косцы». — М.: АСТ Олимп, 1997.
2. Великий и могучий... Художественные тексты и педагогические советы. Педагогическая литература. — М., 2008.
3. Задания на понимание текста. Рабочая тетрадь по русскому языку 6 класс. ФГОС УМК Зайцева О. Н. Издательство «Экзамен», М., 2013.
4. Комплексный анализ текста. Рабочая тетрадь 6 класс. Малюшкин А. Б. — М.: ТЦ «Сфера», 2006.
5. Платонов, А. П. Маленький солдат. — М.: Эксмо, 2008.
6. Русский язык. Учебник для 5 класса основной школы. В 2 кн. Кн. 2 / Бунеев, Р.Н., Бунеева, Е.В. — М.: Баласс, 2010.
7. Русский язык. Учебник для 6 класса основной школы. В 2 кн. Кн. 1 / Бунеев, Р.Н., Бунеева, Е.В. — М.: Баласс, 2011.
8. «Частотный словарь русского языка» — М., 1977.

Феномен восприятия романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Маломожнова Екатерина Сергеевна, магистрант
Башкирский государственный университет

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» представляет собой особый феномен в русской литературе, ставший значимым для целого ряда писателей XX века.

Существование особых художественных произведений в культуре порождает важную и достаточно трудную тему их восприятия. Феномены восприятия — это неожиданные или необычные явления при восприятии какой-либо информации, в нашем случае, художественного произведения. Восприятие художественного произведения — сложный и многогранный процесс, который чаще всего весьма трудно анализировать. В научных работах и в простых обсуждениях можно встретить мнение о том, что восприятие произведения читателем должно быть на уровне авторского, то есть, чтобы в полной мере понять смысл произведения, читатель должен обладать восприятием, близким автору. Это, конечно же, невозможно, потому что каждый читатель — личность сугубо индивидуальная, которая по-своему воспринимает текст художественного произведения. К тому же, мы должны принимать во внимание возраст, уровень образованности читателя, а также актуальные проблемы данной эпохи. Однотипное восприятие может превратить художественное произведение в замкнутую систему, поэтому такие идеи можно воспринимать лишь как идеал. Помимо этого, существуют разные уровни восприятия текста — элементарное читательское и профессиональное. Любой читатель может запомнить текст по динамично-развивающемуся сюжету, бросающимся в глаза образам, ярким персонажам. Опытный же читатель может осмысливать произведение более глубоко, соответственно оценивая и мастерство писателя.

Процесс восприятия художественного произведения имеет много аспектов интерпретации смысла устной и письменной речи, которое происходит благодаря тому, что человек использует свои накопленные знания и память, ассоциации и различные смысловые обобщения. Восприятие же обуславливается способностью объединять все виды получаемой информации, а всё это дополняет активная сознательная деятельность читателя. Именно таким образом представляется возможным сохранять целостное видение художественного произведения, а также ориентировать его в соответствии с литературной традицией.

Как многогранное культурное явление, роман послужил источником сюжетов, тем и образов, а также и повлиял на разные литературные традиции современности. Наибольшее влияние роман оказал на реалистическую и постмодернистскую традицию. Некоторые исследователи указывают на принадлежность автора к фантастическому реализму, а сам роман относят к совершенно разным жанрам, что затрудняет его точное определение.

Существует немало версий о том, к какому жанру приписывать феноменальный роман М. А. Булгакова. Некоторые считают, что «Мастер и Маргарита» это политический роман. Мы склонны согласиться — ведь в романе присутствует тема противостояния власти с убеждениями маленького человека, он написан в соответствующей атмосфере того времени, а действия одного из пластов романа происходят в советской Москве. В произведении также присутствуют религиозно-философские идеи, которых вполне достаточно, чтобы назвать роман религиозным или философским, так как здесь присутствуют библейские мотивы, а это — всем известные общечеловеческие извечные вопросы бытия, на которые каждый персонаж (а за ним и читатель) ищет ответ, пребывая в поиске истины для себя самого. Кроме того, действие второго пласта романа происходит в древнем Ершалаиме и его окрестностях, более двух тысяч лет назад. Невозможно отрицать, что роман содержит философско-психологические аспекты, потому что Булгаков описывает характер персонажей достаточно глубоко и детально, использует психологические приёмы воздействия на читателя, а также числовую и цветовую символику. Помимо этого, роман называют мистическим — с этим утверждением мы тоже не можем не согласиться. Связь с потусторонним миром, а также необъяснимые наукой способности таинственного Воланда и его свиты — люди склонны мистифицировать всё то, что они не могут объяснить, то, что представляется им иррациональным. Третий пласт романа — реальность Воланда, космический мир. Это мир без времени, где царят строгие законы иерархии и математически-астрономическая логика без допущений бессознательного, то есть мир, который совершенно отличается от традиционных религиозных представлений о том свете, принятого большинством в мире людей.

Итак, в романе переплетены совершенно разные темы, идеи, сюжеты, которые мастерски переплетены и синтезированы в многомерный художественный текст. Автор использовал языковые средства выразительности со всем их многообразием и приёмы психологии для создания уникального текста, нацеленного на универсальное восприятие. Такое произведение позволяет показать более общую характеристику бытия, а также может быть ориентировано на разновозрастную читательскую аудиторию. Феноменальным роман становится благодаря умению автора управлять вниманием читателя, а также благодаря изменению восприятия написанного. Психологический ориентир писателя воспринимается читателем как его мастерство вмещать реальную действительность между строк, где происходящие ситуации могут быть вполне ре-

альны. Аналогично и вплетение иррациональных моментов, благодаря которым произведение может истолковываться на разных уровнях человеческого восприятия.

В романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова каждый видит что-то своё, и это означает, что роман уни-

версален для восприятия. «Мастер и Маргарита» не может иметь однозначной трактовки и продолжает быть особенным культурным явлением, не подходящим ни под одну категорию, но способным быть актуальным и по сей день.

Литература:

1. Булгаков, М. А. «Мастер и Маргарита». с. 383.
2. Казаркин, А. П. «Вечный сюжет» и авторство в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. с. 125–135.
3. Михаил Булгаков: Современные толкования. с. 244.
4. Немцев, В. И. Контексты творчества Михаила Булгакова. с. 15–30.
5. Петрушенко, В. Л. Этика и эстетика. с. 180.

Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина

Мирхайдарова Нодира Хайитбаевна, преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Знаменитые «Подражания Корану» Пушкина Белинский назвал «блестящим алмазом в поэтическом венце Пушкина». Большинство исследователей отмечают, что, приступая к работе над «Подражаниями Корану», Пушкин прежде всего внимательно перечитывал Коран. К этому времени существовало огромное количество переводов Корана, в том числе и несколько переводов на русский язык. Особенно был известен перевод поэта, драматурга М. И. Веревкина, который перевел Коран с французского языка. Именно его не раз внимательно перечитывал Пушкин. Коран поразил воображение Пушкина своим содержанием, поэтичностью и необычностью поэтики, образов. Он стал источником многих раздумий и чувств, которые воплотились в стихотворениях, названных им «Подражания Корану».

Но огромная заслуга Пушкина заключается в том, что он в своем цикле использовал не только стиль пророческих книг Ветхого Завета. В них налицо и влияние восточного стиля, обращение к восточной поэтике, образам.

Не ставя перед собой задачи полного анализа цикла, прокомментируем некоторые из аспектов.

Торжественно, величаво и волнующе звучит первое подражание. Многократное повторение слова «Клянусь» в первой строфе придает всему сказанному значение непреклонности:

*Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь я утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой.*

Вторая строфа начинается стихом:

Нет, не покинул я тебя...

Междометие «нет» придает дополнительный смысловой оттенок всему выражению. Значит вначале были какие-то сомнения. Значит, в понимании поэта Пророк чув-

ствовал себя какое-то мгновение покинутым, одиноким. Но теперь сомнения преодолены — им нет места — ведь сам Всевышний утверждает, что он не покинут, он введен «в сень успокоенья», скрыт от «зоркого гоненья».

Тема могучей силы поэтического слова в полный голос зазвучавшая в первом подражании Корана, появились отнюдь не случайно. На её появление повлияли прежде всего, несомненно, коранические мотивы, которые непосредственно оказали воздействие на Пушкина, но с другой стороны, это были и личные обстоятельства жизни самого поэта. Как никогда, он чувствует себя одиноким, несправедливо наказанным.

Особенно часто в Коране раскрывается мысль о великодушии, о поддержке и помощи Бога людям и посланнику, вере в высокое предназначение их. Так же много раз упоминаются сироты и постоянно напоминает, что долг человека заботиться о сиротах, помогать им, оберегать их в беде.

Таким образом, Пушкин сумел уже в первом подражании затронуть многие главные темы Корана, раскрыть широту его проблем и многоплановость.

Второе подражание обращено к женам пророка. Подражание близко к тексту и смыслу Корана передает самые характерные черты нравственного облика женщины Востока: скромность, стыдливость, покорность. В стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» мы видим пушкинский идеал женщины — «стыдливо холодна».

В 80-ой суре Корана речь идет о противопоставлении праведников и нечестивцев. Праведники в Судный день смеются и веселятся, у нечестивцев же на лицах — пыль и прах.

В четвертом подражании мы читаем слова Всесильного, дополняющие высказанную прежде мысль:

*Я миру жизнь дарю,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.*

Пятое подражание звучит торжественно и пафосно. В нем снова утверждается мысль о беспредельности милостей Аллаха, о его по истине безграничных благодеяниях. Поэт подчеркивает милосердие Творца:

*Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран*

Истинное уважение Пушкина к религии, к культуре, которые он воссоздает в поэтических образах, подчеркивается и эпитетами к слову Коран:

Сияющий, святой

А в стихотворении «В пещере тайной...» мы наблюдаем ещё один эпитет к слову Коран — «сладостный».

Вдумываясь в смысл пушкинских эпитетов мы убеждаемся, как прав был Гоголь, говоря об эпитете Пушкина: «Его эпитет так отчётлив и смел, что иногда один заменяет целое описание».

Глубоко постигнув дух Корана, Пушкин не случайно уже в 1-ое подражание включает тему справедливой борьбы с врагами:

Клянусь мечом и правой битвой ...

Дальнейшее развитие эта тема находит в шестом подражании:

*Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.*

В Коране, как уже мы отмечали, определены главные заповеди, считающиеся нерушимыми для мусульманина. И среди них в первую очередь названы пятикратная молитва и закот — очистительная милостыня. И эти две темы раскрываются Пушкиным в подражаниях, следующих один за другим.

Итак, в восьмом подражании тема благородства, милостыня должна идти от всего сердца. Нельзя давать подавание и в то же время в душе испытывать сожаление о поданном: такая милостыня — большой грех и не может быть очистительной.

Нравственные постулаты, как мы видим, у представителей различных народов очень близки друг к другу. И в христианской религии, верующие помнят об истине: рука дающего не оскудевает.

В завершающем цикл подражании вновь утверждается тема безграничного могущества Творца и тема веры во все

благое. В девятом подражании речь идет о страннике, который проходя мимо разрушенного селения, сомневается в том, что Господь может возродить его. За тяжкий грех сомнения Бог умертвил странника и оживил только через сотню лет. Пушкин ярко раскрывает потрясение странника.

*Минувшее в новой красе оживилось,
Вновь зыблется пальма тенистой главой,
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.
И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают.*

Завершается цикл весьма значительными для этого произведения и для всего творчества Пушкина стихами:

*И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая радость;
Святые восторги наполнили грудь;
И с богом он дале пускается в путь.*

В этих стихах несокрушимая вера в будущее, светлый оптимизм, твердая убежденность в торжество истины.

Трудно переоценить значение труда Пушкина, который своими «Подражаниями Корану» воплотил мировоззрение, национальное своеобразие человека Востока. По мнению П.Тартаковского «...он пробудил огромный и непреходящий интерес поэтов к «Святой книге» мусульман, открывший перед художником России неизведанные пласты действительности, новые возможности её постижения в нации, истории, психологии, поэзии как целых народов, так и отдельной личности — человека Востока».

Подтверждением этого мнения служат десятки и сотни произведений, авторы которых со времен Пушкина, вдохновленные его традициями, обращались к теме Корана. Прежде всего это были современники Пушкина.

Например, Л.Якубович пишет «Подражания Корану» в которых использует стилистические приемы, примененные Пушкиным. Для примера можем взять синтаксис клятвы из его стихотворений. Также был создан сборник А. Г. Ротчева «Подражания Корану», состоящий из 12 стихотворений.

Под влиянием Пушкина были написаны писателем и археологом А. Ф. Вельтманом и стихотворения на восточные темы: «Зороастр», «Мухаммед», «Эскандер».

Итак, тема Корана, художественно освоенная Пушкиным, и его творческие поиски были продолжены многими современниками поэта и русскими художниками слова последующих поколений.

Литература:

1. Пушкин, С. А., Полн. собр. соч., в 16-ти томах, М.-Л., 1949
2. Белинский, В. Г. Полн.собр.соч.В 13-ти томах.т.5,М.,1954,стр.555
3. Томашевский, Б., А. С. Пушкин. Том второй, стр. 281
4. Коран. Перевод смыслов и комментарии В.Прохоровой., Тегеран, 1996, стр. 23, 28.

Приемы языковой актуализации смысла в романе Зэди Смит «Белые зубы»

Нагорнова Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов

Смысловой мир произведения находится в отношениях корреляции с текстовыми средствами, выступающими в качестве материальной «одежды» идеальных смыслов и особым образом организующими читательское понимание. В связи с этим, в работе с текстом необходимо обращаться к проблеме актуализации понимания смысла на языковом уровне, рассматривать актуализацию как средство смыслообразования в художественном тексте с точки зрения герменевтики, которое побуждает реципиента к построению культурно адекватных смыслов произведения.

Каждый писатель по-своему описывает современную действительность. Особую популярность не только среди английского населения, но и во многих других странах приобрела книга «Белые зубы» (2000), написанная английской писательницей Зэди Смит. Эта грандиозная, богатая идеями, юмором книга, завоевала многие литературные премии, стала основой для создания сериала. Многие критики пишут, что Зэди Смит — сбывшаяся мечта мультикультуралистов, которая доказала свой академический тезис о «плюрализме культур». В книге идет повествование о двух семьях — коренных жителях Лондона и иммигрантов из Бангладеш, которые, несмотря на различные религиозные взгляды, разную культуру и положение в обществе стали друзьями. Можно сказать, что целью этого произведения стало отражение новых явлений в экономической и общественной жизни, трансформации, которые происходили в обществе и сознании людей после распада Империи Великобритании. Что ж помогло автору романа актуализировать смысл на языковом уровне?

Обратимся к небольшому фрагменту романа для рассмотрения содержательности текста. В главе 11 «The miseducation of Irie Jones» («Недостатки образования Айри Джонс») достижение текстового смысла осуществляется выдвиганием текстовых доминант, которые помогают определить актуализацию языковых средств произведения на уровне морфологии, синтаксиса, грамматики, лексики. Также автор широко использует различные стилистические приемы и графические средства.

Данные приемы способствуют глубокому пониманию смысла произведения, что призывает читателя к активной мыслительной деятельности и «доработки» картин, предложенных автором.

Итак, на морфологическом уровне реализуются такие приемы актуализации как: сокращенные формы слов: *borrow'd, sof', darlin', an'*.

«'I been dealing with a corpse all morning. Be nice to get my hands into somefing sof', said Andrea, emerging from her reverie. 'You gonna relax it, darlin'?'» [2, P. 277]

(—Я все утро с трупом возилась. Так приятно наконец потрогать что-то мягкое, — сказала Андреа, выходя

из задумчивости. — Хочешь сделать их прямыми, да, милочка?) [1, С. 344]

Сокращения применяются в разговорной речи, для того чтобы подчеркнуть особенность молодежного разговора, непринужденность и простоту общения подростков.

Наблюдается широкое применение междометий таких как: *er, oh, hey, so, um, yeah*. В основном междометия заполняют паузы оформления мысли, подбора слов, так же паузы, когда персонажи что-либо вспоминают, при трудности в подборке правильных, в некоторых случаях корректных слов, а также стремление автора и героев кратко выразить мысль и стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, деавтоматизировать восприятие.

«Then inquired with melodious Scottish emphasis, 'Before and after what?'

'Er... what?'

'Before and after what?'

'Oh. Nothing, Miss.'» [2, P. 267]

(Удивленно поглядела на него, потом спросила с мелодичным шотландским акцентом:

—До и после чего!

—А... чего?

—До и после чего!

—Ничего, мисс.) [1, С. 332]

Основной функцией данных приемов является показатель замешательства персонажа. Миллат, увлеченный собственными мыслями, не следил за обсуждением на уроке и когда учитель застал его врасплох, ученик, пытаясь ответить правильно на вопрос, заполняет паузу междометием, переспрашивает вопрос.

На синтаксическом уровне текст характеризуется следующими чертами: используются редуцированные конструкции (неполные, усеченные, сегментированные); нарушение норм построения предложения:

«'Is she black?'

'Is who black?'

'The dark lady.'» [2, P. 271]

(—Она черная?

—Кто черная?

—Темная леди.) [1, С. 337]

«'You won't get more some other place. Please now,' she said, looking over the girl's shoulder to Irie, 'other customers I have.'» [2, P. 280]

(Тебе все равно нигде не дадут больше. И вообще, — сказала она, глядя поверх головы индианки на Айри, — меня покупатели ждут.) [1, С. 348]

В первом случае редуцированной конструкцией автор выделяет неожиданность вопроса. Вопрос Айри настолько странный, что вводит учителя в замешательство. Второй

пример подчеркивает степень образованности персонажа из парикмахерской.

Автор часто употребляет прием градации: 'What exactly were you aiming for?'

«Wasn't it obvious? Straight. Straightness. Flickability.» [2, P. 283]

(Разве не ясно? Прямоты, чтобы они стали прямыми. И легкими.) [1, С.352]

Данный пример показывает читателю употребление в тексте эмоциональной градации, функцией которой является стремление как можно точнее, ярче передать мысли героя, его эмоциональное состояние, а именно сильное желание девушки избавиться, на ее взгляд, от некрасивых кудрявых волос, нетерпение быстрее преобразиться после похода в салон красоты. А также атмосферу ситуации — Айри возмутил тот факт, что после объяснений мастеру, что ей необходимо выпрямить волосы, ее так и не поняли.

Говоря о лексическом уровне, прежде всего, следует отметить чрезвычайную насыщенность текста окказионализмами:

«The Chalfens didn't need other people. They referred to themselves as nouns, verbs and occasionally adjectives: It's the Chalfen way, and then he came out with a real Chalfenism, He's Chalfening again, we need to be a bit more Chalfenist about this. Joyce challenged anyone to show her a happier family, a more Chalfenist family than theirs» « [2, P. 314]

(Чалфенам не нужен никто другой. О себе они говорят, употребляя образованные от фамилии существительные, прилагательные и даже глаголы: Это по-чалфенски. Он вышел из трудной ситуации, проявив подлинный чалфенизм. Он снова чалфенит. В этом вопросе надо быть чалфенистичнее. Джойс была уверена, что нет семьи счастливее, нет более чалфенской семьи.) [1, С. 390]

Данные окказионализмы образованы по моделям «фамилия семьи The Chalfens + аффикс (-ism, — ist)» и «фамилия семьи The Chalfens + глагольное окончание -ing» данные конструкции усиливают значение предложения — у Чалфенов очень большое влияние на окружающих; тот, кто находится под их влиянием становится похожим на Чалфенов во всем: в поступках — поступать «по-чалфенски», в действиях «чалфенить», по сходству характеристик «чалфенский». Окказионализм используется в тексте с негативным оттенком для выражения неудовольствия, раздражения этой семьей.

«'You wan' someting, pickney?' Straight hair. Straight straight long black sleek flickable tossable shakeable touchable finger-through-able wind-blowable hair. With a fringe.» [2, P. 273]

(—Чего-то хотела, крошка? Хотела. Прямые волосы. Прямые-прямые длинные черные гладкие легкие воздушные струящиеся легко расчесываемые и развевающиеся по ветру волосы. И челку.) [1, С. 339]

На данном примере можно указать авторские неологизмы: tossable, finger-through-able, wind-blowable, созданные по словообразовательной модели «прил. + суффикс -able» по аналогии с прилагательными breakable,

washable, moveable и т. д. Экспрессивность окказионализма усиливается за счёт отсутствия согласования между значением основы и значением суффикса: прилагательные типа breakable, washable, moveable находят свои эквиваленты в русском языке: ломкий, хрупкий, стирающийся,двигаемый, а рассматриваемые прилагательные не находят соответствующих русских эквивалентов в словарях: легко отбрасывающийся назад, встряхивающийся, сквозь пальцы пропускаемый, ветром продуваемый. Использование таких неологизмов подчеркивает желание девушки иметь прямые, легкие, струящиеся волосы; Айри употребляет данные слова, так как у нее не находится больше других слов выразить свое ожидание и нетерпение преобразиться после похода в парикмахерский салон.

В тексте наблюдается преобладание производных слов, относящихся к следующим способам словообразования: суффиксация (yellowing, wanking, facially, disarmingly); словосложения (scallywags, white-flecked, make-over); лексикализации (to catch one's eye, to be cool, a life for life); так же использование экспрессивных синонимов.

Производные слова чаще находят место не в авторских описаниях, а в повседневной разговорной речи героев, что обуславливает уместность данных слов.

«It was this soft underbelly that made him most beloved, most adored by Irie and the nice oboe-playing, long-skirted middle-class girls, most treasured by these hair-flicking and fugue-singing females; he was their dark prince, occasional lover or impossible crush, the subject of sweaty fantasy and ardent dreams ...» [2, P. 269]

(Именно за эту незащищенность и любила его Айри больше всего, равно как и другие школьницы — красивые девочки, играющие на гобое и носящие длинные юбки. Его обожали эти длинноволосые барышни, напевающие фуги. Он был их темным принцем, случайным любовником или безумной страстью, объектом горячит фантазий и отчаянных мечтаний...) [1, С. 335]

В примере можно выделить экспрессивные синонимы, образованные путем словосложения. Данный стилистический прием подчеркивает эмоциональное состояние героя — Айри не равнодушна к Миллату, но, не чувствуя взаимности, ее волнует, что многие девушки, у которых масса достоинств тоже влюблены в парня. Айри раздражена, она ревнует, поэтому она позволяет себе с насмешкой и издевкой высказываться о соперницах.

В тексте широко используются метафорические перемены.

«Irie, ignorant of all this, turned up for her appointment three thirty on the dot, intent upon transformation, intent upon fighting her genes, a headscarf disguising the bird's nest on her head, her right hand carefully placed upon her stomach.» [2, P. 273]

(Айри ничего этого не знала и, бережно положила руку на живот, пришла ровно в назначенное время — три тридцать, готовая преобразиться, победить свои гены, в шарфе, который скрывал осиное гнездо на ее голове.) [1, с. 339]

В данном случае метафора the bird's nest (осиное гнездо) основана на сходстве двух предметов — гнезда и волос на основе их объема, густоты, распределения в хаотическом порядке, взлохмаченности. Как нам известно, Айри девушка смешанных кровей и от матери она унаследовала пышные кудрявые волосы афро-американцев. Влосы было очень сложно уложить в прическу, что занимало не мало времени, а также они стали предметом насмешек со стороны одноклассников поэтому Айри начала их стесняться.

В тексте присутствует функционирование текстовой группировки слов (школьная лексика, слова, употребляемые в парикмахерской) school, geography, student, school code, hallway; Design and Management, a hair appointment, long fake nails and a weave-on, male section, electric trimmers, haircut, brush-down, mirrors, ammonia, hot combs, clips, pins and simple fire; следует отметить, что в произведении описываются люди разной национальности: мусульмане и англичане, здесь также присутствует лексика данной тематической группы: Allah, Quran, Raggastani.

Функционально-текстовые группировки слов наиболее значимы для формирования концептуальной семантики текста. Чаще именно они занимают позицию заглавия. Название романа «Белые зубы» — это метонимический перенос, основанный на устойчивых ассоциациях, все большее количество людей понимают, что красивые белые зубы — это элемент современной культуры, символ здоровья и преуспевания. Хорошо известен тот факт, что приятное впечатление от улыбки создается в первую очередь за счет цвета зубов. Неопрятность зубов отталкивает и не позволяет добиться желаемого. Ни для кого не секрет, что характерная черта менталитета англичан в стремлении к внешнему совершенству, в особенности, белоснежная улыбка. В романе автор вводит названия глав одной тематики с заглавием книги: гл. 2 Teething Trouble (зубки режутся), гл. 7 Molars (коренные зубы), гл. 8 Mitosis (митоз), гл. 12 Canines: The Ripping Teeth (зубастые птицы).

Так же следует отметить в тексте присутствие примеров употребления молодежного сленга: shit, bastard, fuck, fugs, magu wana, dammit.

«But we, we do not automatically obey. We are tricky, we are the tricky bastards, we humans. We have the evil inside us, the free will. We must learn to obey.» [2, P. 289]

(—Но мы, мы не подчиняемся автоматически. Мы — люди, мы хитрые, хитрющие мерзавцы. В нас сидит зло — свободная воля. Мы должны научиться подчиняться.) [1, С. 359]

Основная функция использования нецензурной лексики — эмоциональное состояние персонажа, в данный момент возмущение. Сэмэд убежден, что человек должен быть покорный судьбе, не пытаться ничего изменить, смириться с превратностями жизни, но его друзья и родные не разделяют с ним этого мнения, поэтому Сэмэд возбужден, пытаясь доказать свою правоту.

Итак, основными функциями приемов актуализации на лексическом уровне являются: необходимость точно вы-

разить мысль (узультальных слов для этого может быть недостаточно); потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; потребность избежать тавтологии.

Как отдельный прием актуализации следует выделить использование автором отдельных тропов и фигур речи. В тексте встречается звукоподражание: pissing, to belly-laugh.

«The door slammed. The nice girls looked at each other in that way. (He's just so out of control, so crazy... he really needs some help, some close one-to-one personal help from a good friend ...) The boys belly-laughed. The teacher wondered if this was the beginning of a mutiny.» [2, P. 271]

(Дверь хлопнула. Красивые девочки многозначительно переглянулись. (он прост неуправляемый! Просто сумасшедший... ему необходима помощь, помощь близкого человека, оказанная в личном порядке.) мальчишки захрюкали. Учительница думала: может это начало мятежа?) [1, С. 337]

Функция данного приема заключается в демонстрации невежества и дикости подростков, в особенности их поведение на уроках в школе.

Автором используется метафорическая и метонимическая антономазия: «'Niece-of-Shame!' came Alsana's voice from the kitchen. 'Sewing requires concentration. Shut it up, Miss Big-Mouth, please!» [2, P. 283]

(—Позорная Племянница! — закричала Алсана из кухни. — Когда я шью, мне нужно сосредоточиться. Потыше там, мисс Крикунья!) [1, С. 352]

«P. K.'s was split into two halves, male and female. In the male section, as relentless Ragga came unevenly over a battered stereo.» [2, P. 274]

(Парикмахерская делилась на две части: мужскую и женскую. В мужском зале из старенького магнитофона звучало рэгги.) [1, С. 341]

В первом случае метонимическая антономазия основывается на выделении определенной характерной черты персонажа, а именно болтливости и манеры говорить громко. Во втором примере применение метафорической антономазии характеризуется заменой конкретного явления собственным именем. В данном случае музыкальные мелодии заменяются названием жанра их исполнения, рэгги.

Параллельные конструкции: «He doesn't know his arse from his elbow. He doesn't know who he is. But you know him, at least a little, you've known all the sides of him. And he needs that. You're different.» [2, P. 284]

(Сам не знает, где у него голова, а где жопа. Вылитый отец. Сам не знает, кто он. Но ты его знаешь, хоть немного, но знаешь. Ты знаешь, каким он бывает. А ему нужен кто-то, кто его знает. Ты для него особенная.) [1, С. 353]

На данном примере показывается частичный параллелизм, который служит для акцентуации смысла данного отрывка: беспомощность персонажа (Миллат) и необходимости его в поддержке другого персонажа (Айри); для заострения внимания читателя на данной мысли.

Так же в тексте присутствует такой стилистический прием как уточнение: «There weren't any... well, Afro-Carri-bee-yans in England at that time, dear. That's more a modern phenomenon, as I'm sure you know.» [2, P. 271]

(В то время в Англии еще не было... э-э... афро-карибцев. Я думаю, ты знаешь, что это скорее современное явление.) [1, С. 337]

Использование данного приема подчеркивает паузу для формулирования корректной фразы, для подбора более точного и приемлемого для употребления в речи существительного, обозначающего национальность.

В тексте в достаточном объеме представлены сравнения, которыми пользуется автор для более красочного описания, более четкого подтверждения эмоционального состояния героя — недовольство своей внешностью. «And the curly hair thing, black wires.» [2, P. 272] (и про волосы тоже — как черная проволока.) [1, С. 338]

Стоит отметить, что роман написан в юмористическом ключе, и, одними из приемов, демонстрирующих это являются ирония, гипербола и перифраз: «Sometimes she'd be walking through school in a bikini with the lamp-post enigma written in chalk over her brown bulges, over her various ledges (shelf space for books, cups of tea, baskets or, more to the point, children, bags of fruit, buckets of water), ledges genetically designed with another country in mind, another climate.» [2, P. 266]

(Иногда ей снилось, что она идет по школе в бикини, а загадка фонарного столба написана мелом на ее коричневом пухлом теле, на его разнообразных выпуклостях (бедро, грудь, зад выступают, как полки, на которых можно расположить книги, чашки с чаем, корзины или, что вероятнее всего, детей, пакеты с фруктами, ведра с водой), выпуклостях, созданных в расчете на жизнь в другой стране, в другом климате.) [1, С. 330]

В данном примере показана ирония и критическое отношение главной героини Айри самой к себе. Ее навязчивая идея похудения не дает ей покоя, она уже не может адекватно воспринимать себя такой, какая она есть.

Пример перифраза: «It was a simple enough exchange and there was joy in it: the buzz of the revolving blade by your ear, a rough brush-down with a warm hand, mirrors front and back to admire the transformation.» [2, P. 275]

(Простой обмен: шесть фунтов за удовольствие от жужжания машинки над ухом, теплой руки, стряхивающей с твоей головы волосы, и двух зеркал, чтобы увидеть себя и спереди, и сзади, и оценить изменения.) [1, С. 341]

Автором описывается атмосфера в парикмахерской в разгар рабочего дня. Айри нравится не только суэта и сам процесс стрижки и укладки волос, для нее это спасение, только парикмахер может избавить ее от непослушных кудряшек.

Также следует отметить графические средства актуализации: сознательное искажение написания слов и вырванных; написание слов слитно (whateverhernameis);

выделение слов курсивом и жирным шрифтом; мультиплицирование (doooooong, ooooo, ummm, aaagh).

«Absolutely certain? You don't wish to delay the class any more? Because... some of the class need to listen to — nae, are even a wee bit interested in — what I have to say. So if you could spare some time from your doooooong-» [2, P. 267]

(—Точно? Больше не будешь заставлять класс ждать? Видишь ли*, кое-кто хочет послушать... некоторым даже немного интересно то, что я говорю. Так что, если ты отвлечешься на секунду от своих рису-ууу-ууунок...) [1, С. 332]

Употребление мультиплицирования объясняется желанием героя показать свое пренебрежение рисунками, показать, что они не имеют никакой ценности и интереса для других, что это пустая трата времени и сил.

Разряженным шрифтом выделяются объявления, строчки из газет, вызывающие определенный интерес героев. «It was speaking to her. L O S E W E I G H T (it was saying) T O E A R N M O N E Y.» [2, P. 265]

(Похудей (призывало оно) и получи за это деньги.) [1, С. 329]

Автор прибегал к использованию этих средств для привлечения внимания читателя к наиболее важным словам, подчеркивающим основную мысль высказывания.

Таким образом, значимость языковой актуализации состоит в том, что неожиданность текстовых средств, разрушение стереотипа, во-первых, стимулирует понимание читателя важности того, что подвергается актуализации, а во-вторых, придаёт пониманию процессуальный характер, сосредоточивая внимание читателя на формах текстовых средств и выстраивая его действия на пути к пониманию текста в определённую схему.

Роман Зэди Смит имеет свой собственный набор текстовых доминант, и основной целью нашего анализа языковых средств актуализации смысла стало выявление особенного для данного текста набора доминант. Что является средством передачи эмоционального настроения, которое автор хочет донести до читателя. В главе актуализируется описание «нелегкой» жизни подростка Айри. Здесь с иронией и юмором описывается взаимодействие главного персонажа с родителями, учителем, одноклассниками. Проблемы, с которыми сталкивается Айри, для нее очень серьезные, но читатель не может без улыбки читать про это.

Итак, мы определили набор доминант, являющихся главными для актуализации смысла произведения. На языковом уровне это: сокращенные формы слов, междометия, редуцированные конструкции, окказионализмы и авторские неологизмы; наблюдается преобладание производных слов; применяются стилистические фигуры речи: градация, метафорические переносы, экспрессивные синонимы, антономазия, параллельные конструкции, перифраз, ирония, гипербола; графические приемы: написание слов слитно, мультиплицирование и разряженный шрифт.

Литература:

1. Смит Зэди. Белые зубы / пер. с англ. Качановой О. М.: Изд-во Ольги Морозовой. 2005, — 672 с.
2. Smith, Zadie. White Teeth. — L: Penguin Books Ltd. 2001, — 542 с.

Свойства и функции исторического времени в художественном тексте

Нестерик Элла Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Клунная Валерия Олеговна, магистрант

Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова (Казахстан)

Ключевые слова: художественный текст, художественное время, категории художественного времени, свойства художественного времени, временной континуум, хронотоп, реальное художественное время, виды реального времени, историческое время.

Мир художественного произведения, связанный с миром реальной действительности, не может существовать вне времени и пространства. Данные категории являются ключевыми в описании параметров эстетической действительности, вымышленной автором и материализованной им в словесно-художественной форме. По Матвеевой, текстовая категория времени определяется как категория, «с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или её преломлением» [1, с. 24].

Категория художественного времени играет существенную роль в формировании содержания текста. При этом автор текста создает в каждом конкретном случае новый образ мира. Он располагает его в различных определенных рамках времени и пространства, свойственных (или несвойственных) данной ситуации, что обусловлено установкой автора [2, с. 166]. «Временной и пространственный язык» используется авторами художественных произведений как средство выражения собственной субъективной позиции. Художественное время не столько календарный отсчет событий, сколько соотношенность событий, установление ассоциативных, причинно-следственных, психологических связей между ними, создание сложного ряда событий, выстраиваемых в сюжетной канве. Это форма бытия идеального мира эстетической действительности, временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума [3, с. 16].

Пространство и время играют огромную роль при создании художественного произведения, т. к. хронотоп определяет жанр, обеспечивает композиционное построение, неразрывно связан с сюжетом, системой образов и мотивов [4, с. 235]. Основное же значение этой литературной категории заключается в том, что художественное пространство и время служат формами существования художественного мира [5, с. 60].

Интерес к хронотопу лингвистов — явление сравнительно недавнее. В 60-е годы XX-го века в лингвисти-

ческих исследованиях появилось новое направление известное сегодня как лингвистика текста. Первоначально эта дисциплина занималась только поисками средств формальной связности текста, оставляя в стороне содержательный аспект объекта [6, с. 267—268]. В конце 70-х, начале 80-х годов одной из кардинальных задач лингвистики текста становится выявление и описание особых текстовых категорий. Исследование категорий текста позволяло получить более полное представление о самом объекте дисциплины, его наиболее общих и существенных признаках, т. к. предполагало выявление особенностей текстовой структуры, организации языковых единиц, а также связей, устанавливаемых между ними [7, с. 80]. В состав категорий текста, выделяемых исследователями, был включён и художественный хронотоп. У И. Р. Гальперина это категория континуума, представляющая собой «определённую последовательность фактов, событий, развёртывающихся во времени и пространстве» [8, с. 87]. З. Я. Тураева рассматривает хронотоп как одну из содержательных (концептуальных) категорий, осуществляющих «связь между текстом и объективной действительностью, отражённой и преломлённой в тексте» [7, с. 81].

В лингвистике существуют различные типологии времени. Со времен А. А. Потебни принято разграничивать время реальное и художественное. Ученые рассматривают художественное время как единство конечного и бесконечного, частного и общего [7, с. 94]. Как отмечает Н. А. Николина, «художественное время носит системный характер. Это способ организации эстетической действительности произведения, его внутреннего мира и одновременно образ, связанный с воплощением авторской концепции, с отражением именно его картины мира...» [9, с. 58].

У категории художественного времени можно выделить формальную и содержательную стороны (план содержания и план выражения). План содержания художественного времени включает те понятия, которые передаются этой категорией. План выражения представлен рядом средств,

используемых для выражения этих понятий. Здесь мы коснемся только плана содержания художественного времени. Понятие художественного времени — это довольно сложное понятие. Оно включает в себя:

1) время тех событий, из которых складывается сюжет, т. е. сюжетное время;

2) время персонажей (индивидуальное, частное, личное время), в состав которого входит: субъективное восприятие времени героем произведения, его биографическое время, время его деятельности;

3) время автора, отражающее «его концепцию времени, его временную позицию по отношению к изображаемым событиям»;

4) время читателя — «время рационального и чувственно-эмоционального восприятия прочитанного» [4, с. 64–65].

Как видим, в плане содержания художественное время характеризуется многозначностью и сложностью. Оно служит не только для временной локализации событий, но и указывает на характер протекания их в тексте и выражает субъективную оценку (субъективное восприятие времени героем произведения, время автора, время читателя). Иначе говоря, помимо временных характеристик категория художественного времени способна выражать аспектуальные и субъективно-модальные характеристики изображаемых явлений. Так, субъективное художественное время (субъективное восприятие времени героем произведения) носит не столько темпоральный, сколько аспектуально-оценочный характер.

Согласно Папиной, среди видов художественного времени выделяется «время, которое может быть представлено в качестве реального объективного, циклического, субъективного, а также ирреального времени разных типов». Папина считает, что авторы, принадлежащие к разным литературным направлениям, стремятся, исходя из своих установок, наиболее правдоподобно или намеренно неправдоподобно создать картину внешнего мира с его объектами, размещенными в пространстве и времени и соотношенными с местом говорящего или наблюдателя, с точкой отсчета времени. На этом основании писатель формирует несколько типов художественного времени. Наиболее часто встречающимся типом времени является реальное объективное художественное время, используемое в монологической речи. Сюда включается и циклическое время. Наряду с реальным объективным временем автор (говорящий) может ввести также реальное субъективное художественное время, описав его как явление нелинейное, прерывистое, неоднородное, с обилием алогизмов и аномалий во времени, отраженных в монологической и диалогической речи. Действие художественного текста может быть отнесено к далеким таинственным мирам прошлого и будущего, ко времени и пространству фантастическому, мифологическому, космическому. Это позволяет писателю субъективно, с большей или меньшей степенью вымысла описать ирреальное время разных миров [2, с. 163].

Также Николина выделяет следующие виды времени, такие как, сюжетное время и время фабульное, отражающие реальную последовательность событий; авторское время и субъективное время персонажей; в качестве разных форм проявления времени выделяются бытовое и историческое, время личное и социальное [9, с. 130].

Время в художественном произведении воспринимается благодаря связи событий — причинно-следственной или психологической, ассоциативной. Где нет событий — нет и времени: в описаниях статических явлений, например — в пейзаже или портрете и характеристике действующего лица, в философских размышлениях автора (от последних следует отличать философские размышления действующих лиц, их внутренние монологи, которые протекают во времени) [10, с. 213].

В художественных произведениях наличествуют образы времени биографического (детство, юность, зрелость, старость), исторического (характеристики смены эпох и поколений, крупных событий в жизни общества), космического (представление о вечности и вселенской истории), календарного (смена времён года, будней и праздников), суточного (день и ночь, утро и вечер), а также представления о движении и неподвижности, о соотносённости прошлого, настоящего, будущего.

Каждый персонаж художественного текста имеет своё индивидуальное время. Художественное время — это некое множество индивидуальных времен и установление временных зависимостей между отдельными (частными, индивидуальными) временами. Художественное время — это сложное переплетение трех покровов восприятия — автора, читателя и персонажей. Художественное время может быть одномерным (одна линия в повествовании) и многомерным (действие развивается параллельно в нескольких местах в различное время). Художественное время есть единство прерывности и непрерывности. Оно непрерывно, так как может выступать как единый поток событий, как единство отдельных этапов событий, отрезков в повествовании. И вместе с тем художественное время прерывно, так как возможно расчленение потока времени на отдельные фазы, эпизоды, события.

Учёные выделяют историческое время, также называют его эмпирическим, физическим, хроникальным и др. Такое время, связанное с определёнными выделяемыми циклами в жизни природы, конкретными событиями в жизни человека или всего общества, отражается в их хронологии, т. е. в описании логически последовательно происходящих событий, фактов. Фиксирование дат событий производится хронографией. Длительность действия в его осуществлении определяется хронометрией [11, с. 123].

Историческое время содержит следующие значения:

— стремление автора отразить общезначимые свойства времени.

— установка автора на выражение собственных индивидуальных восприятий момента событий, момента речи, фазы действия, его темпа и т. п.

В числе таких общезначимых свойств времени называют:

— направленность времени из прошлого — в настоящее — в будущее. В окружающей нас действительности мы всегда наблюдаем однонаправленность и необратимость времени. Однако нетрудно представить себе модели времени, в которых возможен его обратный ход, а также модели, где время представляется как бы застывшим, неподвижным.

— линейность времени. Это свойство естественного Потока времени, по мнению учёных, отражается в виде некоего множества, которому задано отношение нестрогого порядка. Линейность времени, как и пространства, наиболее показательно представлена при изображении продвижения вперёд, например, во время дорожного движения, при описании наблюдения героя за временем, при его воспоминаниях или мечтах.

— непрерывность. Это свойство представляет время как одномерный континуум, геометрическим образом которого является векторная прямая.

Естественное время отличается своей протяженностью как прошлого, так неоканчиваемостью в будущем. При этом не является противоречивым существование циклического времени, обозначающего смены времён года, суточных циклов, циклов Пути человека.

Ни одно из свойств времени, сколь бы естественным оно ни казалось, не носит универсального характера. Другими словами, нет и не может быть какой-то единственно

правильной временной логики или модели времени, которая удовлетворяла бы нас во всех случаях жизни. Поэтому художественное время, как и время любого иного стиля речи, сочетает включение общезначимых свойств времени с её различными вариантами и модификациями, связанными с установкой самого автора.

Подводя итог статьи, мы пришли к тому что, литературные произведения пронизаны временными и пространственными представлениями, бесконечно многообразными и глубоко значимыми. Здесь присутствуют образы времени биографического (детство, юность, зрелость, старость), исторического (крупных событий в жизни общества), космического (представление о вечности и вселенской истории), календарного (смена времен года, будней и праздников), суточного (день и ночь, утро и вечер), а также представление о движении и неподвижности, о соотношенности прошлого, настоящего и будущего. В художественной литературе энергия и творческая сила памяти освобождают отдельные моменты существования от тучности, дробности, незначительности, укрупняют их, открывают в них «тайные узоры» судьбы или высший смысл, в результате устанавливается истинное время — время сознания повествователя или героя, которое противопоставляет «ненужному сну» бытия неповторимые мгновения, запечатлевшиеся навсегда в памяти. Мерой человеческой жизни тем самым признается наличие в ней моментов, причастных к вечности и освобожденных от власти необратимого физического времени.

Литература:

1. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Монография. — Свердловск: Урал. ун-та, 1990. — 172 с..
2. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 368 с.
3. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1979. — 219 с.
4. Бахтин, М. М.. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — с. 234–407.
5. Темирбулатова, А. Б. Художественное время и пространство: их значение и функции // Вестник КазГУ. Серия филологическая. — 2001. — № 1. — с. 60–67.
6. Николаева, Т. М. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — с. 267–268.
7. Тураева, З. Я. Лингвистика текста — Москва: Просвещение, 1986. — 127 с.
8. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 144 с.
9. Николина, Н. Н. Филологический анализ текста — Москва: Издательский центр «Академия», 2003. — 256 с.
10. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Москва: 1979. — 376 с.
11. Гак, В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. — с. 122–130.

Сравнительный анализ методик обработки спонтанных устных текстов о себе

Павлова Дарья Сергеевна, аспирант

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются методики обработки устных спонтанных монологических текстов. Построение графов семантических связей полей в тексте производилось в ИС «Семограф». С целью выбора адекватного метода семантического анализа текста один и тот же текст был обработан разными методиками. Сравнительный анализ методик позволяет говорить о значительных изменениях в семантических структурах текстов.

Ключевые слова: методика, устная речь, семантическая структура текста, граф, эксперимент.

С середины XX в. начинается активное изучение устной речи, продолжающееся и по сей день. В лингвистике складывается несколько точек зрения на то, что представляет собой устная речь, текст ли это, текстоид и т. д. Мы придерживаемся точки зрения, что устный спонтанный монолог на заданную тему (материал изучения) является текстом. «Несмотря на то что понятие «текст» является одним из базовых в лингвистике, до сих пор не существует его единого определения. Это обусловлено, во-первых, многообразием явлений, подводимых под категорию «текст», а во-вторых, различными аспектами его изучения: текст можно рассматривать в статике и динамике, с точки зрения формы и содержания, в широком и узком смыслах и т. д». [8, с. 5]. Не углубляясь в рассмотрение различных подходов к тексту, отметим, что мы склоняемся к пониманию текста, сформулированному в рамках петербургской лингвистической школы, и в качестве рабочего определения текста примем определение, данное Ю. С. Масловым: «В лингвистике термином «текст» обозначают не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное «речевое произведение» любой протяженности — от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги» [6, с. 11]. Базовыми свойствами текста, которые выделяет большинство исследователей, являются цельность и связность [5, 7, 9, 10 и др.]. Именно благодаря им текст становится принадлежностью системы языка.

Благодаря тому, что устный текст является цельным и связным, можно изучать его семантическую структуру, которая, по мнению Т. В. Жеребило, основана на правилах языкового кодирования и отражает языковую и когнитивную информацию [4, с. 88]. Задача исследования — изучение семантической структуры текста. Под семантической структурой текста мы подразумеваем совокупность важных тем и подтем текста, семантических единиц, реализующих эти подтемы, и разнообразных связей (семантических и грамматических) между единицами и темами/подтемами. При анализе семантической структуры текста мы идем от поверхностной структуры к глубинной, от локальной связности через глобальную к цельности текста (собственно, как и поступает человек при восприятии текста).

Материалом исследования стал устный монологический текст о себе, состоящий из 125 уникальных компонентов,

т. е. разных, неповторяющихся лексем. Автор текста — мужчина-негуманитарий, 36 лет, с высшим образованием. Для обработки материала пользуемся Системой графо-семантического моделирования «Семограф» [<http://semograf.com>], созданной совместными усилиями программистов и лингвистов. В этой системе в основу заложен метод, дающий возможность частичной автоматической обработки данных, а также строящий граф зависимостей [1]. При определении полей мы опирались на [2, 3 и др.]. Цель работы — выделение наиболее значимых контекстуально-семантических полей в тексте и выяснение структуры их взаимодействия в данном тексте. Цель данной статьи — обоснование выбора методики исследования.

Согласно методике, реализованной в ИС «Семограф» (К. И. Белоусов), текст делится на синтагмы, слова каждой синтагмы получают семантическое описание через отнесение к семантическому полю. Например, в синтагме *пять часов* слово *пять* относится к полю КОЛИЧЕСТВО, а *часов* — к полю ВРЕМЯ. Или в синтагме *большой снегопад* слово *большой* относится к полю КАЧЕСТВО, а *снегопад* — к полю ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА). Программа автоматически считает связанными слова одной синтагмы. Получаемый в результате анализа граф изображает семантические связи полей в тексте (см. рис. 1).

Однако такой тип анализа учитывает только вхождения слов в синтагму, но не синтаксические связи между ними. Поэтому стандартная методика была нами изменена. Согласно новой методике обработки материала слова относятся к контекстуально-семантическим полям с учетом не только семантики, но и их синтаксических связей. Например, в словосочетании *пять часов* существительное *часов* относится к полю ВРЕМЯ, а *пять* — одновременно к полям и КОЛИЧЕСТВО, и ВРЕМЯ, поскольку числительное обозначает именно количество времени. Или в словосочетании *большой снегопад* существительное *снегопад* относится к полю ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), а прилагательное *большой* — одновременно к полям КАЧЕСТВО и ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), т. к. обозначает именно качество явления.

Обработка происходит в той же ИС «Семограф», в результате обработки также получаем граф семантических связей (см. рис. 2).

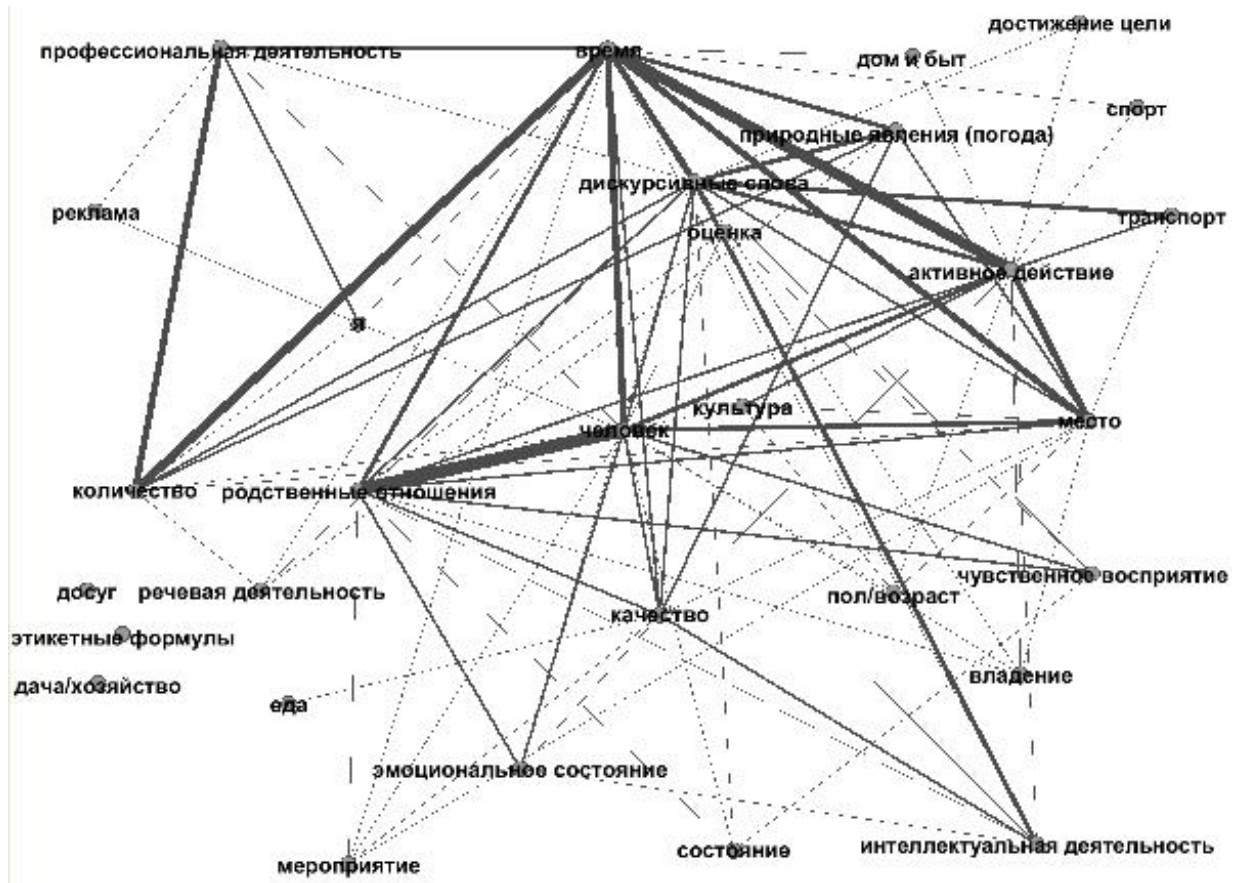

Рис. 1. Граф семантических связей полей в тексте, построенный с использованием методики разработчиков ИС «Семограф»

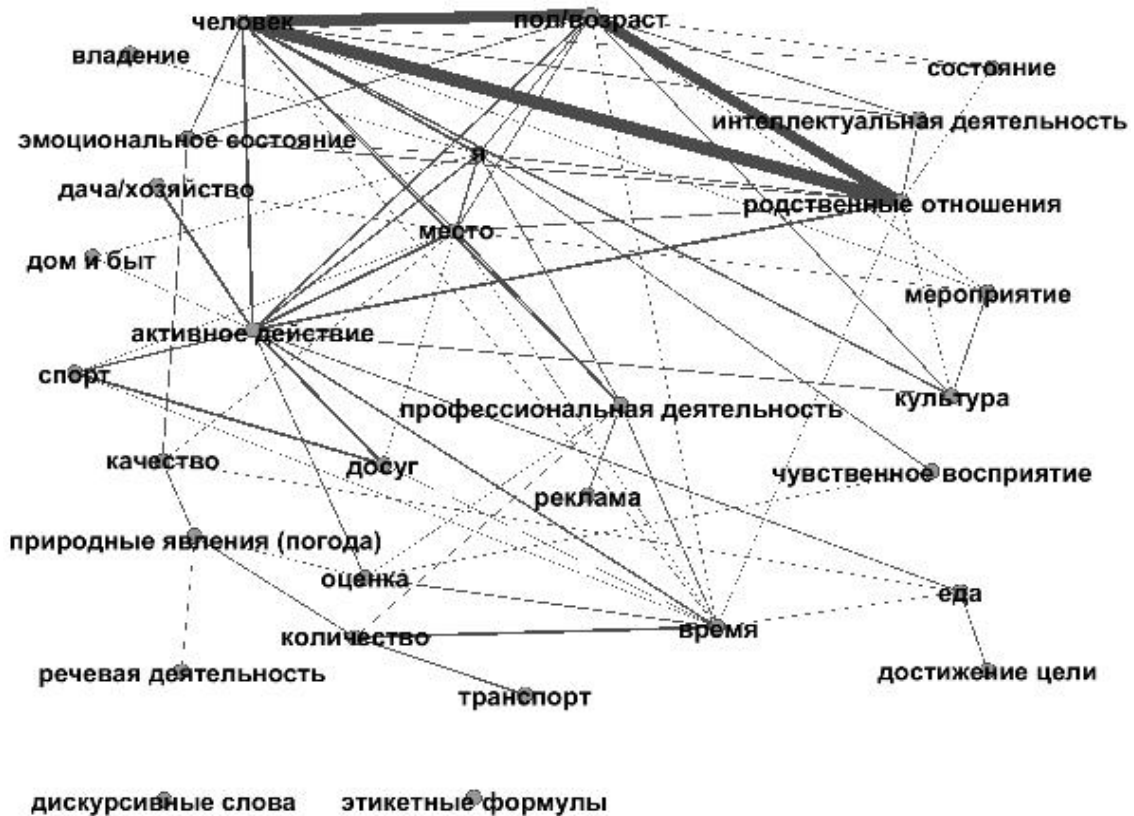

Рис. 2. Граф семантических связей полей в тексте, построенный с использованием нашей методики

Как видим из представленных графов, методики дают разный результат. Во-первых, меняется сила связи между полями, например, с учетом синтаксических связей поля СПОРТ и АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ связаны сильнее, чем если учитывать только семантику. Во-вторых, при учете синтаксических отношений поля ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ и ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА оказались не связанными с другими полями вообще, а без учета этих отношений такими полями стали ДАЧА/ХОЗЯЙСТВО, ДОСУГ и ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ.

Рассмотрим различия, которые дают методики, на примере поля КОЛИЧЕСТВО. Как видим, обе методики показывают, что наиболее сильную связь оно образует с полем ВРЕМЯ (см. рис. 3 и рис. 4).

Как видим, помимо силы связи между полями меняются и сами поля. Кроме общих в обоих случаях полей ВРЕМЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), в первом случае связанными с полем КОЛИЧЕСТВО будут поля Я, ЧЕЛОВЕК, МЕСТО, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА, а во втором случае — поле ТРАНСПОРТ.

Для ответа на вопрос, какой же метод больше соответствует цели и задачам нашего исследования, нами был проведен эксперимент в форме письменного анкетирования. Испытуемыми стали 25 филологов в возрасте от 20 до 25 лет, уже имеющие высшее образование или учащиеся старших курсов. Им необходимо было прослушать 3-х минутный монолог о себе и ответить на 2 вопроса: 1)

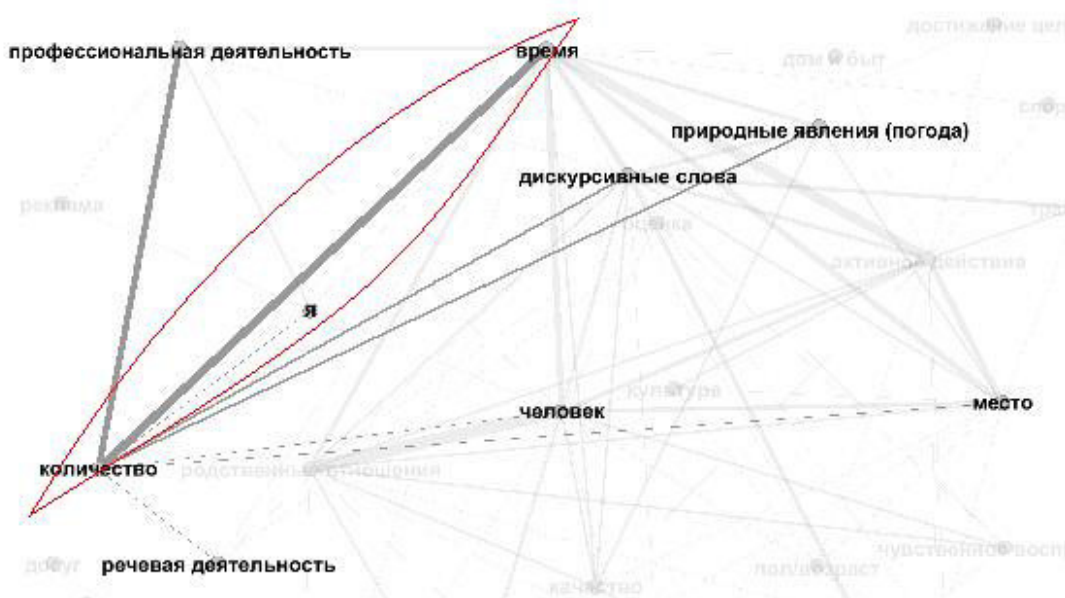

Рис. 3. Связь поля КОЛИЧЕСТВО с другими полями при использовании методики разработчиков ИС «Семограф»

Рис. 4. Связь поля КОЛИЧЕСТВО с другими полями при использовании нашей методики

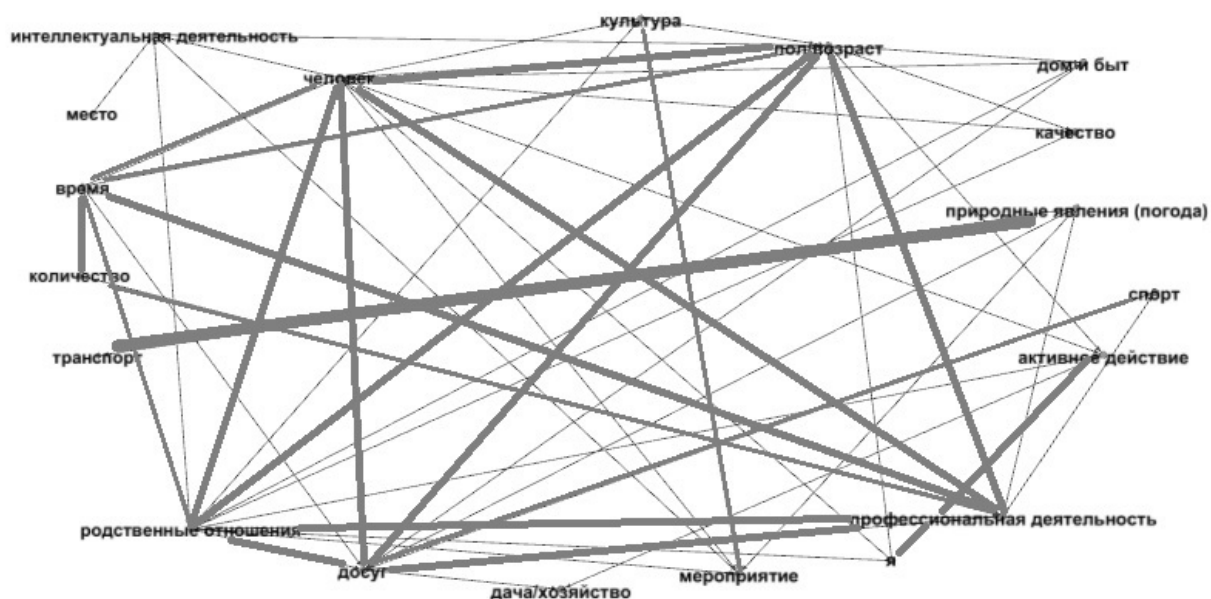

Рис. 5. Граф связей между темами, которые выделили информанты

выделите 5 основных тем текста; 2) выделите 3 наиважнейшие связи между выделенными темами.

Нами было выделено 30 полей, информанты же выделили 19 тем, совпадающих с нашими полями. Граф связей между выделенными информантами темами выглядит так:

Как видим, наиболее легко опознаваемой и почти всеми информантами выделенной была связь погоды и пробок (в нашем случае: ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА) и ТРАНСПОРТ).

Интересным оказался тот факт, что информанты выделили в основном те поля, которые имеют сильные связи с другими при обработке упомянутыми выше двумя методиками. Только к этим основным полям добавились поля ДОСУГ, ДОМ И БЫТ, МЕРОПРИЯТИЕ. Отсутствуют

поля ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ОЦЕНКА.

Сравним полученные 3 графа. При сопоставлении графов получаем, что граф по результатам эксперимента и граф по нашей методике имеют больше общего, отражают наиболее важные связи. Таким образом, получается, что на семантическую структуру текста одинаково сильно влияют семантика и грамматика.

Анализ графов показал, что применение той или иной методики должно быть обусловлено целью исследования. При исследовании семантического пространства текста в статике следует пользоваться оригинальной методикой разработчиков «Семографа», а при изучении семантического развертывания текста предложенная нами методика будет более адекватна.

Литература:

1. Белоусов, К. И., Земянская Н. Л., Баранов Д. А. Концептуально гипертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. с. 56–61.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Англ. эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с.
3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
4. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 108 с.
5. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. М., 1974. Ч.1. с. 169–172.
6. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1998. 272 с.
7. Мурзин, Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
8. Павлова, Д. С., Ерофеева Е. В. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 1 (29). с. 5–17.
9. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.
10. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Инициализмы как продуктивный тип сокращения в англо-русском научно-учебном тексте экономического дискурса

Полетаева Елена Денисовна, магистрант
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

Статья посвящена исследованию аббревиатур в научно-учебном тексте экономического дискурса. Автором анализируются аббревиатуры на материале учебников по международной экономике Р. Дж. Карбаха «*International Economics*» и Р. И. Хасбулатова «*Мировая экономика и международные экономические отношения*», с целью определить наиболее продуктивный тип сокращения экономических терминов, характерный для данного типа текста.

Ключевые слова: аббревиатура, инициализм, акроним, сокращение, гибрид, смешанные сокращения, сокращения с числительными.

Процессы интернационализации и глобализации характеризующие современный мир оказывают влияние не только на экономику и политику разных стран, но и на развитие их языков. Так, в последние десятилетия данные процессы стали причиной значительного пополнения словарного состава английского и русского языков за счет появления новых сокращений. Поскольку экономика проникает во все сферы человеческой деятельности, изучение аббревиатур является актуальной проблемой, требующей всестороннего подхода, в рамках которого можно определить доминирующие факторы, определяющие сущность аббревиации. «Подобный подход продиктован динамикой познавательных проблем, встающих перед исследователями...». [1, с. 5]

Нами был проанализирован учебники по международной экономике Р. Дж. Карбаха *International Economics* и Р. И. Хасбулатова «*Мировая экономика и международные экономические отношения*», объемом 580 и 670 страниц печатного текста соответственно, и было отобрано 79 английских и 66 аббревиатур экономического дискурса. Рассмотрим их подробнее.

Наиболее многочисленной группой из общего числа проанализированных нами аббревиатур и в английском и в русском языках являются инициализмы, общее количество которых в нашей выборке составляет 63 единицы или 79,7 % от общего объема английских сокращений и 62 единицы или 94 % от общего объема русских сокращений. Инициализмы представляют собой сокращенные слова, которые образуются при помощи начальных букв многословных слов, сложных слов и словосочетаний.

По способу произношения инициальные сокращения подразделяются на буквенные, звуковые (акронимы) и буквенно-звуковые.

Буквенные аббревиатуры — это сокращенные единицы языка, образующиеся из начальных букв слов и словосочетаний, и произносимые как последовательно расположенные буквы алфавита:

FTZ (Foreign-Trade Zone) — зона внешней торговли;
IMF (International Monetary Fund) — Международный валютный фонд;

UAW (United Auto Workers) — Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности;

LTFV (less than fair value) — заниженная экспортная цена;

ВТО — Всемирная торговая организация;

СНС — Система национальных счетов;

МПК — Международная производственная кооперация;

ИРЧП — Индекс развития человеческого потенциала.

Количество буквенных аббревиатур составляет подавляющее большинство от общего числа инициализмов — 48 единиц или 76,2 % в английском тексте и 35 единиц или 56,5 % в русском. По большей части это трехэлементные компоненты, однако они могут варьировать от двух до четырех элементов в русском языке и до пяти в английском:

GM (General Motors) — Дженерэл Моторс;

ЕБ — Европейский банк;

ССС (Commodity Credit Corporation) — Товарно-кредитная корпорация;

ППП — Первоначальное публичное предложение;

GATT (General Agreement on Tariffs and Trade) — Генеральное соглашение по тарифам и торговле;

МБРР — Международный банк реконструкции и развития;

USITC (United States International Trade Commission) — Комиссия по международной торговле США.

Звуковая аббревиатура, или акроним, представляет собой сокращенную единицу языка, образованную из начальных букв или начальных элементов сложного слова или словосочетания. Полученный таким образом набор начальных букв произносится в речи по правилам произношения как слово, а не как отдельные буквы, например:

OSHA [ˈoʃə] (Occupational Safety and Health Administration) — Управление охраны труда.

CIF [sɪf] (cost-insurance-freight) — стоимость, страхование и фрахт.

NAFTA [ˈnɑftə] (North American Free Trade Agreement) — Североамериканское соглашение о свободе торговли.

ЮАР — Южно-африканская республика;

ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет;
 НИС — Новые индустриальные страны;

Некоторые ученые (С. А. Володькова, И. Н. Кубышко, Л. Б. Ткачева, Л. Г. Просвирнина) выделяют акронимы в отдельную группу и понимают под ними сокращения слов, образованные из начальных элементов слов терминологического сочетания, и которые могут использоваться из неначальных букв или целых слогов, сходные или совпадающие по своей форме с обычными словами, например:

COLA (Cost-of-Living Adjustment) — поправка на рост прожиточного минимума, совпадающее с графической и фонетической формой названия напитка «Кола»;

SAFE (corporate average fuel economy standards) — гарантированные корпорацией средние нормы экономии топлива, совпадающее со словом *café* — кафе;

FIG (Financial-industrial group) — Финансово-промышленная группа, совпадающее со словом *fig* — инжир, винная ягода.

Однако в нашем исследовании акронимы, совпадающие графически и фонетически с обычным словом, встречаются крайне редко — всего три примера или 3,8 % от общего объема сокращений в английском языке, и ни одного в русском. В связи с этим, мы рассматриваем акронимы в рамках инициализмов и не выделяем их в отдельную группу. В нашей выборке акронимы представлены в количестве 12 единиц (15,2 % всех инициальных сокращений) в английском тексте и 24 единицы (38,7 % от всех инициальных сокращений) в русском тексте.

В состав звуковых аббревиатур может входить от двух в английском и от трех в русском языке и более компонентов, образованных посредством сложения всех полнозначных основ развернутого многокомпонентного терминосочетания:

FI [fa] (Financial intermediary/Financial institution) — финансовый посредник/финансовый институт;

GIC [gk] (Government Investment Corporation) — Правительственная инвестиционная корпорация.

АРЕС [‘āpek] (Asia-Pacific Economic Cooperation) — Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество.

ASEAN [‘æz n] (Association of Southeast Asian Nations) — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;

НИС — Новые индустриальные страны;

ЛАИ — Латиноамериканская ассоциация интеграции;

ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет.

В английском языке очень часто при формировании акронима для снижения его громоздкости и улучшения читабельности опускаются предлоги, артикли и союзы, например:

METI (Ministry of Economics, Trade and Industry) — Министерство экономического развития и торговли;

EMU (Economic and Monetary Union) — Экономический и валютный союз.

Нередко можно наблюдать и обратный процесс, когда в акрониме сохраняется гласный предлога, союза или преднамеренно вводится гласный звук, что осуществля-

ется для облегчения чтения нескольких последовательно стоящих согласных звуков:

MOF (Ministry of Finance) — Министерство финансов.

Особенность произношения буквенно-звуковых сокращений заключается в сочетании произношения буквенного и звукового способов:

EMU [i:mju:] (The European Monetary Union) — Европейский валютный союз.

ЕЭК — европейская экономическая комиссия;

ОЭСР — организация экономического сотрудничества и развития.

Согласно исследованиям И. Н. Куйбышко, преобладает звуковой способ произнесения аббревиатур. Однако на основании нашего исследования можно сделать вывод, что в подязыке экономики наиболее продуктивным является буквенный способ произношения сокращений.

Таким образом, на буквенный способ произнесения сокращений экономических терминов в английском тексте приходится 76,2 % от общего числа инициализмов, доля акронимов составляет 15,2 %, доля звукобуквенных невелика — 8,6 %. В русском тексте на буквенный способ произнесения сокращений экономических терминов приходится 56,5 % от общего числа инициализмов, а доля акронимов и звукобуквенных сокращений составляет 38,7 % и 4,8 % соответственно.

Гибриды представляют собой частично сокращенные слова или словосочетания, которые образуются в результате сложения усеченного элемента и полнозначного слова или словосочетания. Гибриды могут образовываться различными способами: путем размещения сокращенного термина в препозиции, постпозиции, инпозиции и размещение несокращенного компонента в инпозиции.

В ходе проведенного нами анализа в английском тексте было выявлено 9 гибридов, что составило 11,4 % от общего количества сокращений.

В нашем материале большинство выявленных гибридных сокращений образованы по модели размещения сокращенной единицы в инпозиции присоединения полнозначной лексической единицы к сокращенному термину:

Sony Corp. — корпорация Сони корп.

Caterpillar Inc — корпорация Катерпиллер инк.

Toyota Motor Co. — корпорация Тойота Мотор ко.

В нашей выборке был так же зафиксирован пример присоединения полнозначной лексической единицы к сокращенному термину:

J-Curve Effect — эффект J-кривой [джей-кривой]

В ходе анализа русскоязычного материала был выявлен только 1 гибрид, что составляет 1,5 % от общего количества сокращений.

В нашем примере полнозначная лексическая единица присоединяется к сокращенному термину:

ИТ-индустрия — индустрия информационных технологий

Сокращенные термины смешанного типа имеют в своем составе признаки, характерные для двух и более

типов представленной классификации. Данная группа достаточно немногочисленная. В английской выборке представлено всего 4 сокращения смешанного типа, что составляет 5,1 % от общего объема сокращений.

Так, сокращение AT&T Co. сочетает инициальный тип сокращения и усечение.

AT&T Co. (American Telephone and Telegraph; American Telephone and Telegraph Company) — Американская телефонно-телеграфная компания

Данное сокращение так же имеет графическую особенность — амперсанта.

Не менее интересным представляется пример сочетания апокопа и стяжения в примере Eximbank (Export-Import Bank) — Экспортно-импортный банк.

Также в тексте мы встретили сокращение ВМХ, который представляет собой яркий пример сочетания инициального и графического сокращения — *bicycle motocross*, где слово *cross* выражено через X.

В русскоязычной выборке представлен всего 1 пример сокращения смешанного типа, что составляет 1,5 % от общего объема сокращений.

В нашем примере ЕврАзЕС (Евразийское экономическое сообщество) представлено сочетание апокопа и стяжения.

В исследуемых текстах также встречаются сокращенные термины, в составе которых обнаружены числительные. Как отмечает Г. Н. Бондарчук, числительные употребляются в тексте с целью помещения количественного аспекта в фокус внимания реципиента. Использование числительных позволяет точно и кратко передать информацию. Они выполняют информативную и экспрессивную функцию в составе сокращений.

В ходе нашего исследования английского текста было зафиксировано 3 примера сокращений с числительными или 3,8 % от общего объема выборки.

G-5 (Group of Five) — Группа пяти ведущих стран Запада (Великобритания, Германия, США, Франция, Япония);

G-7 (Group of Seven) — Группа семи ведущих стран Запада (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Япония);

G-20 (Group of Twenty) — Большая двадцатка (члены Международного валютного фонда, сотрудничавшие в форме международной валютной системы).

В русском тексте встретилось два сокращенных термина, имеющих в составе числительные, что составляет 3 % от общего объема выборки:

ИНН-1 — индекс нищеты населения для развивающихся стран;

ИНН-2 — индекс нищеты населения для развитых стран.

Данные сокращения образованы путем сокращения первого компонента словосочетания до инициальной буквы и обозначения числительного цифрой. В английских сокращениях функция числительного заключается в том, чтобы обозначить количество стран, которые входят в каждую группу. Стоит уточнить, что числительное в таких сокращениях носит уточняющий, смысловоразличительный и дифференцирующий характер. Шаблонность образования таких сокращений так же не вызывает сомнения.

Так, использование числительных в составе сокращений подъязыка экономики необходимо и уместно, поскольку они выполняют информационные и уточняющие функции, позволяют избежать омонимии, сделать термин запоминающимся и мотивированным. Помимо этого, такие модели образования сокращений используются в дальнейшем для формирования новых терминов. Использование числительных в составе сокращенных терминов обусловлено политико-экономической ситуацией, сложившейся в мире, и отражает тенденции глобального развития экономики как науки и как формы хозяйства, следовательно, носит экстралингвистический характер.

Таким образом, опираясь на наши примеры, самым продуктивным типом сокращений экономических терминов в англоязычном тексте являются инициализмы, на которые приходится 79,7 % от общего количества сокращений. Второе место по продуктивности занимают гибриды (11,4 %). Доля сокращений смешанного типа — 5,1 %, а сокращений с числительными — 3,8 %. В русскоязычном научно-учебном тексте наиболее продуктивным типом сокращений также являются инициализмы, на которые приходится 94 % от общего количества сокращений. На сокращения с числительными приходится 3 % от общей выборки. Доля гибридов и сокращений смешанного типа невелика — по 1,5 %.

Основываясь на проведенном анализе аббревиатур в научно-учебном тексте английского и русского экономического дискурса, мы приходим к выводу, что инициализмы являются наиболее продуктивным типом сокращений в обоих языках, среди которых буквенные аббревиатуры являются самыми частотными. Однако метод выборки показал, что в русском языке чаще встречаются акронимы, чем в английском.

В свою очередь, английский язык более богат на сокращения других типов (гибриды, смешанные совращения, совращения с числительными), на их долю приходится около 20 % примеров, тогда как в русском — только 6 %.

Исследуемая тема требует дальнейших уточнений во многих аспектах. Например, следует эксплицировать причины выявленной частотности функционирования инициализмов.

Литература:

1. Ивлева, А. Ю. Художник — текст — реципиент / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева; [науч. ред. Н. И. Воронина]. — Саранск, 2008. — 108 с.

2. Мировая экономика и международные экономические отношения: [в 2 ч.] Ч. 1: учебник / под ред. чл.-корр. РАН, д-ра экон. наук, проф. Р. И. Хасбулатова. — М.: Гардарики, 2006. — 671 с.
3. Сергеева, Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики — 2013. — № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. — С. 174–179.
4. Шаповалова, А. П. Опыт построения общей теории аббревиации: дис. ... канд. филол. наук / А. П. Шаповалова. — Ростов-на-Дону, 2004. — 420 с.
5. Шокуров, В. Н. Сокращения как особая группа лексических образований в английском языке // Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. 1952., Т. 73. Вып. 5. с. 184–185.
6. Carbaugh, R. J. — International Economics, 13th ed., South-Western, 2011. 670 p.

Использование элементов игры на уроках русского языка

Собирова Башорат Бахадировна, преподаватель
 Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Реализация Закона об образовании, Национальной программы подготовки кадров в системе образования и воспитания предполагает широкое использование новых педагогических технологий.

История развития цивилизации базировалась на развитии языков, на которых создавались величайшие творения человеческого духа и мысли. В Узбекистане русский язык продолжает функционировать как язык общения и взаимопонимания между людьми всех национальностей.

Как показывает опыт, занимательные игры делают занятия более разнообразным, эмоциональным, позволяет многократно повторять изученный материал без скуки и монотонности, дают возможность преподавателю контролировать объём и ход овладения учащимися учебного материала.

Практика свидетельствует, что преподавание русского языка в среднем звене национальной школы не обеспечивает успешного решения коммуникативных и воспитательных задач. В школе с трудом преодолевается ставший традиционным уклон на изучение грамматики, не уделяется должного внимания вопросам развития речевой деятельности учащихся, большая часть времени на уроке отводится механическому определению различных грамматических категорий, заучиванию наизусть правил. Формально-грамматический характер преподавания русского языка в национальной школе противоречит психологическим закономерностям обучения речи. Уроки зачастую оказываются запрограммированными на усвоение грамматики, а не на развитие навыков и умений в различных видах речевой деятельности и не содержат в себе составляющих, способных вызвать активизацию речемыслительной деятельности учащихся, создать ситуацию непроизвольного внимания, ведущую к овладению изучаемым материалом. Низкий уровень мотивации учащихся к изучению русского языка в школе приводит в итоге к недостаточной обученности учащихся. Все это предполагает необходимость модернизации школьного курса русского

языка в таком направлении, когда речевая деятельность учащихся оптимально приближается к требованиям реальной коммуникации, а школьники овладевают умением общаться в конкретных сферах речевых контактов. В той связи, что русский язык постепенно обретает черты иностранного языка, мы можем утверждать, что цели изучения русского языка стали значительно более прагматическими. Это означает, что перемещаются акценты в процессе изучения русского языка: он становится не только **предметом изучения**, но и средством познания мира, погружения и адаптации в культурно-языковое пространство, создаваемое русским языком. Иначе говоря, целью исследования является рассмотрение изучения русского языка не просто в качестве другого языкового кода, открывающий доступ к сокровищницам цивилизации и мировой культуры, но и как средство познания мира. Вот что говорил Ян Амос Коменский об изучении языков в своей «Великой дидактике»: «Изучение языков должно идти параллельно с изучением вещей, чтобы мы усваивали речь, постольку мы изучаем вещи, чтобы мы учились выражать мысль постольку, поскольку мы понимаем предметы» (Я. Коменский). Однако необходимо отметить, что **методическая мысль** вяло реагирует на произошедшие изменения в социолингвистической ситуации в странах Центральной Азии. Пришло время пересмотреть с прагматической точки зрения единицы обучения русскому языку и использовать в качестве таковых не столько лингвистические категории, как морфема, слово, словосочетание, предложение, а их прагматические реализации, как речевые навыки, знания, умения, темы, ситуации и др. Такой подход предполагает рассматривать язык не как застывшую статическую структуру, представленную в виде набора грамматических правил, а динамический механизм, обращенный к действительности и тесно связанный с жизнью носителя языка, направленный на решение его каждодневных задач. Иначе говоря, **методологической основой** обучения русскому языку в школе должно стать

представление о языке как одном из видов человеческой деятельности. Такое понимание языка красной нитью проходит через содержание работ В. Гумбольдта и др. Именно поэтому сегодня первостепенную важность приобретают проблемы развития, обогащения средств обучения и воспитания. Особенно актуальны поиски в области применения средств, способных воздействовать на процесс преподавания в целом, позволяющих внести в него творческий дух и положительные эмоции. Есть веские основания полагать, что таким средством может стать игровое начало. В принципе, игровое начало — не новинка в педагогике. Оно (дидактическая игра в широком смысле слова) давно и успешно используется в дошкольном воспитании, в последние годы все шире (деловые игры) применяется для обучения и повышения квалификации взрослых людей — работников самых разных профессий. Однако игровое начало мало исследовано и недостаточно включено в процесс школьного обучения. Назрела необходимость обобщения существующих разработок лингводидактических и методических основ игры как органической части школьного преподавания. Игра способна внести разнообразие в урок, пробуждая у учащихся личную заинтересованность в том, что им предстоит сделать, позволяя мобилизовать все силы ребенка, «осветляя» процесс учения. Не менее существенно и то, что имеется много моментов, сближающих игру с искусством: утверждение эстетического идеала, отсутствие утилитарной установки на извлечение какой-либо выгоды в процессе или результате деятельности, радости творческого познания действительности. Поведение играющего, который активно мыслит, чувствует в условиях, созданных человеческой фантазией, подобно поведению читателя. Это игровое самочувствие, свойственное детям, сохраняет свою ценность и в последующем возрасте. Многие писатели в зрелом возрасте часто вспоминают игры, которые помогли им сохранить в душе детский непосредственный взгляд на мир, новизну и свежесть восприятия жизни, необходимые для создания произведений искусства. По нашему мнению игра на уроке русского языка может превратиться в своеобразный «учебный театр», где ученики будут проявлять и формировать свои художественные способности. Все это характерно для использования игрового начала как при обучении русскому языку в качестве родного, так и в качестве неродного. Особенно велика роль игрового начала в организации и проведении практической работы при усвоении русского языка как неродного. Ведь игровые ситуации являются необходимым условием имитации естественного общения, без чего невозможна реализация коммуникативных целей обучения. Они позволяют легко воспроизводить или имитировать основные факторы, определяющие коммуникацию (мотивы и цели участников общения, их социальные роли, обстоятельства общения, тактики достижения целей), варьировать их непринужденно и естественно, что и создает в классе атмосферу свободного общения. Самое же главное состоит в том, что организация учебной работы с широким использованием игрового на-

чала стимулирует самостоятельную речевую деятельность учащихся, заставляет их «разговориться». В этих условиях учащиеся приобретают уверенность в своей способности выражать мысли, желания, стремления для свободного живого общения с учителем и друг с другом. Участвуя в таком организованном учителем общении, воспринимая и передавая информацию, они одновременно постигают законы и систему изучаемого языка. Поэтому, когда структура игры накладывается на схему учебной деятельности, учебный процесс как бы превращается в процесс целевой (а не учебной) коммуникации. Есть все основания считать, что при такой организации практической работы цели обучения русскому языку как неродному могут быть достигнуты более кратким, более привлекательным и более эффективным путем.

Игровое начало вбирает в себя более широкий смысл всевозможных форм использования игровых заданий и ситуаций или каких-либо их компонентов, рассматриваемых в едином комплексе, в тесной взаимосвязи и под общим названием, так, чтобы, с одной стороны, в нем аккумулировались общие особенности различных видов игровой деятельности, а с другой — предполагалось их варьирование. Рассмотрение игрового начала в системе средств активизации речевой деятельности учащихся позволяет дать более полное и ёмкое определение понятия. Игровое начало — комплекс методических приемов, использующих различные виды игровых заданий, их элементов, а также речевых ситуаций для имитации условий естественного общения и, следовательно, для эффективной реализации коммуникативных целей обучения. Следует особо остановиться на правилах проведения всех игр, роль которых выполняют общественно выработанные способы поведения, обеспечивающие прежде всего продуктивность работы всего классного коллектива. В этом случае правила поведения выступают как форма коллективистского по своей направленности и содержанию поведения отдельного ученика, то есть через игровую форму организации обучения они реализуют таким образом воспитывающую функцию обучения в школе. Следовательно, правила игр имеют организационный, дисциплинирующий и воспитывающий характер. И, наконец, необходимо отметить, что все игры проводятся в течение всего учебного года. Выбор длительных по времени игр объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, переход от игры к учебной деятельности должен быть предусмотрен на протяжении всего обучения; во-вторых, формирование учебных и познавательных мотивов, самооценки учащихся — процесс длительный, требующий систематического подкрепления. В методическом плане мы учитывали такие специфические особенности игры в обучении, как:

- соблюдение определенных правил, без чего игра не состоится;
- неизвестность результата;
- возможность выбора ролей у каждого из играющих;
- наличие воображаемой ситуации;
- связь речевых действий с неречевыми;

— приобретение познавательного характера игры с постепенным по мере взросления школьников усложнением познавательных задач.

— стремление школьников придать любой игре соревновательный характер.

Две последние особенности были выделены нами во время работы над литературой об игре и на основе собственного педагогического опыта, наблюдений. Эти особенности непосредственно связаны с третьей особенностью игры в школьном обучении.

Выводы

Суть применения игровых элементов на уроках русского языка в следующем: в учебно-познавательном процессе происходит видоизменение игры, обусловленное ведущей деятельностью школьника — учением. Необходимость выделения диктовалась также и сформулированным нами требованием к игре в качестве метода обучения: игра должна отражать специфику учебной деятельности школьника и соответствовать его психическим особенностям. Изменение характера игровой деятельности учащихся объясняется тем, что по мере взросления школьника все большее значение для него приобретает познавательная и практическая мотивация, стрем-

ление узнать новое и использовать его в речевом общении. Объектом познавательных интересов становится не только процесс учения и преподавания, но и содержание учебных предметов. Соответственно с изменением характера учебной деятельности школьников изменяется характер игровой деятельности учащихся. На первый план выдвигаются информационно-познавательный и прагматический аспекты общения с широким использованием пословиц, поговорок, загадок, сказок.

Какой бы ни была тема урока, очень важно как следует подумать о том, сколько информации предоставить учащимся, для подготовки, с тем, чтобы они получили ее сами, что тоже может составлять часть учебного процесса. Для обеспечения эффективности применения элементов игры они должны быть узко направленными и тщательно продуманными. Полезно бывает проверять казусы, чтобы удостовериться в том, что в них нет недостающих, вводящих в заблуждение или несоответствующих остальным фактов, которые будут отвлекать учащихся от цели упражнения.

Такие игры помогают учащимся стать более коммуникативными, позволяют стеснительным учащимся чувствовать себя раскованно и использовать русский язык как средство, обеспечивающее общение и развитие речи.

Литература:

1. Гумбольдт, В. Избранные работы по языкознанию. — М., 1984
2. Конникова, Т. Е. Творческая игра в воспитательной работе школы // Воспитание самостоятельности и активности учащихся: Ученые записки / Ленинградск. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — 1966. — Т. 259.
3. Леви, В. Д. Искусство быть другим (одна из формул человеческого общения). — М.: Знание, 1981
4. Программы по русскому языку для X-XI классов и по русской литературе для IX-XI классов школ с узбекским языком обучения. — Ташкент, 2006
5. Психология и педагогика игры дошкольника: Материалы симпозиума / Под ред. А. В. Запорожца и А. П. Усовой. — М., 1966
6. Сюжетно-ролевые игры в развитии навыков общения ребенка со сверстниками // Дошкольное воспитание. — 1990, - № 7.
7. А. Н. Тихонов и др. Русско-узбекский тематический словарь / Под ред. академика АПН. Н. М. Шанского. — Ташкент: Укитувчи, 1975

Перспективы языковой ситуации во франкофонных государствах Африки: развитие мультилингвизма и сохранение национальной идентичности (на примере Республики Бурунди)

Чекалина Татьяна Владимировна, старший преподаватель;
Албанский Владимир Владимирович, студент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Одной из актуальных задач языковой политики в современном мире является гармоничное развитие многоязычных обществ, которые возникли в результате колониальных завоеваний или же формируются миграционными потоками и нарастающими глобализационными процессами.

Глобализация предполагает, как справедливо отмечает Т. П. Смирнова, постоянное использование нескольких языков, т. к. её основным элементом является взаимопроникновение материальных и духовных составляющих различных культур. Важным условием взаимо-

проникновения культурных ценностей разных этносов является овладение языками [5, с. 84].

В связи с этим в настоящее время активно развиваются научные исследования различных аспектов мультилингвизма [1,4,5,6,7].

В общепринятом понимании мультилингвизм как языковая ситуация — это сосуществование и использование нескольких языков в языковом сознании и речевой деятельности внутри определённой этнической общности или административно-территориального объединения.

Данная работа представляет часть комплексного социолингвистического исследования функционирования территориальных вариантов французского языка в условиях языковой ситуации мультилингвизма. Страны Африки дают в этом отношении богатый материал для наблюдений. Сложность языковой ситуации в каждой отдельно взятой стране и на континенте в целом, своеобразии социально-географических условий функционирования европейских языков и языков межнационального и межгосударственного общения в странах, где они не являются родными языками абсолютного большинства населения — всё это способствует тому, что европейские языки, в том числе французский, развиваются в контакте с автохтонными языками, подвергаясь постоянному воздействию с их стороны [3, с. 182].

В настоящей статье анализируется языковая ситуация в Республике Бурунди, систематизируются взгляды различных учёных и общественных деятелей по вопросам языковой политики и роли французского языка в данном государстве.

Следует отметить, что все эти аспекты не часто оказывались в фокусе интереса отечественной романистики и социолингвистики, что позволяет говорить о перспективе подобных исследований.

Известно, что Республика Бурунди — небольшое государство в Восточной Африке, в прошлом часть Руанды-Урунди, территории, находившейся под управлением Бельгии. С 1962 г. это — независимое государство. В Бурунди различают две основные этнические группы. Самая многочисленная (81 % населения) — хуту (или бахуту), тутси (батутси или ватутси) составляют примерно 14 % населения. Название государства переводится как «земля говорящих на языке рунди» [2, с. 382–384].

И действительно, независимо от этнического происхождения рунди (или кирунди) используют в общении все граждане страны, это один из двух государственных языков республики.

М. Мазуниа, директор Центра преподавания языков в Университете Бурунди, в интервью газете «Le Temps» отмечает, что кирунди, является родным для всех бурундийцев. Не считая некоторые региональные варианты, лексические и тональные изменения, которые, однако, не мешают взаимопониманию, Бурунди можно назвать страной однородной в культурном и лингвистическом плане [12].

В начале 70-х гг. прошлого века активно проводилась политика «кирундизации» страны, которая имела целью

повышение уровня грамотности населения и владения государственным языком кирунди. Начальное образование в школах ведётся на кирунди. Его изучают на всех этапах обучения и в школах, и в системе высшего образования [10, с. 11–12].

Однако вполне очевидно, что языковая ситуация в Бурунди является сложной, многокомпонентной. Это объясняется известными историческими реалиями. Со времён колонизации Бельгией (после Первой мировой войны) французский язык был принят в качестве как административного, так и языка международной связи, т.н. языка-макропосредника. В настоящее время это — второй государственный язык в Республике Бурунди.

Однако французский язык в Бурунди можно охарактеризовать как слабо внедрённый. Оценивая его положение в стране, исследователи показывали коэффициент 56 %, тогда как другие страны Центральной Африки, за исключением Руанды и Чада, представляли более высокие показатели. Положение французского языка в Камеруне оценивается в 62 %, в то время как эта страна официально двуязычная (английский и французский). В Демократической республике Конго (ДРК) этот показатель — 70 %, в Центральноафриканской республике (ЦАР) — 81 %, в Конго — 87 %, в Габоне — 92,5 %.

Что касается бурундийцев, говорящих на французском, то наиболее оптимистичные данные редко превышают 10 % населения страны. В сравнении, в Камеруне — 26,19 %, в ЦАР — 18,2 %, в Конго — 53,14 %, в Габоне — 63,12 %, в Чаде — 15,81 % [13, с. 2–4].

Ж. Кадлец в своей статье «Бурунди, франкофонная страна?» также подчёркивает, что положение французского языка в Бурунди менее благоприятно, чем в других франкоязычных африканских странах. Бурунди находится в переходном состоянии в вопросах языковой политики. Страна признала кирунди государственным языком и расширяет его поле использования. Французский язык остаётся доступным ограниченному меньшинству местной элиты [11, с. 189].

Третий, значительный для Бурунди язык — суахили, который в настоящее время укрепляет свои позиции в качестве регионального, транснационального. Он широко распространён в столице Бурунди — Бужумбуре. Суахили, хотя и не имеет официального статуса в стране, всё же внедрён в систему высшего образования, используется в качестве языка торговли и звучит на радио и телевидении, а также используется незначительным количеством городской молодёжи, мусульманами или иностранцами [10, с. 11].

Глобальное распространение английского языка, в том числе и на Африканском континенте, а также географическая близость таких стран как Уганда, Кения, Танзания, где английский язык является официальным, объясняют возрастание статуса этого языка в Бурунди. Английский язык активно внедряется в систему образования, сферу международных отношений и СМИ [8, с. 13].

Языковую ситуацию в Бурунди точно охарактеризовал президент страны П. Нкурунзиза в своём высту-

плении на саммите Международной организации Франкофонии (МОФ) в г. Киншаса (ДРК) в 2012 г. Он отметил, что молодёжь очень рано сталкивается с мультилингвизмом. Молодёжь использует кирунди как родной язык, французский — как язык образования, английский и суахили являются неизбежными языками связи на региональном и международном уровне. С мультилингвизмом учащиеся имеют шанс открыться Африке и миру, они располагают культурой диалога между народами и цивилизациями. Так, школа становится местом, где этот мультилингвизм и эта встреча культур берут начало у молодых поколений, внушающие им отношения толерантности, взаимное согласие и понимание между народами [9].

Также в своём выступлении П. Нкурунзиза подчеркнул важную роль французского языка для всех франкофонных африканских государств, поскольку он выступает важным элементом международных, межконфессиональных и межэтнических отношений и может иметь консолидирующее значение в процессе формирования национальной идентичности стран [9].

Следует отметить, что на саммите МОФ в г. Дакар (Сенегал) в 2014 г. было заключено «Языковое соглашение между Франкофонией и республикой Бурунди» («Pacte linguistique entre la Francophonie et la République du Burundi»). В нём идёт речь о том, что «Бурунди <...> обязуется поддерживать и укреплять положение французского языка в стране и намеревается:

— <...> усилить обучение французскому языку на всех уровнях образовательной системы;

— <...> улучшать доступ населения к культурной продукции (книги, телепередачи и др.) и франкофонным средствам информации;

— уважать и поощрять на региональном уровне использование французского языка в международных организациях;

— осуществлять продвижение французского языка, языкового и культурного разнообразия как в стране, так и в регионе» [14].

В свою очередь МОФ берёт на себя обязательство «реализовать намеченный в рамках данного Соглашения план, используя при этом все необходимые ресурсы» [14].

Итак, надо полагать, что государство идёт именно к тому пути, о котором говорит М. Мазуниа. Бурунди следует рассматривать с точки зрения регионального интегрирования. С одной стороны, восточноафриканское сообщество, представленное главным образом англоязычными странами, таких как Уганда, Кения и Танзания, где английский язык является официальным, а суахили — транснациональным языком; с другой стороны, регион Великих озёр, с ДРК, самой большой франкоговорящей страной Африки. В Бурунди преподаются также суахили и английский язык. Это промежуточное положение, которым стоит воспользоваться. Бурунди может стать перекрёстком франкофонии в регионе [12]. Таким образом, при условии стабильной политической ситуации в стране и правильном проведении языковой политики, возможно, в будущем Бурунди станет связующим звеном между франко- и англоязычными сообществами, а также продолжит сохранять свою самобытную культуру.

Литература:

1. Арынгазиева, Б. Б. Мультилингвизм как условие диалога культур [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://group-global.org/ru/publication/15508-multilingvizm-kak-uslovie-dialoga-kultur> (дата обращения 15.12.2015)
2. Большая Российская энциклопедия: В 30 т./Председатель Науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. Отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 4. Большой Кавказ — Великий канал. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. — 751 с.
3. Дебов, В. М., Клоков В. Т. О явлении стилистической интерференции в территориальных вариантах французского языка // Древняя и новая Романия. Вып. 4. Романские языки: Семантика, прагматика, социоллингвистика. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — с. 182–186.
4. Русских, Л. В. Мультикультурализм: интеграция или раскол? [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-integratsiya-ili-raskol> (дата обращения 15.12.2015)
5. Смирнова, Т. П. Роль мультилингвизма в современном политическом процессе: дис.....канд. полит. наук: 23.00.02: защищена 15.12.2015 г.; утв. 07.10.2015 г./ Смирнова Татьяна Павловна. — Нижний Новгород, 2015. — 173 с.
6. Ушанова, И. А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестник Новгородского гос. ун-та. — 2004. — № 27. — с. 65–70.
7. Хлыщёва, Е. В. Мультикультурализм — глобальный вызов для Европы // Известия ВГПУ. — 2009. — № 3. — с. 63–67.
8. Alexander, N., 2007. «Linguistic diversity in Africa in a global perspective», in Literacy and linguistic diversity in a global perspective. An intercultural exchange with African countries, pp. 13–22 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://archive.ecml.at/mtp2/publications/A3_LDL_E_internet.pdf (дата обращения 15.12.2015)
9. Francophonie/ Kinshasa 2012: Exposé de S. E. Pierre Nkurunziza, Président de la République du Burundi [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.oag.bi/spip.php?article1582> (дата обращения 17.12.2015)

10. Frey, C. Le français au Burundi. Lexicographie et culture/ Claude Frey. — Vanves: EDICEF, 1996. — 35 p.
11. Kadlec, J. Burundi, pays francophone? [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4362348.pdf> (дата обращения 17.12.2015)
12. Mazunya, M. Le Burundi, fer de lance du français // Le temps. — 2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.letemps.ch/opinions/2010/10/22/burundi-fer-lance-francais> (дата обращения 17.12.2015)
13. Ntahonkiriye, M. Le français comme langue de l'élite au Burundi: un inconvéniant plutôt qu'un avantage [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://afelsh.org/wp-content/uploads/2012/04/Ntahonkiriye-Melchior-MEF-Final.pdf> (дата обращения 17.12.2015)
14. Pacte linguistique entre la Francophonie et la république du Burundi [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/burundi-pacte-fr-2014.htm> (дата обращения 17.12.2015)

Детство и природа в повести «Детство Никиты»

Чэнь Дайцай, аспирант;
Цзилиньский университет (г. Чанчунь, Китай)

Всем известно, А. Н. Толстой является одним из самых известных писателей 20 века. Повесть «Детство Никиты» была написана в эмиграции в 1920 году. Повесть по праву считается одной из лучших отечественных книг для детей. В произведении описываются основные события жизни Никиты в течение года, последнего года перед началом учения. Между жизнью десятилетнего ребенка и природой есть тесная взаимосвязь. Зима в сознании ребёнка как сказка, чистая и прекрасная, но внутри есть что-то страшное. Зима — это рай, это любовь, это праздник, но тоже связана со смертью.

Ключевые слова: детство, зима, праздник, снег, сказка.

«Детство Никиты» было написано в 1920 году, когда Толстой находился в эмиграции в Париже. «Детство Никиты» является автобиографической повестью.

Поводом для написания произведения, как свидетельствовал сам писатель, стала вот эта причина. «Я обещал — пишет Толстой — маленькому издателю для журнальчика детский рассказик» [1. с. 597]. Толстой был очень увлечен организацией детского журнала «Зелёная палочка», предназначенного для детей русских эмигрантов. И тема детства появилась в творчестве писателя не случайно: ещё в 1902 году Толстой, тогда начинающий литератор, предполагал начать работу над книгой воспоминаний. «...кажется, буду участвовать в журнале «Юный читатель», — писал он матери. — я уже начал детские воспоминания, кажется, что удачно» [1. с. 598]. И в 1912 году Толстой тоже писал небольшой рассказ «Логутка», который предвосхищает некоторые сюжетные линии «Детство Никиты». И сам Толстой тоже считал, что впечатления детства во многом сформировали его как художника, способствовали открытию им в себе писательских способностей.

Повесть «Детство Никиты» была восторженно встречена читателями и критикой, сохранились многочисленные высказывания современников. Например: отзыв о «Детство Никиты» Горького таков: «Про умное легче писать, — сказал Горький, — у меня, грешного, в моей книге мальчик много знает и очень об этом старается рассказать. Даже у Льва Николаевича Толстого, когда он

молодым был, в «Детстве» мальчик умен. В литературе мальчики умны и много рассуждают. А вот у Алексея Николаевича в «Детстве Никиты» мальчик совсем ни о чём не думает, он просто живёт, и какой это настоящий человек, как много мы за него думаем!» «...У Толстого мальчик живой, круглый, — пишет Шкловский, — сменяются времена года, приходит осень, как будто в первый раз увиденная, потом зима, весна шумит в оврагах — широкими потоками, замешанными с талым снегом, и через них плывет на коне домой весёлый не пугающийся человек...» [1. с. 599]

В это же время эпохи Толстого есть и другие произведения на тему детства в России. В 1852 году Лев Толстой написал «Детство», «Отрочество», «Юность». В 1913–1923 году Горький Максим писал «Детство», «В людях», «Мои университеты». В 1918 году Борис Пастернак писал «Детство люверс». В 1929 году Иван Бунин писал роман «Жизнь Арсеньева».

В китайской литературе также есть много произведений о детстве. Например, в 1921 году Лу Сюнь писал «Отрочество ЖуньТу», в 1940 году Сяо Хун написала «Легенда реки Ху Лань». В 1960 году Линь Хайинь «Зимний сон», «Детство», «Верблюд».

В Китае есть много статей о произведениях Алексея Толстого.

— Чэн Цзайси писал статью «Опыт творчества Алексея Толстого», публиковал в журнале «Общество и наука» на страницах 162–166 30 июня 1979 года.

— Лянь Цзя публиковал в журнале «Литература России» статью «Алексей Толстой и русский характер» на страницах 125–126 29 августа 1981 года.

— Чжу Вэнь писал статью «Первый настоящий исторический роман — «Пётр Первый», публиковал в журнале «Исследование иностранной литературы» на страницах 10–43 2 апреля 1986 года.

— Чжу Вэнь — «Хождение по мукам Алексей Толстого», публиковал в журнале «Журнал Шанхайского педагогического университета» на страницах 102–106 2 апреля 1986 года.

— Кэ Вин писал статью «Образ чудака в творчестве первого периода Алексей Толстого», публиковал в журнале «Филология» на страницах 10–15 2 марта 1990 года.

— Чжан Вэньюй писал статью «Настойчивый характер, красивая душа — русский характер», публиковал в журнале «Художественный анализ известных произведений» на страницах 83–85 28 марта 2001 года.

— Цзэн Сыи писал статью «Мир детства и человечность — «Детство Никиты», публиковал в журнале «Исследование литературы» на страницах 114–119 в феврале 2007 года.

— Дай Кэкэ писал статью «Об огромном реализме Алексей Толстого», публиковал в журнале «Художественный анализ известных произведений» на страницах 132–134 1 февраля 2010 года.

В статье «Мир детства и человечности — Детство Никиты», Цзэн Сыи так писал о «Детстве Никиты»: Повесть-описание жизни целого года Никиты отображал мир детства и человечности, в мире детства у всех есть жизнь, есть эмоция, есть мысль, все удивлённо видят как в первый раз, все богато фантазией. Есть наполнение тонкими наблюдениями и поэтичной красотой. Мир человечности вначале является таким миром, в котором равноправное отношение между людьми и мир наполнен заботой и любовью.

В Китае есть много произведений о природе: Чжу Цзыцин писал рассказ «Красота луны у пруда» в 1927 году, ЛаоШэ писал рассказ «Зима Ци Нань» в 1931 году. Чжу Цицин писал «Весна» в 1933 году, Юй Дафу писал рассказ «Осень старшей столицы» в 1934 году. Шэнь Цууэнь писал повесть «Очерки путешествия по реке Сян» в 1934 году.

Прелесть повести «Детство Никиты» заключается в том, что писатель много писал о красотах природы — зима, весна, лето и осень. И детство мальчика тесно связывается с природой. Зима, какая описана у Толстого, как он писал о ней и что приносит Никите и человеку? Зима в повести «Детство Никиты» как сказка, в которой всё есть — солнце, снег, сугробы, следы, каретник, сараи и скотные дворы. А еще ветлы, река, поле, избы, деревня, пыль, лёд, свет лампы, заячьи следы, стекло, ворона, “кошка”, пруд, желтые камыши, салазки, ветер. Зима у Толстого такая красивая, такая белая и чистая, так и холодная, и самое главное, она живая, в ней все имеют свою жизнь.

Места, где Никита видел зиму — разные. Сначала Никита видел её через окно. «Сквозь морозные узоры

на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый». [1. с. 211] Здесь можно заметить, что специфика зимы — холодная, белая и чистая. Утром проснулся и увидел такой чистый пейзаж, и душа становится чистой и настроение прекрасным, то есть природа очищает душу.

Потом он вышел из дома, во дворе все покрыто белом снегом. Следы человеческие и животных лишь добавляют красоты окружающему. «Каретник, сараи и скотные дворы стояли приземистые, покрытые белыми шапками, будто вросли в снег». [1. с. 215] В этой фразе писатель использует приём олицетворения. «Каретник, сараи и скотные дворы» — всё носит шапку как человек, именно поэтому в мире детей все живые, всё, как человек, имеет свою жизнь. Никита тоже видел огромные, широкие ветлы, покрытые инеем, каждая веточка была точно из снега. Дерево — это образ жизни, оно не боится мороза, хотя листья опадали от холода, они ещё живые. Имена зима дала им такой характер — настойчивость.

Потом Никита подошёл к берегу. На берегу были большие пушистые сугробы. Снег как символ зимы имеет много значений, например: снег отражает стремление людей к счастью, благополучию и плодородию. Есть такая пословица: много снега — много хлеба. На берегах много больших пушистых сугробов, то есть это символ урожая будущего. «Направо речка вилась синеватой тенью между белых и пустынных полей. Налево, над самой кручей, чернели избы, торчали журавли деревни Сосновки. Синие высокие дымки поднимались над крышами и таяли. На снежном обрыве, где желтели пятна и полосы от золы, которую сегодня утром выгребли из печек, двигались маленькие фигурки». [1. с. 215] Эти фразы изображали пейзаж около реки. Деревня, дым, изба, пыль — всё это открывает дверь простой зимней жизни людей. Хотя зима холодная, но между природой и человеком ещё есть гармония, запах жизни ещё ощущается.

Следующее изображение зимы — сад в снегу, который Никита видел через окно старшего дома. В саду деревья стояли неподвижно, опустив белые ветви, и на поляне синели заячьи следы. Это как бы показывает нежные стороны зимы. Но у самого окна на ветке сидела черная головастая ворона, похожая на черта, которая потом вдруг полетела. Ворона не очень хорошая птица, и через ворону и атмосферу старшего дома можно ощутить страшную сторону зимы. Не удивительно, зима как и все в мире, тоже имеет две стороны — хорошую и плохую.

Никита и мальчики побежали по пруду, на пруду есть “кошка” и болота, опасные для людей. «Мишка зажег спичку и поднес к скважине, «кошка» вспыхнула, и надо льдом поднялся желтоватый бесшумный язык пламени». В некоторых местах сугробы выше крыш «Избенку бо-быля, дурачка Савоськи, завалило совсем, одна труба торчала над снегом. Третьего дня Савоську всем миром выкапывали лопатами». [1. с. 223] Мы можем отметить, что зима также связана с опасностью и смертью. Но прелесть

зимы именно в ее двойственном характере. Люди приняли её хорошие стороны, но также искали методы защищать себя от ее плохих проявлений. Зимой люди помогали друг другу. И связь между людьми становилась теснее, сердца ближе.

И в деревне в сугробах Никита видел, как «две девочки, обмотанные платками, затащили на сугроб салазки, сели на них, протянув перед собой ноги в валенках, ухватились за веревку, завизжали и покатались через улицу мимо амбарушки и дальше по крутому берегу на речной лед». [1. с. 224] Девочки катались на салазках. Дети не знают, что такое смерть, что такое опасность. Они не боятся снега, не боятся зимы. Они соединились со снегом в единое. И зима приносит им удовольствие, веселье, счастье и интерес к миру. Игра со снегом — это источник веселья людей зимой.

Вечером Никита сидел дома с мамой и Аркадием Ивановичем. Он слышал, «затянуло басом — «уууууууууу», тянет, хмурится, надув губы». Никита думал, что это звук человека. Но на самом деле это неприятный сильный ветер. Сильный ветер тоже символ зимы. К счастью, стены дома защищают людей от него. Лампа осветила дом, свет жёлтый, тёплый. Никита фантазировал о ветре, возник интерес к природе. Но именно от вечера и ветра Никите скучно, у него мягкая тоска. Поэтому прибытие Лилечки приносит ему большое удовольствие.

Писатель изображал зиму в этих местах: за окном, во дворе, на берегу, в саду, на пруду, в деревне, дома. Все эти места могут составить один круг, жизнь человека — каждый день внутри этого круга, именно это круг приносит человеку удовольствие, веселье и счастье, и защищает собой от плохих. Зима приносит человеку не только красивый пейзаж: чистый, белый, синий. Но и веселье, удовольствие, когда они играют со снегом. Зима также может очистить душу человека. Научит людей помогать друг другу и уметь защищать себя от плохого.

Новый год и праздник Рождества являются самыми главными событиями, самыми большими праздниками. Толстой уделял большое внимание празднованию Рождества. Лиля и Виктор пришли, и они принесли веселья Никите. «Лиля была одета в белое платье с голубой шелковой лентой, завязанной сзади в большой бант. В ее светлых и вьющихся волосах был второй бант, тоже голубой, в виде бабочки». [1. с. 231] Она такая красивая, такая милая, как сказка. Она совсем символ зимы, белая, голубая, и самая главная — она чистая.

И в саду зима дала им хорошую погоду, красноватое солнце, длинные облака, розоватые деревья, белый снег, тёплый свет, всё как пейзажная картина. Никита стоял в саду, через окно он увидел два синих удивленных глаза и над ними стоящий бабочкой голубой бант. Это Лиля, такая красивая, как красавица в сказке. Но Толстой не только писал красоту зимы, он тоже отметил что-то опасное — две собаки, Шарик и Коток, рычали друг на друга. Для людей, особенно для детей, такие собаки опасные, но дети не могут понимать это. Для детей всё

красивое, всё как сказка, они не знали, что внутри сказки тоже есть страшное.

Клеить ёлочные украшения — традиция праздника Рождества. И дети тоже очень любят делать эту работу. «...листы золотой бумаги, гладкой и с тиснением, листы серебряной, синей, зеленой и оранжевой бумаги, бристолевский картон, коробочки со свечками, с елочными подсвечниками, с золотыми рыбками и петушками, коробку с дутыми стеклянными шариками, которые нанизывались на нитку, и коробку с шариками, у которых сверху была серебряная петелька, с четырех сторон они были вдавлены и другого цвета, затем коробку с хлопучками, пучки золотой и серебряной канители, фонарики с цветными слюдяными окошечками и большую звезду. С каждой новой коробкой дети стонали от восторга». [1. с. 234] Все эти бумаги разного цвета, разные коробки и шарики привлекают внимания детей. Дети начали работать молча, дыша носами, они трудились, стали серьёзными, и они вырастали. И они тоже ощущали интерес и весенние труды.

Атмосфера праздника является весёлой, счастливой. И утром Никита проснулся от счастья. Утро было ясное и морозное. Окна замерзли густым слоем лапчатых листьев. Окружающая атмосфера как пейзажная картина. Никита и другие дети были так счастливы. Он пошёл на двор, надо всей деревней стоял столбом синий дым. И огромные осокори над прудом совсем свесили снежные ветви, отчетливо видные на сине-мерзлом небе. Всё это как сказка, и подарки пришли. Подарок Никите — двухвесельная крутоносая лодка. Лодка — это символ пути, символ судьбы. Отец Никиты надеется, что у Никиты будет хорошая судьба и он будет выбирать правильный путь.

Ёлка играет большую роль в празднике. Ёлка — это свет жизни, надежда будущего. Это ёлка такая высокая, что нежно-зеленая верхушечка согнулась под потолком. Люди в красивых одеждах готовятся к празднику. Когда в окне на морозных узорах затеплился голубоватый свет, звезда взошла. Это время, когда Христос родился. Ёлка стояла, как огненное дерево, переливаясь золотом, искрами, длинными лучами. Свет от нее шел густой, тёплый, пахнущий хвоей, воском, мандаринами, медовыми пряниками. В то время всё появились: любовь, надежда, новая жизнь, счастье. Они танцевали вокруг ёлочки, вместе пели песню, все такие весёлые, такие хорошие, как сказка, как чудо. Но внутри чуда есть не только любовь, есть не только счастье, но и тайна. Тайна страшная, как во сне Никиты, как страшная тайна в старом доме.

Можно сказать, что дети могут смотреть на красивую природу как на сказку, но не могут отметить, что внутри сказки есть страшное, есть смерть. Они тоже ощущают праздник как чудо, но не могут отметить, что внутри чуда есть тайна. Они ещё не могут понимать, что мир состоит не только из хорошего, но и из тайного.

Зима имеет много образов. Как меняется образ зимы в сознании ребёнка? В этой зиме пришла Лилия, для Никиты зима — счастье, Никита нашёл любовь. «Глядя на

узоры, Никита почувствовал, как слова какие-то сами собой складываются, поют, и от этого, от этих удивительных слов и пения, волосам у него стало щекотно на макушке». Зимой Никита счастливый. «Уж ты лес, ты мой лес, Ты волшебный мой лес, Полный птиц, и зверей, И веселых дикарей... Я люблю тебя, лес... Так люблю тебя, лес...» [1. с. 244] Стихами Никита показывает свою любовь. В этом моменте в сознании Никиты зима — это образ рая, где есть любовь. Потом Никита и Лилия вошли в старый дом, они смотрели сломанные часы, старый пор-

трет и кот. В старом доме рай разрушили, осталась смерть, и зима стала образом смерти. Лилия ушла и от разлуки с ней Никита унылый и вокруг него память и боль. Зима стала образом тоски. Одним словом, образ зимы в сознании ребёнка поменяется с образа сказки до образа рая, с образа смерти до образа тоски.

Вывод, у зимы есть два основных образа. С одной стороны зима как природа, она красивая, сказочная. Зима — это время праздника, Рождество. С другой стороны, внутри зимы есть что-то страшное, есть смерть и тоска.

Литература:

1. А. Н. Толстой «Детство Никиты»// Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10-ти т. — Т. 3 — М.: Худож. Лит. 1982. С.
2. Чэн Цзайси «Опыт творчества Алексей Толстого»// Общество и наука. 1979. 30 июня. с. 162–166.
3. Лянь Цзя «Алексей Толстой и Русский характер»// Литература России. 1981. 29 августа. с. 125–126.
4. Чжу Вэнь «Первый настоящий исторический роман — Пётр первый»// Исследование иностранной литературы. 1986. 2 апреля. с. 10–43 в.
5. Чжу вэнь «Хождение по мукам Алексей Толстого»// Журнал Шанхайского педагогического университета. 1986. 2 апреля. с. 102–106.
6. Кэ Вин «Образ чудаки в творчестве первого периода Алексей Толстого»// Филология. 1990. 2 марта. с. 10–15.
7. Чжан вэньюй «Настойчивый характер, красивая душа — Русский характер»// Художественный анализ известных произведений. 2001. 28 марта. с. 83–85.
8. Цзэн Сыи «Мир детства и человечность — Детство Никиты»// Исследование литературы. 2007. февраль. с. 114–119.
9. Дай Кэкэ «Об огромном реализме Алексей Толстого»// Художественный анализ известных произведений. 2010. 1 февраля. с. 132–134.

Семантические группы глаголов в рассказе И. С. Тургенева «Льгов»

Шевелёва Елена Олеговна, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

Важнейшая речевая функция синонимов — быть средством наиболее точного выражения мысли, выражения смысловых оттенков называемого понятия, выражения эмоциональной или стилистической окраски, созданию экспрессии. Художественно-литературное творчество всегда связано с работой над синонимами, выбором такого слова, которое наиболее точно, выразительно, стилистически удачно выражает конкретную мысль.

Синонимы в рассказе Тургенева «Льгов» встречаются достаточно часто. Так, большую группу представляют синонимы, являющиеся глаголами речи.

Особую роль выполняют синонимы в описании охоты, когда горе-охотники оказались по горло в воде. «Первым нарушил молчание Ермолай. — Тьфу ты, пропасть! — *пробормотал* он, плюнув в воду. — Какая оказия! А всё ты, старый чёрт! — *прибавил* он с сердцем, обращаясь к Сучку. — Что это у тебя за лодка?» [3, с.91]

Словосочетание «нарушил молчание», являясь антонимичным понятием глаголам речи, наиболее остро опре-

деляет нестандартную ситуацию, в которой оказались охотники-неудачники. Ответственный за охоту и охотников Ермолай с чувством вины «пробормотал»: «Тьфу ты, пропасть!»; «Какая оказия!» [3, с.91].

Восклицательные предложения передают высокую степень его огорчения, но глагол «*пробормотал*» показывает чувство глубокого неудобства перед всеми: ««А всё ты, старый чёрт!» — *прибавил* он с сердцем, обращаясь к Сучку» [3, с.91]. Глагол «*прибавил*», являясь контекстуальным синонимом глаголу «сказал», показывает его неловкость, волнение, видя «испуганные и бледные лица... товарищей».

Сучок, господский рыболов, ответственный за исправность лодки, «дошаника», тоже чувствует свою вину и отвечает Ермолаю: «Виноват, — *пролепетал* старик» [3, с.91]. Слово «виноват» приобретает самую высокую степень виновности благодаря глаголу речи «*пролепетал*».

Но Ермолай свою вину пытается «перераспределить», обращаясь к Владимиру, который должен был вы-

черпывать воду из дощаника. Этот смысл точно передаёт глагол «продолжал»: «Да и ты хорош, — *продолжал* мой охотник, повернув голову в направлении Владимира, — чего смотрел? чего не черпал? ты, ты, ты...». «Но Владимиру было уже *не до возражений*: он дрожал, как лист...» [3, с.91].

Далее Ермолай, в поисках брода оставляет других, уже замёрзших охотников, в воде; «Ермолай не возвращался более часу. Этот час нам показался вечностью».

Автор показывает чувство опасности, страха охотников, находящихся в воде и ждущих помощи, с помощью глаголов речи: «Сначала мы *переключивались* с ним очень усердно; потом он *стал реже отвечать* на наши возгласы, наконец *умолк* совершенно» [3, с.92], которые расположены в тексте по принципу нисходящей градации: сначала они «переключивались», то есть «крича, давали знать о себе друг другу» [с.505]. Употребляя глаголы речи, автор передаёт эмоциональное состояние персонажей: они боялись потерять Ермолая, ушедшего искать брод, боялись потерять последнюю надежду — добраться до суши.

По мере удаления Ермолая все ожидающие стали реже слышать его ответы, он перестал отзываться на возгласы, на отчаянные крики зовущих его охотников; в конце концов, Ермолай «умолк совершенно» — «перестал говорить, затих» [2, с. 212]. Наречие «совершенно» усиливает значение глагола «умолк», что передаёт критическое состояние ситуации: люди, находящиеся по горло в воде, могут остаться без помощи, в то время как «Ермолай не возвращался более часу».

Далее глаголы со значением речи играют важную роль в эпизоде, когда охотники более часа ждут Ермолая: «Этот час нам показался вечностью», «В селе зазвонили к вечерне»: «Меж собой мы *не разговаривали*, даже *старались не глядеть* друг на друга».

Глагол «разговаривать» имеет значение «вести разговор, беседовать» [2, с.644] и употребляется в нейтральном значении. В данном контексте глагол «не разговаривали» употреблён в отрицательном значении. Составное глагольное сказуемое «старались не глядеть», то есть «старались не смотреть друг на друга» [2, с.133] усиливает смысл, того, как велико было волнение героев, нервное напряжение; они настолько были опустошены, что никто из них не старался завязать разговор.

Достаточно большую семантическую группу составляют глаголы движения, важное значение они вносят в описание природы, которая окружает рыбаков в момент опасности и передаёт их тревожное состояние. Охотники настолько замерзли, что «начинали костенеть», стояли без движений, что давало ощущение независимости птицам: «Утки *носились* над нашими головами; иные *собирались сесть* подле нас, но вдруг *поднимались* кверху, как говорится, «колом», и с криком *улетали*» [3, с.92].

Глагол «носились» передаёт хаотичное движение птиц, то есть имеет значение «то же, что и нестись, но обозначает действие, совершающееся ни в одно время, не за один приём или ни в одном направлении» [2, с. 422]. Глагол

употребляется для обозначения беспорядочного движения уток, без определённого направления и цели. Одни из них «собирались сесть» — «сосредоточиться в одном месте», прекратить движение, но вдруг поднимались — «перемещались вверх» [2, с. 539] и улетали в разные стороны, глагол «улететь» имеет значение «улетая, направиться куда-нибудь». [2, с. 833]. Движения уток напоминают беспорядочное движение мыслей самих героев, неопределённость их в своих решениях по поводу критической ситуации.

Совершенно противоположно описано поведение птиц в начале охоты, во время вторжения охотников в тростниковое царство птиц на пруду. С помощью синонимов, глаголов движения, представлена реакция и поведение птиц на внезапное появление охотников: «Утки шумно *поднимались*, *срывались* с пруда, испуганные нашим появлением в их владениях, выстрелы дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые птицы *кувыркались в воздухе*, *тяжко шлёпались об воду*». [3, с.90].

Глагол «поднимались» имеет значение «поднимались наверх» [2, с.539] и употреблён автор в нейтральном значении и передаёт изменение положения уток в пространстве. Однако последующий глагол «срывались с пруда» несёт дополнительную информацию о том, что утки взлетали очень быстро, спугнутые появившимися с ружьями охотниками. В словаре глагол «сорваться» имеет толкование «заставить уйти, уехать откуда-нибудь, покинуть что-нибудь». [2, с.750]

Спасая свои жизни, утки «кувыркались», то есть в воздухе «переваливались через голову» [2, с.312]. Употреблённый глагол передаёт неуклюжий и хаотичный характер полёта птиц; руководствуясь инстинктом самосохранения, утки летели быстро и неосознанно.

Падая вниз, утки «тяжко шлёпались об воду». Глагол «шлёпались» имеет значение «падать с шумом, плашмя или всем телом, всей поверхностью» [2, с.901]. Глагол употреблён в разговорной форме. Он помогает читателю точно и образно представить себе данную картину, так как несёт в себе и дополнительные смыслы — звук соприкосновения воды и падающих уток.

Наиболее окрашенным эмоционально, динамично и живо, благодаря синонимам со значением движения, представлен момент, когда путники шли вброд, но в какой-то момент Сучок, самый низкий из всех охотников, начал тонуть:

«Иногда вода доходила нам до горла, и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, *захлёбывался и пускал пузыри*. «Ну, ну, ну!» — грозно кричал на него Ермолай, и Сучок *карабкался*, *болтал ногами*, *прыгал* и всё-таки *выбирался* на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука» [3, с.92].

В данном контексте наблюдается большое количество глаголов-синонимов со значением движения, которые показывают стремление Сучка выжить в угрожающей

для жизни ситуации. Глагол «захлёбываться» имеет значение «забрав в рот жидкости, задохнуться или поперхнуться» [2, с. 227]. Глагол усиливает критичность ситуации использование глагола «*пускал* пузыри», который употребляются для передачи того, что рот Сучка уже заполнен водой, и его жизнь находится в большой опасности.

Глаголы «*карабкался, болтал ногами, прыгал и всё-таки выбирался*» показывают борьбу персонажа за выживание. Глагол «карабкался» имеет значение «подниматься, цепляясь ногами и руками», и показывает то, что движения персонажа являются практически хаотичными, динамичными и неосознанными, с таким же смыслом употребляются и глаголы «болтал ногами, прыгал». Глагол «карабкаться» в данном контексте несёт коннотации «взбираться», «влезать», «залезть», «лезть». [1, с. 61]; он раскрывает смысл, что Сучок пытался спастись с большим усердием и трудом.

Глагол «прыгать» имеет значение «ударившись в землю, об пол, подсакивать» [2, с.627], в данном контексте употребляется со смыслом «отталкиваясь, совершать прыжковые движения вверх». Глагол помогает передать быстрые движения героя для спасения своей жизни.

Употреблённые семантические группы глаголов со значением движения выступают как важнейшее средство подробного описания сложившейся ситуации, благодаря этому достигается наиболее высокий накал кульминации.

Далее события выглядят совсем иначе. После спасения охотников пейзажная картина и эмоционально-психологическое состояние героев контрастно противоположны предыдущей части. Обстановка показана уже спокойной и мирной.

Литература:

1. Александрова, З. И. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов/ З. Е. Александрова, под ред. Л. А. Чешко. — Изд. 4-е репродуцир. — М: Рус. Яз., 1975—600 с.
2. Ожегов, С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российской академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. -М.:ООО «А ТЕМП», 2010.-874 с.
3. Тургенев, И. С. Записки охотника/ И. С. Тургенев, М: Детская литература, 1966. -224 с.

Вторую часть «мирной» картины занимает описание пейзажной зарисовки, которое словно гармонирует с внутренним состоянием героев:

Между описаниями природы и состоянием персонажей видно сходство: «Часа два спустя мы уже все *сидели*» и «Солнце *садилося*; широкими багровыми полосами *разбегались* его последние лучи; золотые тучки *растилались* по небу всё мельче и мельче, словно вымытая, расчёсанная волна... На селе *раздавались* песни» [3, с.93]. Глагол «садилося» по отношению к солнцу употреблён без распространительных членов предложения для акцентуализации внимания именно на этом моменте, расслабленном, полном покоя, безмятежности. Далее идёт более подробное описание пейзажной картины: «...*разбегались* его последние лучи; золотые тучки *растилались* по небу всё мельче и мельче» [3, с.91]. Пейзаж описан с помощью контекстуальных синонимов «разбегались» и «растилались». Глагол «разбегались» в данном контексте имеет значение «быстро перемещаться в разные стороны», в словаре наиболее точной трактовкой является определение «о многих: бегом направится в разные стороны» [2, с.641]. Использование олицетворения для описания помогает показать и описать картину пейзажа более ярко, живо и реалистично, в то время как синоним «растилались» имеет более медленный характер, чтобы передать плавность и замедленность движения туч.

Таким образом, использование рядов синонимов со значением движения и со значением речи позволило более точно, ярко, образно и экспрессивно описать ситуации, состояние окружающего мира, характеры героев произведения.

Русские летописи: особенности и проблемы изучения

Щукина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент;

Михайлова Анастасия Николаевна, студент;

Севостьянова Лидия Александровна, студент

Донской государственный технический университет

В данной статье рассмотрены письменные исторические источники Руси, в частности, летописи. Изучены способы сбора и хранения, дополнения рукописей и факторы влияния на их содержание. Также обращено внимание на связь религии и первых летописцев-монахов, а также методы изучения рукописей, акцент сделан на методе Шахматова. Дается сравнительный анализ летописных текстов в области и объективности достоверности.

Ключевые слова: исторический письменный источник, достоверность, объективность, летописи, авторство.

В разные эпохи человек, в большей или меньшей степени, старался зафиксировать свои знания об окружающем мире. Эти попытки имели разные формы в зависимости от степени развития общества и уровня исторических знаний. Одним из важнейших исторических источников, обладающим многосторонним источниковедческим потенциалом, является летопись.

По В. О. Ключевскому, исторические источники представляют собой определенную категорию памятников [3, с. 92]. И действительно, в них отражается угасшая жизнь и целых обществ, и отдельных личностей. Благодаря тем или иным сведениям дополняется история, дошедшие в той или другой форме сведения являют собой остатки жизни в прошлом. Также считается, что исторические источники содержат информацию о реальных явлениях в общественной жизни и человеческой деятельности, которые происходили в предыдущие столетия.

Изучению исторических источников и их видов посвящена целая наука, которая называется «источниковедение». Действительно, объём информации, изучаемый при поиске исторических источников, огромен. Прежде всего, это этнографические источники, вещественные и письменные, разные фоно- и фотодокументы. Соответственно, и подход к разным источникам тоже совершенно разный. Например, работа с историческими источниками вещественного вида осуществляется в рамках такой науки, как археология. К этой категории относятся предметы обихода, украшения, клады, захоронения и прочее. Археология также затрагивает и различные документы. Анализируя исторический источник, можно восстановить тот или другой период прошлого, понять, что происходило много веков назад.

Прежде всего, это была письменность. Особое внимание уделяется письменным источникам, так как они являются фундаментом исторических исследований. Виды письменных источников могут быть разделены на две большие группы: памятники актового характера и памятники литературного. К первой группе принадлежат все грамоты или акты в широком смысле этого слова, законодательные памятники, письма, юридические доку-

менты и т. д. Ко второй — летописи, хроники, хронографы, жития, мемуары, памфлеты и т. д.

Мы уже указывали, что одним из важнейших исторических источников можно считать летописи. Именно эти исторические памятники имеют наибольшую историческую ценность и по праву считаются главными документами прошлого. Они были хорошо структурированы, содержательны и довольно детальны. Первые летописцы, появившиеся на Руси, смогли собрать информацию о прошлом за несколько столетий. В итоге ими была воссоздана предыдущая хронология событий, очень важная и ценная, в которой содержались сведения о военных походах, датах основания городов, договорах. В произведениях даны реальные характеристики князьям, было рассказано о расселении племён. Много знаний летописцы брали из фольклора: предания, песни, легенды, сказки, которые являлись великой неписаной историей Древней Руси.

У древнерусских летописцев-историков существовала любопытная форма повествования, ибо, как правило, наиболее точно писали тогда, когда являлись современниками тех или других событий, а в плане прошлых лет обыкновенно брали выдержки других авторов, таким образом, заменяя и дополняя друг друга. Именно поэтому русский письменный исторический источник, по сути, завершения не имеет. И последние записи того или иного автора всегда были «изюминкой» — он переставал руководствоваться прошлым — он писал о настоящем со своей точки зрения, чтобы его мнение использовал следующий историк, как свидетельство прошлого.

Немаловажное значение для летописцев имели различные исторические документы, например, послания, договоры, жития святых и прочее. После сбора материала летописец уже начинал «конструировать» хронологию, соединять год с годом, избегать повторов, указывать все даты — это был гигантский труд, кропотливый и усердный. Но в то же время, автор мог какие-то события не включить в летопись, исходя из своей личной точки зрения, оставить под какой-то датой и её описанием свой, личный комментарий, но не мог придумать чего-то нового.

И только когда прошлое «заканчивалось», летописец начинал повествовать о настоящем.

Летописям придавалось большое значение, к ним обращались в политических спорах, при дипломатических переговорах. В их составе сохранились многие произведения древнерусской литературы: «Поучение» Владимира Мономаха, «Сказание о Мамаевом побоище», «Хожение за три моря» Афанасия Никитина и др.

С наибольшей полнотой летопись рассказывает о крупных политических событиях, касавшихся светских и духовных феодалов. Войны между князьями, постановления епископов и митрополитов, княжеские съезды, события в княжеских семьях (смерти, рождения, браки и т. д.) занимают внимание летописца. На основании летописей можно составить почти полные биографии выдающихся князей и проследить их семейные связи.

Также в летописях можно было найти указания на внешний вид княжеского дворца, но в них не было даже краткого упоминания о внешнем виде жилища смердов и закупов. Относительно более часто говорится о городском населении, но только в связи с политическими событиями. Внутренняя жизнь города почти не интересует летописца. Горожане появляются на страницах летописи лишь при рассказах о восстаниях в городе, при сообщениях об участии их в смене князей или в феодальных войнах.

Религиозный элемент играл большую роль в изложении событий в летописных сводах, так как творцами летописи большей частью были монахи. Также можно отметить, что духовенство играло исключительную роль при окончательной обработке летописных сводов, в состав которых вошли отдельные сказания и записи, составленные не духовными, а светскими лицами [6, с. 496].

Следует обратить внимание на различные летописные школы

В Киеве в XII в. летописание велось в Киево-Печерском и Выдубицком и Михайловском монастырях, а также при княжеском дворе. Галицко-волынское летописание в XII в. сосредоточивается при дворах галицко-волинских князей и епископов. Южнорусское летописание сохранилось в Ипатьевской летописи, которая состоит из «Повести временных лет», продолженной в основном киевскими известиями, (дата окончания 1200), и Галицко-Волинской летописи (1289–92 гг.) [1, с. 392].

Во Владимиро-Суздальской земле главными центрами летописания были Владимир, Суздаль, Ростов и Переяславль. Памятником этого летописания является Лаврентьевская летопись, которая начинается «Повестью временных лет», продолженной владимиросуздальскими известиями до 1305, а также Летописец Переяславля-Суздальского (изд. 1851) и Радзивилловская летопись, украшенная большим количеством рисунков. Большое развитие получило летописание в Новгороде при дворе архиепископа, при монастырях и церквях [2, с. 95].

XV век ознаменовался новыми явлениями в летописании. Политика московских великих князей нашла свое

отражение в общерусских летописных сводах. О первом московском общерусском своде дают представление Троицкая летопись XV в. (погибла при пожаре 1812) и Симеоновская летопись в списке XVI в.

Троицкая летопись кончается 1409. Для составления ее были привлечены разнообразные источники: новгородские, тверские, псковские, смоленские и др. Происхождение и политическая направленность этой летописи подчеркиваются преобладанием московских известий и общей благоприятной оценкой деятельности московских князей и митрополитов.

В XVII в. происходило постепенное отмирание летописной формы повествования. Слово «летопись» продолжает употребляться по традиции для произведений, слабо напоминающих летописи (Новый летописец, Летопись о многих мятежах» и др.).

Затрагивая такую проблему, как методы изучения летописей, стоит отметить, что довольно серьезные трудности вызывает определение летописания как особого вида исторических источников. В первую очередь это связано со сложным составлением летописей. Они, являясь сводами предшествующих текстов, могут включать хроникальные записи событий за год (т. н. погодные записи), документы (договоры, частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (различные «повести», сказания) или их фрагменты, записи фольклорного материала. Изучая данную проблему, мы можем обратиться к работам А. А. Шахматова, заложившего основы современного летописеведения. Он считает, что каждый летописный свод принято рассматривать как самостоятельное цельное литературное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность.

Метод Шахматова получил развитие в трудах М. Д. Приселкова, усилившего его историческую сторону. Значительный вклад в изучение русской Летописи внесли последователи Шахматова — Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, Летописи В. Черепнин, Д. С. Лихачев, С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, М. Н. Тихомиров, Н. К. Никольский, В. М. Истрин и др. Изучение истории летописания составляет один из самых сложных разделов источниковедения и филологической науки [5, с. 43].

Также стоит отметить, что при работе с летописными материалами следует помнить о неточности и условности научной терминологии. Это связано с отсутствием четких границ и сложностью истории летописных текстов, с текучестью летописных текстов, допускающих постепенные переходы от текста к тексту без видимых градаций памятников и редакций. Уточнение летописеведческой терминологии — одна из насущных задач летописного источниковедения [4, с. 367].

Однако одним из самых сложных в летописеведении является понятие авторства. Само представление об авторе (или составителе, или редакторе) летописного текста оказывается в значительной степени условным. Каждый из них, прежде чем приступить к описанию событий и про-

цессов сначала переписывал один или несколько предшествующих летописных сводов, бывших в его распоряжении. Для автора летописи критерием достоверности его личных впечатлений было их соответствие коллективному опыту общества. В этом отношении сама форма летописных сводов оказывалась идеальным воплощением особого исторического сознания их авторов [7, с. 374].

Возвращаясь к методу изучения летописания А. А. Шахматова, отметим, что данный метод имеет недостаток, который заключается в том, что критический анализ источника фактически сводится к изучению истории его текста. За пределами интересов исследователя, как указывал Л. В. Черепнин, остается большой комплекс проблем, связанных с историей значений и смыслов, бы-

товавших в период создания того или иного летописного свода. Соответственно зачастую игнорируется та образная система, которую использовал летописец и которую хорошо понимали его читатели. Результатом такого подхода становится некритическое восприятие информации, заключенной в подлинном, с точки зрения историка, тексте летописной статьи. Тем самым проблема достоверности текста подменяется проблемой его подлинности [8].

В тоже время, несмотря на ряд сложностей в интерпретации летописи следует признать, что изучение памятника прошлого как летопись, предполагает установление его основным источником освещения политической, экономической, культурной и социальной составляющей истории Киевской Руси.

Литература:

1. Ипатьевская летопись: [Текст] / под ред. А. А. Шахматова. — 2-е изд. — М.: СПб., 1962. — 392 с.
2. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, [и др.]. — М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т «Открытое общество», 2005. — 95 с.
3. Ключевский, В. О. Курс русской истории [Текст] / В. О. Ключевский. Сочинения: В 9т. — М.: Изд-во СПб, 1987. — 230 с.
4. Лихачев, Д. С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. [Текст] / Д. С. Лихачев. — 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. — 367 с.
5. Медушевская, О. М. Теоретические проблемы источниковедения [Текст] / О. М. Медушевская. — М.: Изд-во МГИАИ, 2005. — 43 с.
6. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII вв. [Текст] / М. Н. Тихомиров. Вып. 1. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. — 496 с.
7. Шахматов, А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. Текст / А. А. Шахматов. — М.: Академия наук СССР, 1938. — 374 с.
8. Черепнин, Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. [Электронный ресурс] / Л. В. Черепнин // Вопросы истории — 1971. № 5. — Режим доступа: <http://tex-history.ru/>. — (Дата обращения: 10.11.2015).

ФИЛОСОФИЯ

Farabi — first philosopher in his times

Ахмеджанов Мансур Махмудович, кандидат педагогических наук, профессор;

Нурматова Нигора Умаровна, кандидат исторических наук, доцент

Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Akhmedjanov M. M., prof.;

Nurmatova N., assoc. prof.

Bukhara engineering-technological institute

Farabi — was best known thinker of the east in the middle centuries, the biggest distributor of ancient Greek science and philosophy, contributed to that, scholar. He was born in Utrar (Farab) city situating around the Sirdarya, and studied in Shosh (Tashkent), Bukhara cities, after that he went to Bagdad city the centre of Arabian khalifat, stayed for a long time, was busy with studying Greece scholars' works and learning different languages there. He was in communication with famous scholars of his time, he spent last years of his life in Damask.

Farabi studied deeply various subjects of his age, wrote educational work about different fields. He was a first philosopher of his time, became famous as musician, poet, encyclopedic scholar. He wrote more than 160 pamphlets such as «Pamohlet about intelligence», «What to learn before philosophy», «About substantiation», «Resource of philosophy», «Entering to logics», «Resource of issues».

Farabi was the first who created the classification of subjects of his time and wrote sidolas dedicated to it. He wrote big work dedicated to musical issue, gave details to the theories of music and left the definition of a number of musical instruments as flute, flute dust, rubab which were widespread in the East. His work about music, plays a very important role in the history of the Eastern music. He was an encyclopedic scholar at his time, and the author of the works about mathematics, medicine, Arabic grammar, chemistry, astronomy, logics.

But, first of all, Farabi is a famous philosopher — gained fame as the author of several works on the most important issues of philosophy.

He made a great contribution to the further development of ancient Greek philosophy in the East, especially in the study of the ancient world's encyclopedic scholar's Aristotle's works, writing reviews on them and in promoting and developing the ideas of them. If Aristotle was known as «the first teacher» — Farabi became «the second teacher» in the whole East.

He wrote definitions to Aristotel's all works about philosophy and early greece scholars Platon, Halen, Evklid, Parphari, Sokrats' risolas.

Farabi is the first thinker who composed major works on social and political issues during that period. He put forward social issues such as the structure of the various aspects of social lives, especially in the prevention and management of various social conflicts and the idea of creating a social group. Farabi cited that establishing a mature community is connected with the solution to the problem of the creation of a perfect man for the first time in the condition of middle Ages. His famous works as «Life of population of ideal cities», «About ideal community», «About achieving happiness» are dedicated to these issues.

He underscored the richness of the diversity of the nature of the universe, and basing on them he highlighted 4 elements: soil, water, fire and air, along with them he emphasized that the beginning of the universe had come into existence by using the primary creative force in the radiation levels.

That's why his worldview has pantheistic content. According to Farabi's idea, the great and mature product of creatures is man, he has an ability to learn the world in every way through his consciousness, intelligence, sensitive bodies. Human understands the essence of the creatures around him by using his mind.

Particularly, its socio-political doctrine is extremely advanced for his era, which is fed by the humanitarian ideas. Human, his activities, striving of improvement lie on the basis of social life. Community that leads Man to happiness can be a mature one. Farabi looked for the direction of achieving that advanced community. To create a perfect man, to lead him to the happiness should be the task of the head of any state. Communities differs from each other depending on the desired goal.

Farabi's humanity, guidance for advancing human personality development and education, ideas about achieving sci-

ence and education methods are combined with solving social problems. Farabi tried to resolve these series of problems in terms of the creation of the human personality, human beings, the progress of humanity. We would not be mistaken to say that Farabi was a founder of the teaching doctrines in the Near and Middle East in mid-century. Because, in his works he analysed didactic, psychological foundations of education, ethics, and important theoretical issues of the intricacies as an integral part of his philosophy.

Farabi divided philosophy into theoretical and practical. The theoretical philosophy deals with the creature and its life forms, ways and means of knowing the world, the role of science in it, and practical philosophy deals with everyday issues such as applications covered with a number of issues such as the role of man's mature philosophy, education, social life and solving problems.

So, Farabi demonstrated issues of pedagogy, psychological and physiological problems which are closely linked with that issues as an important part of the philosophy and interpreted all aspects of human learning as an integral and inter-related parts of commitment.

Processed, the human body, the brain, sensitive organs presented at birth, but the intellectual knowledge, spiritual, psychological, intellectual and moral qualities, character, religion, customs, education and others come into by contact with other people, external environment, human will take them through its activities. His mind, thought, spiritual development is the most mature product. Humanbeing may

have knowledge about primordial and beginning of the creature by the end of development of his knowledge and mind.

According to Farabi, training can be carried out by using two different methods: voluntary and compulsory. If trainer didn't try necessary, mental and moral qualities, to be educated to love the truth and honesty, courage, endeavor to take such qualities as loyalty to friends voluntarily, the teacher will have to teach these qualities. Having such high qualities is an important condition for human's happiness, creating the community that leads to happiness.

At the same time encouraging everyone to take a mature qualities as a member of the team will need to work consistently. A perfect human being and community basing on happiness are two sides of the issue, and a single question. According to Farabi's idea, leader of a mature community leading to happiness should have perfect qualities and qualifications necessary for developed leader. Otherwise, it will have variety of obstacles to achieving the goal.

Leader or leaders should be an example for all of its citizens and educators.

Farabi advanced educational views during the early medieval civilization embodies the ideas in this sphere. He corresponded to the period of the education of his time.

Farabi philosophy, including his educational ideas, especially in social pedagogy East and West had a big impact in the last thinkers and scholars such as Avicenna, Biruni, Mis-kaveyx, Ibn Rushd, Ibn Khaldun, Roger Bacon, David, Didakta, Spinoza.

References:

1. Karimov I. A. Uzbekistan: Its way of renewal and progress. — Tashkent, «Uzbekistan», 1992.
2. Akhmedov. B. Knowledge from the history. — Tashkent, Chulpan, 1994.
3. Akhmedova. M. A. Fundamentals of Philosophy / Medieval philosophy in Central Asia and the Muslim East. Tashkent, «Uzbekistan», 1998.
4. Djumayev Y. From the history of ethical thought in Central Asia (from ancient times to the XIV century). — Tashkent, «Uqituvchi», 1991.
5. Radjabov S. R. From the history of the development of pedagogical science in Uzbekistan. Tashkent. 1990.

Уровень личности в общей структуре человека. Философский анализ

Еременко-Клаузер Александр Владимирович, аспирант
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

Личность человека по нашему мнению представляет собой некоторую информационную базу, которая обуславливает видение человеком себя, видение человеком других¹, видение человека другими². Мы несколько сужаем

понятие личности, оценивая его именно как информационную базу, а не как структуру или скорее термин, который способен охватить все многообразие человеческой психики. Мы исключаем из понятия личности функциональную со-

¹ Это обусловлено в том числе личностью, но не исключительно ею.

² Очевидно, тут присутствует проблема коммуникации и в данной ситуации личность обуславливает двойственность направления восприятия: другой имея личность видит человека соразмерно как своей так и его личности. Разумеется, личность другого пропускает через себя личность человека, однако нам не кажется, что уместно утверждать, будто бы отсутствует объективное проявление личности человека в личности другого.

ставляющую, утверждая именно информационную ее природу, а не деятельную. Следуя данным путем, мы не противоречим, однако, психологической, и тем более философской традиции рассмотрения личности — скорее через сужение термина пытаемся более четко определить его содержание.

Интерпретировать личность, как информационную систему можно на основе большого числа психологических теорий: здесь следует отметить и теорию черт личности Г. Оллпорта, к примеру, идею личностных конструктов Дж. Келли.

Наиболее явно понимание информационной природы личности прослеживается в рамках проблемы психологического развития.

Так структура личности в традиционном психоанализе вполне может быть воспринята, как информационная. Такие выделяемые З. Фрейдом составные элементы личности, как Оно, Я, Сверх-Я — представляют собой информационные кластеры сформированные вследствие взаимодействия тела человека и окружающих его культурных реалий [6, с. 303–322, 390–407].

Деятельность, развитие, формирование личности в психоаналитической традиции связано с такими понятиями, как либидо и мортидо, но важно понимать, что оба эти стремления представляют собой лишь проявление деятельного элемента всей структуры человеческой сущности.¹ Это раскрытие истинно деятельного, энергичного, через информационное и материальное [1].

Психосексуальное становление в рамках психоанализа, рассматривает движение развития личности как процесс обусловленный встречей человеческого тела, его внутренних позывов с опытом и культурой. При том сами внутренние движущие силы личности, например Эдипов комплекс, формируется в этом взаимодействии, то есть представляет собой определенную опытную данность, информационный конструкт поведенческой реакции. Более фундаментальные силы, исследуемые в психоанализе, такие как либидо хоть во многом и завязаны на базовых особенностях организации человеческого тела, не могут считаться абсолютно первичными условиями динамики субъекта. «Сексуальное стремление», есть ограничение понятия «стремление». Можно возразить, будто «стремление» является категоризацией сознанием факта тела, факта сексуального стремления, однако это будет верно лишь отчасти: стремление как категория осознанного, есть проявление фундаментального неосознанного стремления, при том вполне возможно на базе интроспективного познания человеческим сознанием именно своего сексуального стремления. То есть разговор в первую очередь об уровнях углубления.

Если говорить о теории К. Г. Юнга, то здесь личность также может быть сведена к своей информационной основе. Структура личности формируется под влиянием личного бессознательного, которое представляет собой

вытесненную информацию, полученную через личный опыт — то есть через культуру, через символическое познание, а также под влиянием коллективного бессознательного — то есть под влиянием архетипов [8], которые в основе своей уходят к общей природе когнитивно-перцепционной системы человека. Архетип является неосознанным² информационным конструктом выражающим глубинные инварианты человеческой психики. При этом важно понимать, что архетип, который фундируется когнитивно-перцепционной системой человека — именно информационная структура, он относится к знанию (пусть и не всегда явному), к личностному, информационному уровню человеческой организации, но не к деятельному.

Четкое понимание личности, как информационной структуры характерно для культурно-исторической концепции развития личности Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия. Здесь во главу угла ставится проблема деятельности и как следствие связи человека с опытом. Формирование его личности на базе информации полученной через опыт деятельности.

В когнитивной теории развития Ж. Пиаже также постулируется взаимосвязь развития и формирования личности с процессом накопления опыта. Личность представляет собой информационную систему конструируемую человеком на основе усваивания когнитивного опыта.

Показательным для уточнения нашего взгляда на проблему личности, служит подход Д. Н. Унадзе четко дифференцирующий понятия личности и субъекта. А. С. Огнев в своей работе, разбирая данную ситуацию характерную для Д. Н. Унадзе, пишет следующее: «Так в случае гипнотического внушения непосредственному влиянию подвергаются не действия субъекта, а его личность. Именно у личности возникают стремление, готовность (установка) выполнять определенный поведенческий акт» [4, с. 45]. Акт представляет собой действие субъекта (в терминологии Д. Н. Унадзе), при этом акт обусловлен информацией, которую восприняла личность. То есть акт определяется специфической информационной структурой.

Тут есть два момента, которые необходимо уточнить: во-первых, взаимодействие человека с внешним гипотетически существующим объективным миром в заметном количестве ситуаций реализуется через личность. По сути человек работает с личностной субъективной информацией, которая, между тем, в той или иной степени определена объективной реальностью. То есть реакция на внешний по отношению к субъективному миру человека раздражитель, опосредуется личностной информацией, которая в свою очередь определяется культурой, еще точнее — знаково-символьной системой. Без сомнения это ни в коей степени не означает уменьшения значения объективной реальности — она не перекрывается культурой, но проходя через нее символически преобразуется и в восприятии

¹ Мы против рассмотрения либидо или мортидо, как первичных энергий, обуславливающих деятельность человека. Они лежат рядом с основами деятельности, но не являются ими. Это энергия уже облаченная в информацию.

² После осознания архетип обращается мифом.

субъекта допустим тяжесть объекта, оценивается в связи с определенными информационно-культурными реалиями. Важно, однако, что культурная реалья должна пониматься достаточно широко — как информационно-культурная структура момента [3, с. 122]. В таком случае становится очевидно, что аспекты того или иного объекта в разных ситуациях воспринимаются с разной долей значимости.

Второй момент, сам по себе достаточно очевидный, но обратить еще раз на него внимание лишним не будет. Речь о том, что действующее начало человеческой психики и личность — представляют собой в определенной степени разные уровни общей структуры сущности человека. Действующее начало, проявляющееся в акте, который определен взаимодействием внутренней информации человека — его личностью, его телом и поступающей извне информацией, обнаруживается лишь таким образом, однако из этого не следует, что постановка проблемы действующего начала вне информационной структуры личности — является излишней.

Базово мы исходим здесь из посылки платоновского диалога Алкивиад I: «Ну а пользующийся чем-то, и то, чем он пользуется разве не разные вещи?» — спрашивает Платон Алкивиада, приходя затем к выводу, что сущность человека, его самость — это душа, а не тело, которым она управляет [5]. В то же время нами не поддерживается резкое разграничение уровней единой системы человека — скорее постулируется их различие. Кроме того, поскольку мы ведем речь о разнице деятельного начала и структуры личности — очевидно, необходимо сделать уточнение, что личность нами понимается как структура, которой пользуется деятельное начало для (в том числе) становления человека в рамках повседневности, то есть в поисках того, «чем пользуются» мы уходим дальше рассмотрения только тела. Впрочем, безусловно, концепция «заботы о себе», необходимость которой становится выводом диалога Алкивиад I — представляет собой многогранную философскую теорию, в которой самость человека, истинно человек, то о чем (или тот о ком) надо заботиться, то, что «использует», а не то чем «пользуются» — понимается много глубже, нежели просто психический мир человека [7]. То есть уровень человеческой структуры, называемый нами личностью — не может быть назван с точки зрения Платона самостью, и как следствие различие личности и деятельного начала, выводимое из тезиса: «пользующийся и то, чем пользует-

ся — суть разное; пользующийся — является душой человека, то чем пользуются — телом» — вполне уместно и с точки зрения платоновской философии, несмотря на то, что диалог Алкивиад I строится в основном на противопоставлении души и именно тела.

Несомненно, то, что мы называем собой много более, чем наше физическое тело. И в то же время, окончательная самоидентификация человека, как личности — так же не может быть признана достаточно глубокой.

Личность, как системное свойство сложной информационной структуры человека оказывается продуктом функционирования мозга, то есть сложноорганизованной материи, который выступает в качестве центрального процессора сохраняющего и выстраивающего всю доступную отдельному индивиду информацию.

Действительно, сведение личности к биологическим, физиологическим основам представляется нам правильным путем. Однако это не полный взгляд на проблему человека. И в тоже время такой несколько ограниченный подход превалирует сейчас в традиции западной философии — личность представляется, как центральный модус человеческого бытия, как точка притяжения истинной идентификации человека. Как отмечают в своей статье Иванов А. В. и Фотиева И. В. несмотря на признания того, что человек «больше самого себя», размышлений в рамках платонизма современные европейские философы бояться как огня [2]. Эмерджентность, системность — во многом лишены содержательности понятия, создают иллюзию, что в поиске того, что Платон назвал «самое само» человека нет необходимости. А именно через эту традицию, этот поиск мы должны продвигаться на пути углубления нашего понимания природы бытия человека.

Материальный каркас, то есть тело и информационная структура — иначе личность, представляют собой именно то, что ЕСТЬ, но не то, что действует, не то, что управляет. Оставаясь и причиной, и следствием изменения, материя и информация изымаются из самого процесса, выступая статичными данностями, обрамляющими энергичное движение, но не включенными в него. Личность человека не может в полной мере определить сущность человека, поскольку, хотя и представляет собой невероятно сложную, во многих уровнях обладающую системными свойствами, организацию, остается между тем лишь статичной информационной оболочкой, заключенной в оформленную материя.

Литература:

1. Еременко-Клаузер, А. В. Контиуум материи-энергии. Онтологические основания субъективной реальности // Science time. — Казань: Издательство ОНТ, 2015. — № 5 (17). — с. 157–162
2. Иванов, А. В., Фотиева И. В. От Платона — к «Живой Этике»: развитие традиции метафизики всеединства [Электронный ресурс] // Сайт: «Алтай 21 век» — URL: <http://www.fondaltai21.ru/publish/articles/10233> (Дата обращения 12.01.16)
3. Левин, К. Топология и теория поля / К. Левин // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х — середина 30-х годов XX века), — М.: Изд-во МГУ, 1980.
4. Огнев, А. С. Теоретические основы субъектогенеза. — Воронеж: Рос. академия гос. службы при Президенте РФ, 1997.

5. Платон. Алкивиад I [Электронный ресурс] // Сайт «Psylib» — URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/08alki1.htm> (Дата обращения 12.01.16)
6. Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл / Перевод Вульф М. В., Алмаев Н. А. М.: Фирма СТД, 2006. — 608 с.
7. Фуко, М. Герменевтика субъекта [Электронный ресурс] // Сайт «Royallib» — URL: http://royallib.com/book/fuko_mishel/germenevtika_subekta.html (Дата обращения 12.01.16)
8. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Электронный ресурс] // Сайт: RoyalLib — URL: http://royallib.com/read/yung_karl/arhetip_i_simvol.html#0 (Дата обращения 12.01.16)

Роль героической личности в истории как философско-этическая проблема

Замилова Римма Рамильевна, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Ёзиева Шахрибону Гайратуллаевна, студент
Академический лицей (г. Наманган)

Любая историческая эпоха нуждается в героях, способном выразить такие нравственные качества личности как героизм, альтруизм, филантропию, долг, ответственность. Рассмотрение героической тематики состоит в том, чтобы на основе научно-теоретических разработок популяризировать героическое и патриотическое поведение среди молодежи, тем самым, формировать у неё социально-нравственные качества.

Ключевые слова: героическая личность, героическое, героизм, харизма, героический поступок, нравственный идеал, герой, риск, долг, совесть.

Решающая роль народных масс, классов, этносов в истории отнюдь не означает отрицания или принижения роли отдельных личностей. Раз история делается людьми, то деятельность личностей не может не иметь в ней значения. Говоря об «отдельных личностях», мы имеем в виду не только особо выдающихся личностей, но и каждого индивида, занимающего активную жизненную позицию и вносящего своим трудом, борьбой, теоретическими поисками определенный вклад в развитие той или иной сферы общественной жизни, а через нее в исторический процесс в целом.

Такая позиция принципиально отличается от субъективно-идеалистического, анархистского преувеличения роли личности. А ведь еще в XVIII в. Огромное большинство мыслителей смотрело на историю именно так. Габриель Мабли, например, уверял, что Минос целиком создал социально-политическую жизнь и нравы критян, а Ликург оказал подобную же услугу Спарте. Если спартанцы «презирали» материальное богатство, то этим они обязаны были именно Ликургу, который «спустился, так сказать, на дно сердца своих граждан и подавил там зародыш любви к богатствам». А если спартанцы покинули впоследствии путь, указанный им мудрым Ликургом, то в этом виноват был Лизандр, уверивший их в том, что «новые времена и новые обстоятельства требуют от них новых правил и новой политики» [1, с. 352].

Героической называют духовно одаренную личность, которая воспринимается и оценивается окружающими как необычная, порой даже сверхъестественная (божествен-

ного происхождения) по силе постижения и воздействия на людей, недоступная обычному человеку. Носители харизмы — это герои, создатели, реформаторы, выступающие либо как провозвестники божественной воли, либо как носители идеи особо высокого разума, либо как гении, идущие наперекор обычному порядку вещей. Необычность харизматической личности признается всеми, но моральная и историческая оценка их деятельности далеко неоднозначна. И. Кант, например, отрицал харизму, то есть человеческое величие, с позиций христианской морали. А вот Ф. Ницше считал появление героев необходимым и даже неизбежным. [2, с. 785].

Феномен харизмы уходит своими корнями в глубь истории, в языческие времена. На заре человечества, в первобытных сообществах появлялись люди, которые обладали особым даром; они выделялись на фоне обычного. Носители харизмы обладали способностью оказывать на своих сородичей воздействие внешнего или внутреннего характера, в силу чего становились вождями и предводителями, например на охоте. Их власть в отличие от власти вождей традиционного типа во многом основывалась на вере в их сверхъестественные силы. Видимо, сама логика жизни требовала этого.

Чтобы увлечь массы своими замыслами, харизматический лидер может позволить себе прибегнуть ко всякого рода иррациональным оргиям, ослабляющим или даже вовсе снимающим естественные, нравственные и религиозные устои. Для этого он должен возвысить оргию в ее

сублимированном виде до уровня глубокого таинства. [3, с. 140].

На «подмостках» истории сыграно неисчислимо множество великих и малых героических поступков, злодейских сцен, множество кровавых войн. Подсчитано, что за шесть тысяч лет истории человечества на Земле было более 20 тысяч войн, которые унесли многие миллионы человеческих жизней — значительно больше, чем сейчас проживает на земном шаре. В истории возникают мощные государства и гибнут колоссальные империи. Из великих, шедших в авангарде человеческой цивилизации, этносы становились малыми, из богатых нищими. В огне революций сгорала власть одних социальных групп и рождалась власть других. Разбивались и рушились царские и королевские троны, срывались с голов короны, а сами головы нередко слетали с плеч. Уходят в небытие тираны, но, к сожалению, приходят новые.

Что же сейчас имеют в виду, когда говорят о героической личности и его поступках? Что вообще такое героическое? По смыслу — это самоотверженность, непрерывный поиск истины, приверженность справедливости, беззаветная любовь к отчизне, своему народу и своей профессии. Героическое есть атрибут любого социально-исторического процесса, в том числе процесса модернизации страны.

Героическое развивает несколько мыслей относительно великих людей: каким образом они проявляли себя в делах нашего мира, какие внешние формы принимали в процессе исторического развития, какое представление о них составляли себе люди, какие подвиги они совершали.

«Одно, впрочем, утешительно: великие люди, каким бы образом мы о них не толковали, всегда составляют крайне полезное общество. Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку мы все-таки кое-что выигрываем от соприкосновения с ним. Он источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благотворно и приятно. Это свет, озаряющий мир, освещающий тьму мира. Это — не просто возожженный светильник, а скорее природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства» [4, с. 8].

Научно-методологическое значение дает возможность рассмотреть героическое в диалектическом единстве индивидуального и общественного, осознаваемого и неосознаваемого, должного и предполагаемого. Сегодня субъектом исторических событий выступают не только одаренные люди, народ или нации, а также каждый человек, кто готов служить своей эпохе, своему народу и человечеству. Неординарные, исключительные поступки человека делают его субъектом общественно-исторического процесса, а его осознанные действия, выполнение им своего долга, соблюдение им социальных норм и законов общества, государства. Сегодня «и не для одних только «начинателей», не для одних «великих людей» открыто широкое поле действия, оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних.

Понятие «великий» есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя» [5, с. 334].

Героизм, героическое нельзя достаточно точно полно объяснить через потребность, они — особые поступки. Были люди, совершившие один героический поступок и вошедшие в историю, но были люди, совершавшие героические поступки множество раз, их жизнь во время войны символизировала героический путь.

Научно-теоретическое обоснование моральных поступков, в том числе и героического, кажется спекулятивным подходом, чтобы обосновать актуальность проблемы. Но героическое это не только действие, направленное на спасение чего-либо или кого-либо. В сфере науки, научно-теоретической деятельности героическое совершается не менее чем в другой сфере социальной жизни. Классическими примерами героического в сфере науки, научно-теоретической деятельности являются подвиги Ибн Араби и Ибн Сины, восстания против мракобесия Галилея и Коперника, самоотверженные и целеустремленные научные поиски Д. Менделеева и И. Павлова.

Героизм в этико-философской литературе рассматривается как самоотверженный поступок, детерминированный социально-историческими процессами, реальными обстоятельствами, потребностью момента и хода жизни, событий. Гениальность и героизм не всегда совпадают. Гений, гениальность употребляются по отношению к учёным, художникам, писателям, поэтам, философам, чьи оригинальные идеи, открытия, книги обогатили человеческое познание, его духовный, нравственный мир. А герой и героическое относится к людям, которые совершили нечто сверхъестественное, сверхчеловеческое и необыденное, вызывающее удивление и восхищение у других; героическое всегда поступок, нравственное поведение, альтруизм, человеколюбие. Гении всегда герои, в их жизни и творчестве всегда есть героическое, но герои не всегда гении, не всегда в их жизни и поведении обнаруживаются великий талант и гениальность.

Важной составляющей частью героического являются нравственные идеалы. Человек в своей жизни, в своем постоянном моделировании будущего не может обойтись без стремления к идеалу. Человек испытывает потребность измышлять идеалы: без них нет на свете ни одного разумного человека, ни общества; без них не могло бы существовать человечество. Благородные цели, служение своему народу или избранной профессии, постоянный, непрерывный поиск истины, подвиг во имя свободы и жизни, во имя мира и справедливости на земле, — вот побудительные мотивы героического.

Многие великие умы задумывались над тем, что такое «идеал»?

И. С. Тургенев полагал: «Жалок тот, кто живет без идеала!» Во все времена, утверждал Р. Ролан, были люди, отдавшие жизнь за свои идеалы. По словам Сенеки, когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным. Аналогично думал

и Л. Н. Толстой: идеал — это путеводная звезда; без нее нет твердого направления, а нет направления, нет и жизни [6, с. 14].

Бросив ретроспективный взгляд на историю, мы убедемся, что люди совершали героические поступки, если впереди, хоть вдалеке, им сверкал путеводной звездой идеал.

В совершении героического, в обосновании моральных ценностей нужно, чтобы идеал в форме сознания призвал субъекта к героизму. Как отмечает А. Г. Спиркин: «Самосознание — это осознание и оценка человеком своих действий и их результатов, мыслей, чувств, морального облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя и своего места в жизни. Самосознание, конструирующий признак личности, формирующийся вместе со становлением последней. Оно свойственно не только индивиду, но и обществу, классу, социальной группе, когда они поднимаются до понимания своих общих интересов и идеалов и борются за их достижение» [7, с. 148].

Именно героические личности поведут людей, массы, народа к прогрессу, развитию, созданию новых духовно — нравственных отношений, ценностей. Они глубоко верят, что герои — это, прежде всего патриоты, они защищают независимость своего края, способствуют процветанию Родины, помогают национальному самоутверждению, построению справедливого общества. Значит, герои обладают теми социально — нравственными качествами, которые воодушевляют остальных на подвиг, вселяют в них оптимизм, помогают национальному самоутверждению. Как правильно выразился Д. А. Волкогонов, «подвиг, как венец героического акта, всегда выполнял в историческом процессе функцию, если так можно выразиться, оптимистического подъема в общественном, групповом, индивидуальном сознании. В подвигах находит своё выражение классовое, национальное самоутверждение общностей, подтверждение идеалов в социальной практике. Подвиг — это почин, пример, призыв, будь то производственная деятельность, научная деятельность или ратный труд. Подвиг является мощным средством воодушевления товарищей, однополчан, сослуживцев.

В настоящее время молодежь нуждается в героях нашего времени, которые должны стать нравственным идеалом для подрастающего поколения. Быть нравственным идеалом, и заключается этическая ценность такой категории как героическое. Предназначение исследований героической тематики состоит в том, чтобы на основе науч-

но-теоретических разработок популяризовать героическое и патриотическое поведение среди молодежи, тем самым, формируя у неё требуемые социально-нравственные качества. Самоотверженность, созидательная мобилизация всех духовных, нравственных и физических сил для достижения конкретной цели должны освещаться благородными помыслами, высокими идеалами и нравственными ценностями» [8, с. 52].

Героическое и патриотическое тесно взаимосвязаны. Патриот всегда герой, а героический поступок можно совершить в любой сфере, в индивидуальной, групповой и общественной жизни. Узбекский народ имеет многочисленные героические традиции. Подвиг Тумариса, Ширака, Спитамена, Наджмиддина Кубро, Джалалидина Мангуберды, Амира Темура, Бабура, Мухаммад Али (Дукчи ишана), Зиеуддина Махсума, Сабира Рахимова, сопротивление монголо-татарским, арабским завоевателям, свидетельствуют о героической традиции узбекского народа.

Коренное обновление общества требует от гражданина, мобилизации физических и духовных сил, мужественного преодоления трудностей, смелого внедрения в общественную жизнь демократических и общечеловеческих ценностей. Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов справедливо отметил: «Необходимо быть верным сыном Узбекистана, беречь и надёжно защищать свою Родину, не щадить на славном пути своих сил, а если потребуется — пожертвовать своей жизнью» [9, с. 215]. Патриотизм, мужественная гражданская позиция, готовность совершать героическое, служить, интересам Отчизны и народа востребованные социально-нравственные качества, в процессе модернизации страны.

Сопоставляя свои поступки, мысли с жизненной позицией этих людей, подросток в начале формирует привычки подражания и старается быть как образец, кумир, идеал. Подражательный этап быстро проходит, т. к. подросток целеустремленно и не прерывно ищет себя, своё место в жизни. Социальная действительность требует от него активного включения в жизнедеятельность общественные отношения. Моральная ценность этих моментов в том, что молодое поколение видит в них некий нравственный идеал, старается создать из них моральный кодекс для себя. Эти моменты превосходят все остальные моменты: обыденные поступки, личные интересы, эгоизм, тщеславие и другие, которые в идеальном понимании героического не совместимы не только с героическим актом, но и с нравственностью.

Литература:

1. Крапивенский, С. Э. Социальная философия: Учебник для студентов вузов. — М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 1998. — с. 352.
2. Спиркин, А. Г. Философия. — М., 2002. — с. 785.
3. Вебер, М. Харизматическое господство. — М., 1985. — с. 140.
4. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. — М.: ЭКСМО, 2008. — с. 8.
5. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. — М: Политиздат, — с. 334.

6. Спиркин, А. Г. Философия. — М., 2002. — с. 14
7. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание. — М.: Педагогика, 1973. — с. 148–149;
8. Волкогонов, Д. А. Феномен героизма (О героях и героическом). — М.: Политиздат, 1985. — с. 52.
9. Каримов, И. А. Мыслить и работать по-новому. Т.5. — Ташкент: Узбекистан, 1997. — С. 215.

Этническая идентичность как одна из разновидностей коллективной идентичности

Каримов Махмуд Магомедович, доктор философских наук, профессор
Чеченский государственный университет

В своём нынешнем значении термин «идентичность», который происходит от латинского слова *identifico* — «отождествляю», пришёл в другие дисциплины из психологии и социологии. В психоанализе он употребляется для обозначения процессов взросления, а также механизма, позволяющего Я реализовать себя. Необходимая потребность индивида в самоидентификации приводит в действие процесс формирования его «Я», который позволяет преодолеть страх неопределённости, найти и выделить себя из окружающего мира, защитившись тем самым от него посредством самоопределения. Процесс самоидентификации является необходимым условием вхождения в социально-культурное пространство.

Несколько иначе понятие идентификации рассматривается в области социологии. Здесь под ним подразумеваются разнообразные механизмы вхождения индивида в социальное пространство. С их помощью человек овладевает различными видами социальной деятельности, вживается в необходимые социально-культурные роли и соответствующие им поведенческие установки, усваивает принятые в обществе нормы и ценности. В результате осуществления процесса идентификации у человека возникает чувство принадлежности к тому или иному конкретному сообществу. Это внутреннее ощущение единства и обозначается понятием «идентичность».

Введение этого понятия в сфере психологии в значении «психосоциальная идентичность», как правило, связывают с именем Эрика Г. Эриксона, американского психолога и психотерапевта, расцвет деятельности которого приходится на период 1960-х годов. В соответствии с определением Эриксона, идентичность представляет собой внутреннюю тождественность личности самой себе и непрерывность её существования во времени и пространстве. [1, с. 75] Она включает в себе несколько аспектов. Во-первых, личность воспринимает саму себя как нечто единое целое, тождественное самому себе, осознаёт непрерывность своего бытия, и сохранение этого единства, несмотря на все происходящие изменения. Во-вторых, индивидуальная, личностная идентичность связана с тем, что эту тождественность и непрерывность признают и подтверждают другие, то есть общество, социальное окружение.

Каждый человек с течением времени изменяется как внешне, так и внутренне, физически и духовно. Он ра-

стёт, взрослеет, меняются его взгляды, личные вкусы и пристрастия, пополняется багаж его знаний о мире и людях, копилка индивидуального опыта. Человек становится другим, не таким, каким он был прежде. Но вместе с тем в нём всегда присутствует некое внутреннее единство, которое позволяет ему утверждать тождество своего «Я» и подтверждать его опытом идентификации со стороны окружающих людей. «Переживание чувства идентичности с возрастом и по мере развития личности усиливается: человек ощущает возрастающую непрерывность между всем тем, что он пережил за всё своё детство, и тем, что он предполагает пережить в будущем; между тем, кем он хочет быть, и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к себе. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении. Идентичность динамична и никогда не достигает завершённости. Она постоянно меняется в соответствии с новыми жизненными реалиями, вносящими свой вклад в преобразование внутреннего состояния индивида и его отношений с социальным окружением.

Изменение идентичности человека в течение всей его жизни представляет собой ряд последовательных психосоциальных кризисов. Их переживание в той или иной степени наносит личности травму, но вместе с тем и мобилизует, побуждает её к действию, к дальнейшему поиску тождественности, истинности и цельности собственного бытия.

Таким образом, под идентификацией в психологии понимается сложный эмоционально-когнитивный процесс отождествления индивидом самого себя с другими людьми, группами и коллективами, собственным идеалом, с персонажами произведений культуры и искусства. В понятие идентичности, помимо субъективного чувства собственной тождественности, входит, дополняя его, объективный фактор — подтверждение другими людьми целостности личности и её принадлежности к объективно разделяемой картине мира. Кроме того, объективное удостоверение тождества личности выражается в соответствии внутренних представлений человека о собственном положении в мире общественным представлениям о занимаемом им месте. Идентичность играет роль фундамента для формирования личности человека и является свиде-

тельством осуществления различных сценариев самоидентификации, как благополучных, так и неудовлетворительных.

К личностной идентификации тесно примыкает групповая или коллективная идентификация. Она возникает вследствие того, что человек как общественное по своей природе существо входит в состав самых различных групп, общностей, коллективов, классов и иных форм единения. Этот факт сопровождается чувством включенности в ту или иную социальную общность, собственного единства с остальными членами данного коллектива, отождествления себя с ним как одним целым. Степень интеграции личности в некое сообщество зависит от успеха в прохождении процессов инкультурации и социализации, то есть, примыкания к конкретной культурной традиции, разделения одних и тех же норм, ценностей и стереотипов поведения, этических предписаний и юридических законов, мировоззренческих установок, присущих данному обществу.

Социально-культурная идентичность Я основывается на соответствии личных представлений о социально допустимом поведении требованиям, предъявляемым самим обществом и принятым в нём. Чем они ближе друг другу, чем больше совпадают, тем сильнее чувство принадлежности к данному социуму, подтверждаемое другими людьми, входящими в его состав. От того, насколько личностные представления о мире и внутренние запросы и потребности человека совпадают с картиной мира окружающих людей, зависит представление человека о собственном положении в мире, ориентация в нём.

Сочетание личностной и социально-культурной идентичностей составляют представление о существовании собственного «Я» и его содержательном, сущностном наполнении. Это знание того, что «Я есть», а также осмысление того, кто, что и где есть это «Я». Однако чувством этого «Я», своей самости не всегда бывает чётким и ярко выраженным, но часто носит смутный, неопределённый и интуитивно ощущаемый характер в силу того, что существуют не только благоприятные, но и неблагоприятные сценарии личностной и социокультурной идентификации. [2, с. 74]

Одной из традиционных коллективных идентичностей человека является этническая идентичность. Она представляет собой чувство принадлежности индивида к той или иной конкретной этнической общности. «Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определённой этнической общности. При этом, во-первых, необходимо разводить понятия этнической идентичности и этничности — социологической категории, относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре, — и иметь в виду, что в реальной жизни этническая идентичность далеко не всегда совпадает с официальной этничностью. Во-вторых, следует помнить, что этническая идентичность может не

совпадать с декларируемой идентичностью (причислением себя к этнической общности), которая проявляется в самоназвании, и не сводится к ней.

Этническая идентичность — это в первую очередь результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определённая степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов. Этническая идентичность — это переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Считая этническую идентичность составной частью социальной идентичности, современные исследователи в то же время предпринимают попытки выделить присущие только ей особенности. Так, Г. Г. Шеппет рассматривает этническую идентичность как форму идентичности, воплощённую в культурной традиции и обращенную в прошлое в отличие от других форм, ориентированных на настоящее или будущее. [3, с. 61]

В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента — когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя её членом на основе этнодифференцирующих признаков) и аффективный (чувство принадлежности к группе, оценка её качеств, отношение к членству в ней).. Некоторые авторы, излишне расширяя, на наш взгляд, понятие этнической идентичности, выделяют ещё и её поведенческий компонент, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определённой группы, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

Различение идентичности и принадлежности само по себе выступает значимым вопросом. На первый взгляд, казалось бы, отличие одного из этих понятий от другого особых затруднений не представляет. Принадлежность — это причастность индивида чему бы то ни было, какой-либо группе или коллективу. Она основывается на факте вхождения индивида в состав того или иного сообщества вследствие того, что он обладает свойствами или качествами, которые позволяют причислить его к данному коллективу. А идентичность — это чувство принадлежности, возникающее на основании факта её наличия, которое переживается самим человеком и поддерживается за счёт удостоверения, подтверждения со стороны окружающих.

Все эти и многие другие примеры свидетельствуют о возможности существования не соответствующей реальному положению дел, так называемой ложной идентичности. Так можно охарактеризовать чувство принадлежности к чему-либо и тождества с чем бы то ни было, возникающее вне связи и без опоры на достоверный факт подлинной принадлежности. Ложная идентичность, как и другие формы этого психофизического и социального феномена, включает в себя как когнитивный, так и аффективный компоненты. Ей в той же мере присущи и знания, представления индивида о самом себе, собственных особенностях и характерных чертах общности, частью ко-

торой он себя считает, и чувство собственной самостождественности, ощущение причастности и принадлежности к конкретному коллективу. [4, с. 201]

В её структуру входит и интуитивно воспринимаемое чувство единства и цельности, оценка и оценочные критерии, как рефлексивные, так и внешние по источнику своего происхождения. Однако особенность ложной идентичности, на наш взгляд, состоит в том, что в качестве её когнитивной составляющей выступает представление о собственном своеобразии и об отличии от других людей и сообществ, которое имеет мало общего или вовсе никак не соотносится с фактами действительности, не соответствует жизненным реалиям. Это знание, образующее фундамент данной идентичности, на проверку оказывается мифом, идеалом, объединяющим вымыслом.

Формирование представлений о собственной этнической принадлежности зависит от особенностей социальной среды и окружения, от того социально-культурного контекста, в котором протекает жизнь человека. Процесс идентификации индивида по этническому признаку связан с его осведомлённостью о специфических неотъемлемых чертах своего народа и его культурном своеобразии, а также об отличиях от представителей других народов. Знание это, в свою очередь, обусловлено частотой и характером межэтнических контактов, благоприятным возможностям осуществления которых способствует в большей степени полиэтничный, нежели моноэтнический состав населения непосредственного региона проживания человека. Часто приходится сталкиваться с тем фактом, что в странах, состав населения которых образуется из людей, по происхождению принадлежащих нескольким разным народам, доминирующая этническая группа обладает определёнными преимуществами перед другими общностями. Вследствие этого членство в группе большинства ценится выше и потому более желательно, нежели когда индивид примыкает к этническим меньшинствам.

В данных обстоятельствах процесс этнической самоидентификации личности осложняется тем, что человек, принадлежащий группе этнического меньшинства, оказывается в ситуации сложного выбора между своим фактическим, подлинным происхождением и предпочтением более престижной доминантной этнической общности, со знательным или же неосознанным желанием отождествления с ней.

Результатом такой необходимости выбирать часто становится формирование сложной, смешанной идентичности, сочетающей в себе как черты представителей группы этнического большинства, так и элементы, свойственные членам меньшего этнического сообщества.

Однако и здесь не всё так однозначно и просто, как может показаться на первый взгляд. Существует множество самых разных социальных групп, и по своим свойствам их можно с различной степенью точности отнести к одному из двух основных типов групп. Это: 1) группы с низким или вовсе нулевым уровнем межгрупповой мо-

бильности, возможности сменить собственную принадлежность, и 2) группы, примыкание к которым, или, напротив, выход из которых и переход в другие общности относительно лёгок и предоставляет индивиду свободу выбора. К первому типу, как правило, относятся группы большого масштаба: социальный слой, пол, раса и тому подобные. Ко второму — малые группы, например, политические партии, клубы, сообщества по интересам. Кроме того, большая или меньшая межгрупповая мобильность зависит от характера самого общества и исторической эпохи.

Этнические сообщества представляют собой нечто среднее между этими двумя крайностями. Если биологическую составляющую этнической принадлежности личности не изменить, то культурный компонент более гибок, допускает возможность выбора. У человека имеется шанс приобщиться к другой культуре и её ценностям. Однако вопреки желанию индивида принадлежать той или иной общности, ощущению единства и тождественности с ней, далеко не все биологические, наследственные данные могут успешно и удачно сочетаться с любым культурным контекстом. В ряде случаев образуется зазор между этнической принадлежностью и идентичностью, что способно привести к возникновению не просто смешанной, но ложной идентичности.

К тому же понятие идентичности подразумевает не только самоотождествление, но и одновременно идентификацию со стороны окружающих людей. И если представления личности о самой себе не совпадают с тем, как её воспринимают другие, если общество ожидает от неё иной поведенческой реакции и культурных проявлений, более привычных и уместных, на взгляд окружения, для данного представителя определённого этноса, к которому оно его приписывает, то процесс идентификации пройдёт по неудачному сценарию и приведёт к очередному кризису идентичности.

Несколько иную ситуацию представляют собой межэтнические, в том числе межрасовые, браки. Здесь тоже возможно и довольно часто наблюдается несоответствие между самоидентификацией индивида и его идентификацией со стороны других людей, «приписывания» к какому-либо из этносов. Выходцы из смешанных браков с полным правом могут претендовать на отождествление с этносом и этнической культурой как отца, так и матери, и эта смешанная, сложная идентичность уже не будет ложной, неподлинной. Хотя и в этом случае они не застрахованы от того, что их может не принять в качестве своих как одна, так и другая общность. Современное общество сосредоточило огромный потенциал межпоколенческой напряженности, противоречий, конфликтов. Поиск путей выхода из межпоколенческого кризиса сегодня представляется актуальным для полноценного функционирования и взаимодействия различных народов и культур. [5, с. 19]

В случае относительно удачной идентификации дети от межэтнических браков присоединятся сразу к двум этно-

культурным традициям. При реализации иных сценариев возможно тяготение к внутригрупповой идентификации с каким-либо одним этносом и его культурой. А при самом неблагоприятном исходе индивид переживает чувство разрыва, нахождения на стыке, на границе между культурами при отсутствии ощущения какой бы то ни было принадлежности к ним. Этот кризис идентичности может пробудить интерес к поиску своей этнической идентичности

либо к выражению своей принадлежности в иных категориях, нежели этнокультурная идентичность.

В реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя и с двумя релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в полиэтничном обществе.

Литература:

1. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. — 258 с.
2. Румянцева, Т. В. Особенности структуры идентичности студентов второго курса медицинского вуза // Ярославский психологический вестник. Выпуск 16. — Ярославль, 2005. — с. 73–77.
3. Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию. — СПб.: П. Э. Т. — «Алетейя», 1996. — 195 с.
4. Стефаненко, Т. Г. Социальная и этническая идентичность. — Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 397 с.
5. Ярычев, Н. У. Теоретико-методологические подходы к изучению сущности и природы конфликта: особенности современной интерпретации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2009. — № 5. — с. 17–22.

Философское восприятие понятий «этнос», «народ», «нация»

Керимов Махмуд Магомедович, доктор философских наук, профессор
Чеченский государственный университет

Понятие «этнос» используется в целом ряде наук, таких как этнография, этнология, этносоциология, социальная и культурная антропология, и многих других, а обозначаемая им общность людей, обладающих единичными объективными либо субъективными признаками, выступает в качестве предмета их изучения. В научной среде нет единого мнения о том, что такое этнос, и поэтому различные исследователи включают в число его характерных отличительных признаков происхождение, язык, культуру, территорию проживания, самосознание и прочее. В русскоязычной научной среде вместо термина «этнос» долгое время использовался термин «народ». Понятие же «этнос» было введено в отечественное академическое словоупотребление русским учёным-эмигрантом С. М. Широкогоровым в 1923 году. Согласно его определению, этнос — это «группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранящих и освящённых традицией и отличающихся от таковых других групп» [1, с. 105]

Но это только одна из дефиниций понятия «этнос». Наряду с ним существует множество других отличных друг от друга представлений о том, чем по своей сущности является данная общность людей. Из всего многообразия различных точек зрения на предмет того, что такое этнос, можно выделить несколько основных подходов. Первым,

исторически наиболее ранним направлением в этнологии является примордиализм, который иначе ещё обозначают как эссенциализм. Это подход, в рамках которого этническая принадлежность человека воспринимается как естественная объективная данность. Этнос здесь выступает как некая неизменная, первозданная общность людей «по крови» с присущими ей от природы, а значит, изначально данными неотъемлемыми чётко выраженными постоянными признаками, которые позволяют отличить её от какого-либо другого этноса. [1, с. 259]

Примордиализм оказал заметное влияние на представления об этносе, дальнейшее развитие многих из которых происходило как раз в его рамках. В нём существует большое количество различных не соприкасающихся друг с другом теорий и концепций. Большинство отечественных авторов предпочитает разделять их на два основных направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. [3, с. 149]

Представители социобиологического направления примордиализма полагают, что этническая принадлежность человека задана изначально, заложена в его генетическом коде и является его неизменной характеристикой. Осознание своей этнической принадлежности выступает основанием для объединения людей в эти особые биологические — кровнородственные — сообщества. Однако, несмотря на некоторую общность

взглядов, среди авторов, относящихся к социобиологическому направлению, нет единого мнения по вопросу о том, что собой представляет этнос, и в силу этого нам приходится иметь дело с большим количеством его различных определений.

Несмотря на то, что в отечественное научное словоупотребление понятие «этнос» было введено С. М. Широкогоровым ещё в 1923 году, «в советский период до 70-х годов XX века, — как утверждает С. О. Елишев, — категория «этнос» в науке, в которой всецело господствовал марксистский подход, вообще не употреблялась, а различение и классификация различных этнических общностей производилось с помощью понятий «племя», «народность», «народ», «нация». И только с начала 70-х годов XX века ситуация изменилась, а среди советских учёных началась полемика между представителями двух диаметрально противоположных друг другу подходов, по поводу определения феномена этноса и этничности. Спор шёл в рамках примордиалистского направления и основным камнем преткновения в нём являлся вопрос о том, какой категорией являлся этнос: природной или социальной?» [4, с. 335].

В отечественной этнологии и этнографии долгое время преобладало эволюционно-историческое направление, теоретически опиравшееся на марксистские воззрения. Наиболее популярной концепцией в его рамках стала дуалистическая теория этноса, разработанная Ю. В. Бромлеем. Дуалистической она названа в силу того, что в ней автор различает два смысла понятия «этнос». В узком смысле это «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)» [5, с. 243].

В настоящее время примордиализму противостоят две основные альтернативные концепции происхождения этносов — конструктивизм и инструментализм. Своя прелесть присуща каждому из подходов, и мы готовы принять аргументацию и согласиться с отдельными положениями каждого из них. Например, представление о народе как об этногенетической общности, на наш взгляд, соответствует представлению о вертикальном родстве, и связано с вертикальной этнической идентификацией. А понятие народа как этносоциальной общности соответствует представлению о горизонтальном родстве и соотносится с горизонтальной этнической идентификацией. Однако в силу того, что, к примеру, примордиализм и конструктивизм являются взаимно исключающими концепциями, сочетать между собой эти отдельные положения, принадлежащие различным направлениям этнологии и этнографии, далеко не всегда представляется возможным.

Определение понятий «этнос», «народ», по нашему мнению, требует конкретно-исторического подхода. Народ как конкретная форма общности людей является

исторически неоднородным образованием, а его социальная структура характеризуется большой сложностью и изменчивостью. Он не есть сумма, слагаемая из разрозненных индивидов, но представляет собой единство людей, которое основывается на конкретных объединяющих всех отличительных чертах: единстве происхождения и биологического своеобразия, места проживания, языка, традиций, менталитета и темперамента. Единство происхождения — это, с одной стороны, привязка к территории родной земли, исконного места проживания данного конкретного народа. С другой стороны, это происхождение от родителей и их предков, которые являются носителями генетической, родовой информации, передаваемой по наследству из поколения в поколение.

Единство языка, по нашему мнению, является чрезвычайно важным фактором, на котором основывается общность и единство народа. Единство культуры мы также считаем необходимым фактором единения народа как общности. Для него справедливо всё то, что было сказано о единстве языка. Без культуры и живого языка для этнического самоопределения народа остаются происхождение (находящее проявление, в том числе, и во внешнем облике людей) и место проживания, которые сами по себе малозначительны. Ещё одной чертой, обуславливающей существование того или иного народа, по нашему представлению, является этническое самосознание. Этническая общность формируется благодаря сознанию принадлежности людей к своему народу как чему-то единому, осмыслению генетической связи с другими членами общности, представлению о собственном происхождении. Как правило, члены этнического сообщества обладают знанием своих исторических корней и представляют, от какого рода, или скорее, родов, ведут своё действительное происхождение. В человеческом мире происходит непрерывающееся общение и взаимодействие людей друг с другом, и в этом общении большинство людей в своём видении мира, отношении к другим людям, поведении, образе жизни руководствуются культурными и нравственными ценностями, нормами. Оценка чужой культуры с позиций, стандартов, критериев своей собственной культуры, приводит человека к культурному центризму, доминирующему убеждению, что чужая культура хуже, чем собственная. [6, с. 21]

В современном мире ситуация с этногенетической принадлежностью усложняется. На этническое самосознание наслаиваются другие факторы, такие как национальная, религиозная и другие, в том числе и не территориальные, идентичности, общее гражданство, миграции. В настоящее время всё труднее становится утверждать, что этносы — это общности людей «по крови».

Принимая во внимание все приведённые выше сведения, мы можем дать определение понятию нации. В нём мы попытаемся объединить, насколько это возможно, типичные для западной и восточной традиций трактовки феномена нации, поскольку считаем, что их вполне можно сочетать друг с другом.

Итак, в соответствии с нашим представлением, нация — это общность людей, которая, подобно этносу, также разделяет единство языка, культуры (в том числе обычаев и традиций), своеобразия характера, темперамента и менталитета. До определённой степени они схожи тем, что их объединяет единство территории и экономической жизни. Но под нацией понимается более многочисленное по количеству входящих в него людей, более масштабное общественное образование. Она в большей степени устойчива в плане постоянства территории и в области экономики, в то время как народ более неоднороден, непостоянен и подвержен изменениям в этом отношении. Народы и народности образуются из близких по происхождению племён, а нации могут включать в себя неродственные племена и народы. Следовательно, нация отличается от народа тем, что она есть та форма общности людей, которую обретают народы в ходе истории; она больше, чем просто народ, по количеству входящих в неё людей, обладает более устойчивым составом территории и характером экономической жизни.

Термин «народ» в контексте нашего исследования употребляется как синоним слова «этнос», «этническая общность». В одном случае удобнее использовать одно из них, в другом — второе, или же оба сразу. В качестве прилагательного больше подходит понятие «этнический», чем «народный», поскольку выражения «народная общность», «народное самосознание» могут быть неверно истолкованы. Народом иногда называют население одной страны, но в этом смысле данное слово можно употребить лишь тогда, когда это население полностью или в подавляющем большинстве представлено одним этносом. В настоящее же время в мире гораздо чаще встречаются страны с по-

лиэтническим, нежели с моноэтническим составом населения.

Этнос мы определяем как форму общности людей, единство которых обусловлено общим происхождением, генетическими родственными связями, единым языком общения, историей, культурой, традициями, а также свойственными основной массе этих людей особенностями менталитета и темперамента. Причём единство языка и культуры являются, по нашему мнению, необходимыми чертами этнической общности и принадлежности. До определённой степени для этносов характерно наличие общей территории проживания — родной земли, и единство общественной, политической и экономической жизни. Вместе с тем социальная структура этнических общностей не обладает большой устойчивостью, она сложна и изменчива. Одним из определяющих факторов становления этнической общности является этническое самосознание, осознание людьми своего единства, своеобразия, собственной принадлежности к данной общности, а также её отличия от других этносов.

Как для народа, так и для нации весьма важным является момент самосознания входящих в их состав людей, осмысление собственной общности. При этом следует различать этническое и национальное самосознание. Даже в современном мире первое из них продолжает существовать наряду со вторым, и второе дополняет первое новыми полями общности. Для нации существенно не только сознание собственного существования, уникальности и отличия от других наций, но и признание со стороны этих других национальных сообществ. Возникновение и жизнь наций обусловлены как их самосознанием, так и их взаимным признанием в качестве таковых.

Литература:

1. Широкогоров, С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. — М: Логос, 2010, — 316 с.
2. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — М.: Лань, 1999. — 528 с.
3. Арутюнян, Ю. В., Дробижева Л. М, Сусоколов А. А. Эгносоциология. — М: Наука, 1998. — 271 с.
4. Елишев, С. О. Основы национальной политики. — М.: Канон +РООИ «Реабилитация», 2012. — 414 с.
5. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. — М: Госиздат, 1983. — 328 с.
6. Ярычев, Н. У. Теоретико-методологические подходы к изучению сущности и природы конфликта: особенности современной интерпретации //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2009. — № 5. — с. 17–22.

Манипуляция сознанием в массовой культуре

Котлярова Виктория Валентиновна, кандидат философских наук, доцент;

Михалёва Каролина Сергеевна, студент;

Куйдина Екатерина Александровна, студент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В данной статье рассматривается проблема манипуляции сознанием, анализируются способы манипуляции, а также ее последствия. Оценивается роль массовой культуры, как фактора формирования данного явления. Затрагивается проблема коммерциализации культуры, а также деградации населения под влиянием массовой культуры.

Ключевые слова: манипуляция, общество, культура, массовый, сознание, реклама, воздействие.

Проблема манипуляции сознанием в наше время, в информационном обществе, стала особенно актуальной. Это связано с тем, что большая часть людей находится под воздействием массовой культуры, которая и является источником информации, манипулирующей нашим сознанием. Целью данной статьи является исследование приемов манипуляции сознанием в современном обществе.

Манипулятором в обществе выступает, как известно — реклама. Она не всегда проявляется в той форме, в которой мы ее привыкли видеть. Это не только маркетинговые системы, но и так же элементарные способы повлиять на человеческое сознание посредством проникновения в привычные нам виды искусства, такие как киноиндустрия, музыка, художественная литература, живопись и другое.

С. Г. Кара-Мурза дал определение манипуляции так: «Манипуляция заключается в самом переносе механических или биологических понятий на человека как социальное существо» [1, с. 147.]

Наверное, каждый человек когда-нибудь задумывался над тем, принимает ли он решения сам или же его «подталкивают» к принятию возможно невыгодных для него самого решений. У многих при упоминании словосочетания манипуляция сознанием сразу в голове формируется образ неких лабораторий, встраивание чипов или же банальный гипноз. Есть также и такие, слишком самоуверенные личности, которые полностью отрицают возможность манипулирования ими. Утверждают, что никогда не поддаются чужому влиянию, принимают всегда взвешенные решения, которые пойдут им только на пользу. Истина, по обыкновению, находится где-то посередине. Каждым из нас ежедневно манипулируют, и не через гипноз или встраиваемые чипы, а через банальные СМИ, рекламу и т. п. Таким образом, навязывая нам «нужное» мнение. В основном, мы подвергаемся этому самому влиянию, Возможно даже не догадываясь об этом.

В конце XX — начале XXI в. массовая культура стала все больше внедряться в жизни людей. Однако ее роль можно характеризовать по-разному. Она дала возможность многим приобщиться к культуре, упростив ее, сделав понятной для большинства, в это же время появились мощнейшие механизмы манипуляции мнениями людей и формированием у них стандартного вкуса и цен-

ностей. В наши дни большая часть людей с помощью массовой культуры получает сведения о нормах поведения, обществе, культуре и многом другом. Реклама использует данную тенденцию, т. к. жилье, пища, одежда, и т. п. начинает пользоваться ажиотажным спросом, если срывает принцип «домино» в человеческом подсознании, после чего все действует в арифметической прогрессии. Именно поэтому в рекламных заголовках мы часто слышим о том, как популярен какой-либо товар и именно поэтому его необходимо попробовать и нам.

Массовая культура, что не маловажно стирает еще и национальные границы, становится мировой. Она тиражируется с помощью СМИ: радио, телевидение, пресса. «В культуре техногенных обществ всегда можно обнаружить идеи и ценностные ориентации, альтернативные доминирующим ценностям. Но в реальной жизнедеятельности общества они могут не играть определяющей роли, оставаясь как бы на периферии общественного сознания и не приводя в движение массы людей» [2, С 8.].

Вообще культурологи отмечают явление, которое называют коммерциализацией культуры. Например, Карл Маркс пишет об этом явлении так: «Милтон который написал «Потерянный рай» и получил за него 5 фунтов стерлингов, был непродуктивным работником. Зато, писатель, который работает для своего книготорговца на фабричный манер, является продуктивным работником. Мильтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с которой шелковичный червь делает шелк. Это было настоящее проявление его натуры. Затем он продал свое произведение за 5 фунтов стерлингов. А Лейпцигский литератор пролетарий, что фабрикует по указанию своего издателя книги... является продуктивным работником, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и происходит только для увеличения стоимости этого капитала» [3].

Манипуляции могут осуществляться различными способами. Для начала рассмотрим манипуляции с помощью языка слов. Первичной функцией слова считается суггестия — покорение из-за чувства, образы, подсознательное доверие. Внушаемость слов возникла еще до появления аналитического мышления у человека, поэтому логическая сфера как мир вербального мышления является платформой взаимопонимания и между людьми. Вли-

яние слов на человека зависит не от буквально произнесенного, а от коннотации — порождение образов слов и чувств через ассоциации, а также от атмосферы и оратора. В рекламном дискурсе манипуляция адресатом в нужном рекламодателю направлении заложена именно в использовании языковых особенностей. К манипулятивным компонентам относятся: оценочная лексика (оценочные прилагательные, существительные, наречия, глаголы), структурные элементы рекламы (слоган, код), стилистические средства (метафора, эпитет, риторические вопросы, рифма, каламбур), гендерная лексика, прецедентные феномены и т. д.

Следующим популярным видом является манипуляция с помощью языка цифр. Заметное место в современных рекламных сообщениях занимают числа — символические цифры, статистические данные, подробная историческая или экономическая информация

Далее рассмотрим манипуляцию с помощью зрительных образов. Этот вид воздействия является ключевым для телевизионной политической рекламы, ведь доказано, что основную массу информации человек усваивает через визуальный канал. Влияние слова зависит от образа, который он вызывает, а не от реального содержания. Часто слова-амебы (с неопределенным содержанием) оказывают наибольшее влияние, подкрепляясь зрительными манипуляциями, ведь толпа мыслит образами. Вместе с открытым словесным сообщением предоставляется «закодированный сигнал», с целью вызвать нужные образы. Целью является направить мысль адресата в необходимом направлении, чтобы при этом он об этом не догадался.

Телевидение сравнительно с другими средствами распространения информации имеет ряд характеристик, которые предоставляют рекламодателю глобальные возможности планирования рекламной стратегии, а так же манипуляции нашим сознанием. По разным критериям выделяют вербальное и невербальное влияние, манипуляции с помощью зрительных, звуковых чувств, цифровых показателей, архетипов и стереотипов, времени и продолжительности воздействия. Влияние политической рекламы на общую электоральную картину имеет непреходящее значение для функционирования здорового гражданского общества, поэтому изучается разными отраслями науки и требует дальнейших научных исследований в условиях постоянной трансформации социума.

Каждый человек ежедневно подвергается информационному воздействию. Но, все реагируют на манипуляцию по-разному в силу различных факторов, это могут быть: уровень жизни, психологическое состояние человека, способность его доверять и многое другое. Управление обществом и манипулирование мнением очень распространено в наше время. В большинстве своем этому способствуют средства массовой информации. Ведь именно СМИ — основной источник информации для современных людей, и поэтому превратились в основной инструмент манипулирования человеческим сознанием. Обществом всегда

и везде пытались манипулировать, но с появлением СМИ, а теперь и такого важного источника информации, как интернет, это делается гораздо проще и регулярнее. Способы манипуляции сознанием постоянно совершенствуются, это мы можем увидеть на примере эффективности рекламы.

Манипулирование может осуществляться различными способами, это также может быть распространение слухов и дезинформация. Сущность дезинформации состоит в умышленном предоставлении заведомо ложной информации с целью дезориентации личности. Главным способом дезинформации являются СМИ: газеты и журналы, радио, телевидение, Интернет. Следующим способом влияния является распространение слухов. Оно реализуется, по большей части, в условиях отсутствия достоверной информации и действует эффективно в больших коллективах, где есть большое количество объектов восприятия информации.

Общество часто подвергается манипуляции сознанием в массовой культуре. У массовой культуры намного больше минусов, нежели плюсов. Одним из главных негативных моментов является то, что люди, потребляющие массовую культуру, перестают мыслить, им просто навязывают единую точку зрения. Но каждый человек — личность, он должен мыслить, высказывая свое мнение на все происходящее. Всегда должна быть здоровая критика, например, Марк Твен говорил, что народ — единственный критик, чье суждение имеет цену. А если люди теряют способность мыслить, они теряют и возможность критиковать, а это в перспективе влечет за собой деградацию не только личности, но и общества в целом. Именно поэтому мы должны регулярно противостоять манипуляции, и в то же время защищать общечеловеческие ценности «Общечеловеческие ценности не являются чистой идеализацией, их невозможно просто выдумать или навязать обществу, они создаются и осознаются людьми, чтобы их жизнь имела цель и приобрела смысл в повседневной жизни, и, таким образом, общечеловеческие ценности имеют экзистенциальную наполненность» [4, С 1.].

Есть и еще один, не менее важный вопрос, можно ли противостоять этой самой манипуляции? Ответим на него словами нашего отечественного ученого, публициста, социолога С. Г. Кара-Мурза: «Сегодня мы выбираем между двумя типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где манипуляция сознанием станет главным и почти тотальным средством господства, так что некоторое время спустя перед нами вообще исчезнет проблема выбора, и борьбы. Речь прежде всего идет о школе русского типа — так, как ее сложила наша культура в советское время. Это школа, воспроизводящая народ и тип культуры. Она не дает следующему поколению превратиться в скопище индивидов, стать людьми массы. Она затрудняет и замену нашей культуры на мозаичную культуру человека массы. Школу ломают, но сломать ее трудно, она слишком ушла корнями в народ. Однако капля камень точит, и без сознательного сопротивления всех нас русскую школу ломают». [1, с. 441.]

В заключение следует отметить, что на нас везде действует пропаганда и агитация, которые пытаются воздействовать на наше сознание, заставляя принимать решения, невыгодные нам самим. К сожалению, на боль-

шинство населения эта пропаганда действует. Общество перестает мыслить самостоятельно, а это ведет впоследствии к деградации.

Литература:

1. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2004. — 528 с.
2. Философия и методология науки (учеб.-метод. пособие для студентов всех напр. магистратуры оч. и заоч. форм обучения) / сост. е.Ю.Положенкова, В. В. Котлярова; О. Н. Сысоева, Якунин А. А.; Ин-т сферы обслуж. и предпринимательства (филиал) федер. гос. бюджет. образоват. учреждения высш. проф. образования «Донской гос. техн. ун-т» в г. Шахты Рост. обл. (ИСОиП (филиал) ДГТУ). — Шахты: ИСОиП (филиал) ДГТУ, 2014. — 112 с.
3. Маркс, К. Теория прибавочное стоимости (IV том «Капитала») \ В сборнике К. Маркс, Ф. Энгельс об искусстве. М., 1957, Искусство, т I.
4. Котлярова, В. В. Экзистенциальные ценности как эксплицирующий принцип социального бытия человека // Аналитика культурологии. — 2009. — № 14. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-tsennosti-kak-eksplitsiruyuschiy-printsip-sotsialnogo-bytiya-cheloveka> (дата обращения: 14.01.2016).

Парадоксы поступков у киников и их связь с софистами

Кучковский Павел Валерьевич, аспирант
Омский государственный педагогический университет

Основная задача этой статьи заключается в том, чтобы предположительно восстановить философское наследие софистов. Мы отмечаем, что главное заключается в практическом характере философии и киников и софистов. И этим объясняется все остальное в их учениях. Вторая важнейшая роднящая черта — это конечно же, антитеза «природа» — «закон». И третье — это просветительский характер их деятельности. Также мы подчеркиваем, что из всех софистиков, именно киники были ближе всего к софистам. Они взяли от софистов большего всех принципов и довели их до крайности. Поэтому, мы беремся утверждать, что киники — это радикальные софисты!

Ключевые слова: парадоксы поступков, софисты, киники, софистики, естественность, добродетель, разум, остроумие, свобода, труд, счастье, цинизм.

Paradoxes acts at the Cynics and their connection with the Sophists

P. V. Kuchkovsky
Omsk state pedagogical university

The main objective of this article is supposed to restore the philosophical heritage of the Sophists. We note that the important thing is the practical nature of the philosophy and the Cynics and the Sophists. And this explains everything else in their teachings. The second important feature of uniting — it is certainly the antithesis of «nature» — «the law». And the third — it's educational character their performance. We also emphasize that of all the sophistry Owned Cynics were closest to the Sophists. They took most of the Sophists principles and brought them to the extreme. Therefore, we undertake to assert that the Cynics — a radical sophists!

Keywords: paradoxes actions, sophists, cynics, sophistic, naturalness, virtue, intellect, wit, freedom, work, wheel, cynicism.

Надо отметить, что из всех школ античной философии наиболее третируемыми являются софистическая и киническая. Это коснулось даже самих их названий: мы все знаем о так называемой софистике в дурном смысле слова т. е. обманчивом способе рассуждения и цинизме как презрительном отношении к людям, якобы берущим

свое начало в учении киников. В наше время, когда понятия «софистика» и «цинизм» у всех на слуху, представляется важным выявить связь между этими явлениями и их истоки.

Обратимся сначала к единственной «Истории философии», написанной собственно в античности Диогеном

Лаэртским. Итак, об Антисфене: «Антисфен, сын Антисфена, был Афинянин, но, по слухам, нечистокровный» [1, с. 215]. Далее: «Он утверждал, что труд есть благо, и приводил в пример великого Геракла» [1, с. 215]. Продолжает: «Он первый дал определение понятию: «Понятие есть то, что раскрывает, что есть или чем бывает тот или иной предмет»» [1, с. 215]. Кратко излагает его взгляды: «Мнения его были такие. Человека можно научить добродетели. Достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым. Добродетель проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знаний. Мудрец ни в чем и ни в ком не нуждается, ибо все, что принадлежит другим, принадлежит ему. Безвестность есть благо, равно как и труд. В общественной жизни мудрец руководится не общепринятыми законами, а законами добродетели» [1, с. 218]. Также пишет: «Он был искусный оратор и сладостью своей речи мог приворожить кого угодно» [1, с. 218]. И дополняет: «Он был очарователен в беседе и сдержан во всем остальном» [1, с. 219]. Также рассмотрим самого знаменитого киника Диогена из Синопы: «Диоген Синопский, сын менялы Гикесия» [1, с. 220]. Если же мы возьмемся охарактеризовать этого главного ученика Антисфена, то, пожалуй, самой показательной будет история из его юности. Наш автор пишет следующее: «Сам Диоген признает, что он обрезывал монеты. Некоторые рассказывают, что его склонили на это работники, когда он был назначен заведовать чеканкой, и что он, отправившись в Дельфы или дельфийский храм на родине Аполлона, спросил, сделать ли ему то, что ему предлагают. Оракул посоветовал ему «сделать переоценку ценностей», а он не понял истинного смысла, стал подделывать монету, был уличен и, по мнению одних, приговорен к изгнанию, по мнению других, бежал сам в страхе перед наказанием» [1, с. 220–221]. Характерны его поведение которое мы осмеливаемся назвать парадоксами поступков. Пример: «Однажды он закричал: «Эй, люди!» — но, когда сбегался народ, напустился на него с палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев»» [1, с. 224]. Делает общее замечание: «Он говорил, что никакой успех в жизни невозможен без упражнения; оно же все преодолевает. Если вместо бесполезных трудов мы предадимся тем, которые возложила на нас природа, мы должны достичь блаженной жизни; и только неразумие заставляет нас страдать. Само презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением; и как люди, привыкшие к жизни, полной наслаждений, страдают в иной доле, так и люди, приучившие себя к иной доле, с наслаждением презирают самое наслаждение. Этому он учил, это он и показывал собственным примером; поистине, это было «переоценкой ценностей», ибо природа была для него ценнее, чем обычай. Он говорил, что ведет такую жизнь, какую вел Геракл, выше всего ставя свободу» [1, с. 236]. И последнее важное замечание делает Диоген Лаэртский о Диогене Синопском: «Этот человек обладал поразительной силой убеждения, и никто не мог противостоять его доводам» [1, с. 237]. И кое-что о Протагоре из труда этого

же историка философии. Смотрим: «Протагор, сын Артемона из Абдеры. Он был слушателем Демокрита, а прозвище ему было Мудрость» [1, с. 348]. И продолжает: «Протагор был изобретателем подкладки, которую носильщики подкладывают под свою ношу, потому что он и сам был носильщиком, а в люди вывел его Демокрит, увидав, каким образом он связывает дрова в вязанки» [1, с. 349].

Из других источников. В «Антологии кинизма» находим интересный для нас пример: «...Парменид доказывал, что сущее неподвижно. Не будучи в состоянии опровергнуть это словами, киник Антисфен поднялся и начал ходить взад-вперед, считая, что гораздо убедительнее доказывать делом, чем возражать на словах (Элий. Комментарий к «Категориям», 220б40, р. 109,18 сл.)» [2, с. 127]. Из жизни Диогена: «Когда он гулял по портику не в том направлении, как все, это вызвало кое у кого смех. «Не стыдно вам, — сказал он, — идти вспять жизненному пути и в то же время порицать меня за выбранное направление во время прогулки?» (Стобей. Антолог., IV, 84)» [2, с. 130]. Так парадокс поступка представлен в «Антологии античной философии»: «Девизом всех киников можно считать слова Диогена: «Ищу человека». По преданиям, Диоген, бесконечно повторяя эту фразу, среди белого дня ходил с зажженным фонарем среди толпы. Смысл этого поступка философа заключался в том, что он демонстрировал людям их неверное понимание сущности человеческой личности» [3, с. 207]. И несколько предложений про Диогена от М. А. Дынника: «Знаменитый Диоген всей своей жизнью пропагандировал учение кинической школы. Он проводил свое время преимущественно на открытом воздухе, одетый в лохмотья; пил только воду, отвергая употребление вина; в крайнем случае ему убежищем служила бочка. Для «доказательства» того положения, что свои потребности следует сводить к минимуму и этим способом бороться с невзгодами, он в зимние холода обнимал мраморные статуи, выставленные в общественных местах, в летнюю жару он нагим лежал на раскаленном песке» [4, с. 183]. Это как раз и демонстрирует парадоксы поступков, о которых и должна идти речь в статье! Далее находим у А. Н. Чанышева: «Отказываясь быть выкупленным из рабства своими учениками, он хотел показать, философ-циник, будучи даже рабом, может стать господином своего господина — раба своих страстей и общественного мнения. Когда его продавали на Крите, он попросил глашатая объявить о том, не хочет ли кто купить для себя хозяина» [5, с. 235]. Прекрасная иллюстрация к тому, что мы назвали парадоксами поступков!

Важно отметить тот момент, что свои прекрасные навыки красноречия Антисфен и Диоген развили благодаря Горгию. И приведем несколько фраз о нем из «Курса лекций по древней философии» А. Н. Чанышева. Читаем: «Горгий был выдающимся оратором, способным говорить экспромтом на любую тему, находя для всего и похвалу, и порицание. Он умел побивать серьезность противника шуткой, а шутку — серьезностью. Он умел убеждать» [5, с. 211].

Помимо этого, мы располагаем данными о киниках от других авторов. Попробуем соединить все вместе. Из име-

ющихся у нас данных можно четко сделать определенные выводы.

Первое — это софистическое отрицание системного знания т. е. науки Антисфеном. С. Н. Трубецкой указывает, что «агностицизм Антисфена, или его отрицание возможности знания является чистой софистикой» [6, с. 303]. И Дж. Г. Льюис подытоживает: «По мнению Антисфена, наука как таковая попросту невозможна» [7, с. 24]. Об этом убедительно писали Протагор и Горгий!

Второе — это практический характер философии, идущий от софистов. И далее С. Н. Трубецкой пишет следующее: «Киническое учение отличалось практическим характером» [6, с. 302]. Д. В. Джохадзе отмечает: «Диоген известен как представитель практического кинизма» [8, с. 73]. Это явно общая черта с софистами, обучавшими знанию необходимому для жизни в обществе!

Третье — это отрицание общих понятий и возможности противоречивых суждений. Причем, первое исходит от Горгия, а второе от Протагора. Т. Гомперц писал: «Антисфен будто бы утверждал, что противоречие невозможно. Если два лица употребляют одно и тоже название, то возможны два случая. Либо они употребляют его в одном и том же смысле, с одинаковым и полным знанием его содержания, тогда и их мнения, основываемые на этом знании, должны совпадать; либо они высказывают различные мнения о разных вещах, и тогда противоречия тоже нет» [9, с. 166]. В. Виндельбанд пишет следующее: «Антисфен при выполнении постулата о выявлении пребывающей сущности вещей с помощью определения вернулся к взгляду Горгия, что ни одному субъекту нельзя приписать предиката, сколько-нибудь отличающегося от субъекта, и обострил эту мысль до утверждения, что возможны только тождественные суждения. На основании этого, по его мнению, определению поддается только сложное; все же простое можно обозначить только присущим ему индивидуальным именем, но это имя опять-таки не схватывает самой сущности вещи. Таким образом это учение о познании завершилось чистым скептицизмом, который проявился также и в том, что Антисфен принял ту часть учения софистов, по которой противоречие вообще невозможно» [10, с. 147]. В этих рассуждениях чувствуется парадокс!

Как пишет С. Н. Трубецкой: «Разрешение этого софизма просто: если нет логического суждения, нет и противоречия и логического заблуждения; если нет возможной связи понятий, то нет ни истинных, ни ложных суждений, нет логики вообще: киники «зашивают людям рты». Таким образом на развалинах теоретической философии воздвигается философия практическая» [6, с. 304–305]. Слова ничего не доказывают, убеждают только поступки!

Также в «Очерках истории античной философии» Н. Н. Залесского обнаруживается сродное с позицией знаменитого Горгия: «В теории познания киники пришли к чистому скептицизму. Антисфен отрицал реальность общего. Киники признавали лишь существование единичного, отдельных вещей. Общие понятия киники считали бессодержательными названиями, поскольку имя не схватывает

самой сущности вещи» [11, с. 64]. Как известно такая позиция в средневековье стало носить название номинализма. Похожую оценку киников мы встречаем и у М. А. Дынника в его «Очерке истории философии классической Греции». Читаем: «Общефилософские положения киников развиваются в борьбе с объективным идеализмом Платона. Отрицая существование и философский смысл платоновских идей, киники заняли в логике и теории познания позицию, прямо противоположную Платону: они признавали существование лишь единичного, чувственного, общие же понятия считали бессодержательными названиями. Здесь отчетливо выступает известная метафизико-материалистическая тенденция, принимающая форму своеобразного примитивного номинализма» [4, с. 183]. Об этом же пишет Т. М. Джафарли: «В своих беседах он выступал с сенсуалистических позиций уже против этических воззрений Сократа, а еще чаще — против Платона. В своем споре с Платоном Антисфен высказал ряд суждений, сходных с мыслями будущих номиналистов. В частности, Антисфен отрицал реальность всеобщих идей — «видов», отмечая, что реальным бытием обладают лишь отдельные, единичные вещи. Что касается понятия, то оно, по мнению этого видного представителя киников, лишь указывает на то, что есть объект. Понятие — это мысль, которую можно выразить словом, но самостоятельной реальностью, как это можно утверждать относительно единичного, оно не обладает» [12, с. 100]. Так же о противостоянии Антисфена и Платона пишет и В. Ф. Асмус: «Антисфен резко выступал против учения Платона о бестелесных постигаемых умом «видах» или «идеях»» [13, с. 85]. И далее: «Учение Платона об умопостигаемых «видах» несостоятельно, так как восприятию доступен единичный, чувственно воспринимаемый экземпляр вида, но никак не самый «вид» или «идея»» [13, с. 86]. Поясняет это: «Основное теоретическое положение Антисфена — отрицание реальности общего. Существуют только единичные вещи. Понятие есть лишь слово, объясняющее то, чем вещь бывает или что она есть. Поэтому применение к отдельным предметам общих понятий невозможно: невозможно ни соединение различных понятий в единстве суждения, ни определение понятий, ни даже противоречие, так как о всякой вещи может быть высказано только суждение тождества» [13, с. 86]. Д. В. Джохадзе по этому поводу пишет: «В гносеологическом отношении Антисфен придерживается точки зрения софистического скепсиса. Отрицая всеобщее знание или понятие, он тем самым считает, что ни одно истинное суждение не есть синтез различного. Антисфен полагает невозможным приписывать какому-либо субъекту сколько-нибудь отличный от него предикат и утверждает, что в качестве истинных возможны лишь одни тождественные предложения» [8, с. 73]. Это все теоретическое обоснование требования практичности философии!

Довольно неожиданную оценку кинической школы приводит А. Н. Чанышев. У него подробно раскрывается учение Антисфена о познании: «Учение Антисфена о том, что возможны и допустимы лишь тавтологические

суждения связано с положением кинического философа о противоречии. Правда, мы не можем сказать, что из чего следует: учение о противоречии из учения о суждении или, наоборот, учение о суждении из учения о противоречии» [5, с. 230]. Возникает закономерный вопрос в чем собственно он видел это самое противоречие? Ответ: «Во всем. В эпоху Антисфена философская мысль древних греков вплотную подошла к открытию некоторых законов мышления, в том числе и к главному из них — к закону противоречия (точнее говоря, к закону запрещения противоречия). Антисфен, вплотную подойдя к открытию закона противоречия, не сумел определить сферу применимости этого закона. Он отождествлял разное и противоречивое. И так, получается, что тот самый философ, который первый дал определение понятия, отрицал возможность определения. Этот философ вошел в историю философии как философ, который отвергал возможность определения предмета на том основании, что субъекту нельзя приписать отличный от него предикат» [5, с. 231]. Какое же следствие получается из всего вышесказанного? Примерно так: «Из антисфеновского понимания противоречия следовало не только отрицание возможности иных суждений, чем суждения наименования, но и отрицание объективности общего. В этом отрицании киники опирались также и на утверждение, что существует лишь то, что мы непосредственно воспринимаем чувствами. Но чувствами мы воспринимаем только единичное, отдельное, а не общее. По Антисфену, определение — это многословие, таящее в себе противоречивость» [5, с. 231–232]. В этих выводах четко ощущается присутствие Протагора!

Четвертое — это софистическое противопоставление «природы» и «закона». Интересно исследуемую нами проблему представляет В. Виндельбанд: «По отношению к обществу цинический мудрец чувствует себя также свободным: он понимает людские предрассудки, он презирает их болтовню, его не связывают ни их законы, ни их обычаи. Самодержавность добродетельного мудреца не нуждается в цивилизации и отвергает ее. Софистское противопоставление фюзис и номос (узаконенного природой и установленного людьми) возводится в принцип; все, установленное человеческим законодательством, считается неестественным, и частью излишним, частью пагубным, и вот циники проповедают, стоя в самом центре полноты и красоты греческой цивилизации, возвращение к естественному состоянию, которое потеряло вместе с опасностями культуры и все ее блага» [10, с. 150]. Тут тоже налицо определенный парадокс!

И еще один немецкий историк философии. Последнее у Г. Арнима: «С понятием «природы» (фюзис) и «установления» (номос) Антисфен распоряжается совершенно в духе софистического Просветительства. Источник всех зол — противоречащие природе установления и условности. Антисфен и циники применяют это само по себе растяжимое положение в таком смысле, который коренным образом враждебен культуре. Естественное право везде и для всех людей одно и то же. Различия положитель-

ного права возникли только благодаря многочисленным отклонениям от естественного; они то и раскалывают теперь человечество на множество воюющих друг с другом народов и государств» [14, с. 49]. Противоречие — основа парадокса!

Находим в «Очерках истории античной философии» Н. Н. Залесского: «Вспомним софиста-олигарха Антифонта, который выступал против достижений культуры, против «искусства», которое он презрительно называл «детской забавой», для него идеал — первобытное состояние. По этому пути и пошел один из учеников Сократа — Антисфен» [11, с. 63]. И продолжим: «Недовольный настоящим строем жизни, его искусственностью, испорченностью, он ищет спасения в возврате к изначальному, естественному состоянию. Внешним потребностям и слабостям культурного человека он противопоставляет отсутствие потребностей, выносливость и мнимое здоровье и долголетие зверей» [11, с. 63]. Вот откуда корни! Посмотрим дальше: «Согласно учению Антисфена и его последователей культура не улучшает жизнь людей, а только осложняет ее. Всякий прогресс — зло. Природа целесообразна и совершенна. Человеческий произвол лишь запутывает все» [11, с. 64]. Напоминает знаменитого Руссо, не так ли?

Интересную характеристику школы киников предлагает А. Н. Чанышев. Далее идет развитие, введенного софистами противопоставления «натуры и культуры» или «природы и закона». Итак, читаем: «У киников добродетельные поступки — это вовсе не такие поступки, в которых наиболее сильно выражено следование господствующим этическим нормам и государственным законам. Киники с презрением относились к гражданской и государственной добродетели. Законы государства и законы добродетели — не одно и то же; более того, они часто противоречат друг другу» [5, с. 232]. У киников «жизнь по природе» означала такой образ жизни в котором обладали такие ценностные категории как свобода и добродетель. Читаем: «Критерием добродетели и примером счастливой жизни могут быть только мудрец и его жизнь, а таким мудрецом может быть только киник. Добродетельная и счастливая жизнь — прежде всего и есть в основном жизнь свободная. Но чтобы быть свободным, недостаточно быть не-рабом. Большинство политически свободных людей — рабы своих потребностей, своих вожделений, своих неосуществившихся и неосуществимых желаний, своих претензий на материальное и иное благополучие. Единственный способ стать счастливым и свободным — отказ от большей части своих потребностей, сведение их до самого мизерного уровня, ставящего жизнь человека в один ряд с жизнью животного» [5, с. 233]. Вот вам и парадокс свободы!

Как указывает нам Д. В. Джохадзе: «Софистическое противопоставление природы и общественных законов у него (Антисфена — П. К.) возводится в принцип» [8, с. 73]. Идеальная преемственность!

А. С. Богомолов по данному вопросу пишет следующее: «Вместе с софистами, киники противопостав-

ляют закону и обычаю людей — «природу». Все общественные установления искусственны и условны, мнения ложны и уводят в сторону от истинного счастья; добродетель и порок в общепринятом смысле слова — пустые слова. Поэтому «природа», определившая тот минимум, в котором нуждается человек, служит достаточным критерием нравственного поведения» [15, с. 129]. «Натуралистический» релятивизм?!

И заканчивает Владислав Татаркевич — польский историк философии. Читаем: «Собственно говоря, употребляя известные среди софистов понятия, он утверждал, что лишь добродетель по своей «природе» является благом, все же остальное, если и принимается за благо, то только по договору» [16, с. 119]. Выходит, что нравственность заключается в естественности?!

Карл Форлендер объединяет выделенные черты в одном высказывании: «Антисфен — этот античный Руссо, сделал вывод, что все науки, которые не могут быть применены к практической жизни, являются ненужной безделушкой, а вся основанная на них культура ведет к гибели» [17, с. 62]. Емко!

Пятое — это просветительская критика устаревших установлений.

В итоге мы получаем такую картину со слов Э. Целлера: «Они сознательно оскорбляли не только общепринятые воззрения и приличия, но нередко и естественное чувство стыда, чтобы продемонстрировать свое равнодушие к людским мнениям. Они боролись в качестве просветителей против религиозной веры и культа своего народа: в действительности (ката фюзис «по природе») существует лишь единый бог, который не подобен ничему видимому, и только обычай (номос) создал многих богов; и точно так же киники усматривали подлинное богослужение только в добродетели, которая делает мудрецов друзьями богов (т. е. божества); напротив, о храмах, жертвах, молитвах, обетах, таинствах и прорицаниях они высказывались совершенно отрицательно; в гомеровы и иные мифы Антисфен вкладывал аллегорический моральный смысл» [18, с. 115–116]. Просветительская отвага!

Любопытно пишет о киниках К. Форлендер в своей «Общедоступной истории философии». «Он (Антисфен — П. К.) также имел мужество открыто отвергать народную религию, либо старался толковать сказания о богах и героях в духе чистого монотеизма, т. е. веры в единое божество» [17, с. 62]. А затем приводит свою оценку учения киников: «Достоин похвалы, с нашей точки зрения, их требование, уничтожения всяких сословных, национальных границ, неравенства полов, также их защита такой просвещенной религии, которая видит истинное служение Богу в стремлении к добродетели» [17, с. 63]. Прогрессивно! Ну разве не молодцы!

В. Виндельбанд о киниках: «Циники презирали все, что вообще ценится людьми» [10, с. 148]. Строили новое, разрушая старое!

Н. Н. Залесский писал: «Замечательно, однако, то, что киники, которые отвергли веру в отечественных богов,

вместе с тем видели в мифах об этих богах начало откровения. Антисфен и его последователи усердно занимались не осмеянием мифов, а их толкованием. Геракл — излюбленный киниками образ, образ добродетельного мудреца, заимствованный ими у Продика Кеосского» [11, с. 64]. Развитие просветительского духа софистов!

Д. В. Джохадзе отмечает: «Киники единственным верным средством приобщения к добродетели считали отказ от признанных норм государственного общежития — политических, юридических, моральных, традиционных, культурных» [8, с. 72]. Благо — следование «природе»!

А. С. Богомолов заканчивает: «Решительное осуждение богатства, роскоши, наслаждений, превышающих меру необходимого, сопровождаются проповедью неприхотливой жизни, умеренного труда, дающего душевный покой и укрепляющего тело и дух, честной бедности. Опровергаются традиционные религиозные учения: «по природе» существует один лишь бог — разум мира, а прочие боги существуют лишь «по обычаю»» [15, с. 129]. Критика верований с помощью разума, которая исходит опять же от софистов!

Шестое — усмотрение обретения счастья путем личных усилий.

Э. Целлер И чуть далее опять находим общее с софистами: «Сама добродетель сводится к мудрости или разумению, и поэтому также утверждается ее единство и доступность обучению; но разумение здесь отождествляется с силой воли, обучение — с нравственным упражнением» [18, с. 114]. Человеком надо еще стать!

В. Виндельбанд продолжает: «Основная мысль цинизма во всех этих определениях та, что человек должен определяться только самим собой!» [10, с. 149]. Каждый сам ответствен за свою жизнь!

М. А. Дынник в своем «Очерке истории философии классической Греции» пишет следующее: «Киники учат, что благо индивидуально для каждого отдельного человека. Основую нравственности является индивид, единичное благо которого, по учению этой школы, выше самой жизни. Нравственные задачи индивида состоят в подавлении страстей, к сведению всех своих потребностей к минимуму; отсюда учение об «апатии», бесстрастии, равнодушии к богатству, славе, чести, браку, семье, политике, религии, науке, ко всей рабовладельческой культуре. Ради личной добродетели, ради своего «Я» можно отказаться от самой жизни» [4, с. 183]. Спасти душу от соблазнов!

И их этические взгляды кратко охарактеризуем цитатами Н. Н. Залесского: «В кинизме, как у софистов, как у Сократа, проявляется стремление к индивидуальной независимости, к личной свободе, свободе от боли, от печали, от потрясений, от страстей и заблуждений. Таким образом, эвдемония, счастье получает отрицательное определение. Отсюда аскетическая мораль, идеал крайней простоты, презрение к большинству нужд и потребностей, насмешка над всеми условностями, над религиозными предрассудками, проповедь

безусловной естественности и безусловной личной свободы. Отсюда учение об автаркии, самоудовлетворении мудреца, его «достатке» [11, с. 64–65]. Истинно свободен лишь мудрец!

У В. Ф. Асмуса общее между киниками и софистами обнаруживается в «насмешке над всеми условностями, над религиозными предрассудками, проповеди безусловной естественности и безусловной личной свободы» [13, с. 86]. Это оригинально объединяет сразу несколько позиций!

Седьмое — саркастическое отношение к жизни в целом, выросшее из софистической иронии.

К. Форлендер пишет: «Напротив, их отрицание всякой культуры и прославление жизни, близкой к природе, особенно в половом отношении, — переходило в грубость, так что слово «цинический» и «цинизм» еще и теперь остается синонимом бесстыдства на словах и деле» [17, с. 63]. Ирония истории...

Н. Н. Залесский: «Киники, полные презрения к толпе, одержимой иллюзиями, «обманными видениями» славы, богатства, наслаждения выступали с речами, полными сарказма» [11, с. 65]. Они же революционеры!

А. С. Богомолов: «Киник не говорит, а кричит, издевается, сквернословит... Недаром слово «цинизм» вошло в европейские языки в весьма негативном значении» [15, с. 129]. Иначе нельзя было достучаться до людей!

И Вл. Татаркевич делает заключение: «Их способ жизни, насмешки над общественным мнением, над культурой и всеми почитаемыми добродетелями получил название «цинизма». Для определения первоначальной философии киников, в целом, не «циничной», имеется другой термин — «кинизм». Циники с философией уже не имели ничего общего» [16, с. 121]. Однако развели понятия «кинизм» и «цинизм»!

Отсюда мы видим глубокую антиномичность кинизма, присущую также и софистам. И тут можно было бы даже по аналогии с «апологией софистов» от хулителей провести специальную «апологию кинизма» от «цинизма», но это уже совсем другая задача. Странное совпадение, что именно эти два учения античности подверглись самым большим нападкам и искажениям. Возможно, причина кроется в том, что именно эти философские школы оказали наибольший эффект на развитие современного им общества.

Несколько рассуждений о самих главных идеях, перенятых у софистов.

Начнем с немецких исследователей, как самых вездельных и честных. К. Форлендер о Протагоре: «Каждое представление обладает лишь относительной истинностью, потому что для каждого исследующего оно зависит каждый раз от условий его восприятия: больному, например, определенные вещи кажутся иными, чем здоровому. В силу этого для человека лучше всего отойти от бесплодных теоретических спекуляций, посвятить себя практическим жизненным задачам, чтобы с разумной дальновидностью и учетом всех последствий научиться господствовать над силами природы и отношениями между людьми, осо-

бенно в области политики» [17, с. 32]. Теперь Э. Целлер: «Обычно, странствуя из города в город, они предлагали свое преподавание всем жаждущим знания и требовали за это довольно высокое вознаграждение, что, по существу, не может служить им упреком, но что было доселе не принято и что при укоренившемся у греков предубеждении против всякого труда, направленного на заработок, во всяком случае могло быть истолковано в дурную сторону. Главным предметом учебной деятельности софистов была подготовка к практической жизни, и в качестве софистов в узком смысле слова принято со времени Платона обозначать людей, которые выступали профессиональными учителями «добродетели» и обещали делать своих учеников умелыми в действиях и речах и способными к руководству частными и государственными делами» [18, с. 86]. И далее: «И тем самым было дано то различие — или, пока не доставало более глубокого научного обоснования этики, — то противоположение *nomos* («закона») и *physis* («природы»), которое стоит в средоточии софистической морали» [18, с. 87]. По мнению Г. В. Ф. Гегеля: «Научного значения циническая школа не имеет; она составляет лишь момент, который необходимо должен иметь место в сознании всеобщего, момент, состоящий именно в том, что сознание в своей единичности знает себя свободным от всякой зависимости от внешних вещей и удовольствий. Кто стремится к богатству или удовольствию, для того такая вещь, как реальное сознание или его единичность, есть в самом деле сущность. Но циники фиксировали этот отрицательный момент таким образом, что видели свободу в действительном отказе от так называемого излишнего; они признавали лишь абстрактную неподвижную самостоятельность, не желающую иметь дело с удовольствиями и не интересующуюся общественной жизнью. Но истинная свобода состоит не в таком бегстве от удовольствий и от дел, полезных другим и имеющих в виду другие жизненные цели, а в том, что сознание при полной переплетенности со всякой действительностью все же стоит выше ее и остается свободным от нее» [19, с. 110]. В. Виндельбанд пишет следующее: «Софистика обратилась, поскольку она вообще прибегала к научной работе, к внутреннему опыту и дополнила односторонность прежней философии исследованиями душевной жизни человека. Руководствуясь такой главным образом антропологической тенденцией, она направила философию на путь субъективизма» [10, с. 119–120]. Далее он отмечает у софистов «шутливое отношение к делу» [10, с. 126]. Обобщает: «В этом смысле софистика боролась отчасти с точки зрения «естественного права», отчасти с точки зрения абсолютной анархии против многих из бывших тогда в силе установлений: они боролись не только против всяких преимуществ аристократии, как демократично настроенный Ликофрон и как Алкидам, против такой существенной основы античного культурного общества, какой было рабство, но в заключении — и против всего принятого и установленного традициями» [10, с. 128]. И там же: «Самостоятельность индивидуального суждения, которую провозгласило просвещение, разрушила господ-

ство всякого авторитета и разложила структуру народного сознания» [10, с. 128]. Последнее: «В софистической литературе мы встречаем все оттенки религиозного свободомыслия — начиная с осторожного скептицизма Протагора, который заявил, что он ничего не знает о богах, переходя затем к антропологическим и натуралистическим объяснениям веры в богов у Крития и Продика, и кончая определенно выраженным атеизмом такого софиста, как Диагор из Мелоса» [10, с. 128]. Очень подробно и доходчиво! За немцами можно не перепроверять!

Закончим рассмотрением отечественных философов об общих позициях. Сначала обратимся к тому, что нам сообщает С. Н. Трубецкой. Читаем: «Если с понятием платного наемного труда у многих связывались аристократические предрассудки, то торговать словом, и притом профессиональной мудростью казалось предосудительным» [6, с. 238]. Далее: «Добрые граждане относились подозрительно к иноземным воспитателям, которые не могли внушать своим питомцам уважения к отеческим обычаям; напротив, они расшатывали традиции» [6, с. 238]. Продолжает: «Правда, подозрения эти не всегда были справедливы, и упрекать софистов в поголовном космополитизме было бы несправедливо» [6, с. 239]. А. Ф. Лосев — русский философ, работавший в советское время следующим образом определял развитие кинизма: «Он начинается с безусловной отдачи себя на волю жизненного процесса и доведения человека до животной жизни, свободной решительно от всех достижений культуры и цивилизации, переходит в дальнейшем к воздержанности от всяких жизненных эксцессов и к их прямому отрицанию и в конце концов завершается победой над ними в результате длительного воспитания и полным самодовлением углубленного в себя мудреца. Так причудливым образом сочетались в кинизме идеалы софистического свободомыслия с идеалами сократовского мудреца, свободного от всяких материальных привязанностей» [20, с. 118–119]. Н. Н. Залесский пишет следующее: «Философская мысль подвела критике традиционные религиозные верования, поставила вопрос о познании истины превратным мнениям. Традиционным суждениям гражданского коллектива противопоставляется суждение свободного индивида. Вера в богов, законы государства, принципы нравственности подвергались уничтожающей критике» [11, с. 47]. Далее читаем у М. А. Дынника: «Со-

фисты являются ярчайшими представителями того культурного движения V в. до н. э., которое условно можно назвать древнегреческим «просвещением». Они выступают критически против старых взглядов, старой идеологии, причем особое внимание они обращают не столько на то или иное понимание природы, сколько на понимание общественных отношений» [4, с. 160]. Наши хороши!

Итак, мы осмелимся сформулировать общие характерные черты у софистов и киников. Во-первых, идеал природы; во-вторых, космополитизм; в-третьих, культ сильной личности (Геракл); в-четвертых, выходцы из народа и почти все иностранцы (не афиняне); в-пятых, интерес к толкованию мифов; в-шестых, антагонизм с Платоном; в-седьмых, критика народной религии; в-восьмых, индивидуалистическая этика; в-девятых, номинализм; в-десятых, практицизм; в-одиннадцатых, высмеивание устоявшихся общественных мнений; в-двенадцатых, педагогическая деятельность; в-тринадцатых, идея общечеловеческого равенства.

К этому можно присовокупить некоторые пояснения. Здесь одной из граней специфики деятельности софистов и киников указывается труд. Труд за деньги эллины считали равным рабству. Сделать его руководством к жизни было очень смело со стороны софистов и киников. Также софистов называли «учителями добродетели», а киники только этому собственно и обучали. Ну и конечно прославленное остроумие софистов и киников!

В итоге, мы видим, что основная тенденция в деятельности как софистов, так и киников — это ПРОСВЕЩЕНИЕ! Можно зафиксировать интересный процесс: из обнаружения противоречия в мышлении людей софисты и киники делают вывод о бесполезности теоретических построений и направляют свою активность на практику! Это подтверждается также опорой на чувства, как самый очевидный критерий познания. Дух Свободы руководил и теми и другими! Отсюда и насмешка над традицией и людьми, не желавшими думать самостоятельно и обрести искомую! Софисты открывают антропологическую проблематику, а киники подхватывают и делают основой философствования! Как видно, киники отличались предельной прямоотой и честностью и, взяв на вооружение в борьбе против невежества все основные идеи софистов, они довели их до предела! Из этого очевидно следует, что киники — это радикальные софисты!

Литература:

1. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; Пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М.: Изд-во «Мысль», 1998. — 572 с.
2. Антология кинизма: Философия неприятия и протеста / Примеч. и коммент. И. Нахова. — М.: ТЕРРА, 1996. — 432 с. — (Сокровища мировой литературы).
3. Антология античной философии / сост. С. В. Перевезенцев. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 415 с.: ил. — (Мировая философия).
4. Дынник, М. А. Очерк истории философии классической Греции / М. А. Дынник. — М.: СОЦЭКИЗ, 1936. — 272 с.
5. Чанышев, А. Н. Курс лекций по древней философии / А. Н. Чанышев. — М.: «Высшая школа», 1981. — 374 с.

6. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. — 576 с., илл.
7. Льюис Дж. Г. Античная философия: от Евклида до Прокла / Дж. Г. Льюис. — Мн.: Издательско-коммерческое общество «Галаксиас», 1998. — 224 с.
8. Джохадзе, Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики: Эпоха античности. / Д. В. Джохадзе, Н. И. Джохадзе. Изд. 2-е. — М.: КомКнига, 2010. — 328 с.
9. Гомперц, Т. Греческие мыслители в 2 т. Т. 2 Сократ и сократики. / Т. Гомперц. Пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык. Науч. ред. нового изд., коммен., примеч. и предис. А. В. Цыба. — СПб.: «Алетейя», 1999. — 269 с.
10. Виндельбанд, В. История древней философии / В. Виндельбанд. — М.: Изд-во «Книга по требованию», 2014. — 416 с. — (печатается с издания 1911 года).
11. Залесский, Н. Н. Очерки истории античной философии. I Философия классической греции / Н. Н. Залесский. — Л.: Изд-во Ленинградского у-та, 1975. — 103 с.
12. Джафарли, Т. М. Из истории домарксистской этики (краткий очерк) / Т. М. Джафарли. — Тбилиси: Ганатлеба, 1970. — 442 с.
13. Асмус, В. Ф. История античной философии / В. Ф. Асмус. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1965. — 320 с.
14. Арним, Г. История античной философии / Пер. с нем. и предисл. С. И. Поварнина. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с.
15. Богомолов, А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 368 с.
16. Татаркевич Вл. История философии / Вл. Татаркевич. — Пер. с польск. В. Н. Квасков. — Пермь: Изд-во Перм. у-та, 2000. — Античная и средневековая философия. — 482 с.
17. Форлендер, К. Общедоступная история философии / К. Форлендер. Пер. с нем. П. Виноградской, предисл. Е. Преображенского. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. — 316 с.
18. Целлер, Э. Очерк истории греческой философии / Пер. с нем. С. Л. Франка, примечания М. А. Солоповой. — М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 352 с.
19. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. 1816—1826. / Г. В. Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1994. — 423 с.
20. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / Худож.-оформитель Б. Ф. Бублик. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. — 846 с.

Парадоксы смыслов у мегариков и их связь с софистами

Кучковский Павел Валерьевич, аспирант
Омский государственный педагогический университет

В этом исследовании мы подчеркиваем, что при всем разнообразии философских школ в античности именно пять тесно связанных между собой являлись софистическими и парадоксальными. Еще важным открытием является факт широкого распространения софизмов и парадоксов как форм неортодоксального (парадоксального) мышления в античной культуре. И отмечаем, что для софизмов характерна шутливость, а для парадоксов серьезность. Также мы стремимся показать, что мегарская и элидо-эритрейская школа являлись выразителями субъективной диалектики унаследованной ими через софистов от элеатов и развитую в такой уникальный метод защиты своего учения как парадоксы смыслов. Если киники довели до предельных оснований практическую составляющую учения софистов, что воплотилось у них в парадоксах поступков, то мегарики и элидо-эритрейцы теоретическую т. е. от парадоксов слов пошли дальше к парадоксам смыслов.

Ключевые слова: парадоксы слов, парадоксы смыслов, софисты, мегарики, элидо-эритрейцы, элеаты, субъективная диалектика, эристика, пейрастика, софизмы, софистики, шутливость, серьезность.

Paradoxes of meaning at the Megarians and their relationship with the Sophists

P. V. Kuchkovsky
Omsk state pedagogical university

In this study, we emphasize that with all diversity of philosophical schools of antiquity precisely five was closely related were sophistical and paradoxical. Another important discovery is the fact that widespread sophisms and paradoxes as an unorthodox (paradoxical) forms thinking in ancient culture. And we note that sophistries characteristic

playfulness and seriousness of paradoxes. We also aim to show that Megara and Elis-Eritrean schools are the spokesmen of subjective dialectics of the Eleatics inherited them through Sophists and developed in such a unique method of protecting their doctrines as paradoxes of meaning. If Cynics brought to the ultimate bases the practical reason of the doctrine of the Sophists, which culminated in their actions paradoxes, the Megarians and Elis-Eritreans theoretical i. e. from paradoxes of words went further to the paradoxes of meaning.

Keywords: *paradoxes of words, paradoxes of meaning, sophists, megarians, elis-eritreans, eliateans, subjective dialectics, eristics, peyrastics, sophisms, sophistics, playfulness, seriousness.*

Нам представляется важным исследование мегарской и элидо-эретрийской школ в свете их связи с софистической школой т. к. это может по-новому взглянуть на их место в истории философии и глубже понять те задачи, которые они перед собой ставили. Их историческая роль занижена в силу неприязни, которую к ним испытывал Аристотель. Сейчас настало время переоценки ценностей и реабилитации философских учений, несправедливо отброшенных на обочину пути развития философской мысли в силу субъективных оценок их Платоном или Аристотелем.

Заглянем в труд Диогена Лаэртского в поисках интересных сведений о мегарской школе. Об основателе школы: «Евклид из Мегар Истмийских держал в руках также и сочинение Парменида. Он заявлял, что существует одно только благо (agaton), лишь называемое разными именами: иногда разумением, иногда богом, а иногда умом и прочими наименованиями. А противоположное благу он отрицал, заявляя, что оно не существует. Оспаривая доказательства, он оспаривал в них не исходные положения, а выведение следствий. Так, он отрицал умозаключения по аналогии, потому что они опираются или на сходное, или на несходное; если на сходное, то лучше уж обращаться не к исходному, а к самому предмету, а если на несходное, то неуместно само их сопоставление» [1, с. 124–125]. Находим там далее: «Последователи Евклида из Мегар Истмийских назывались по нему мегариками, потом эристиками, потом диалектиками — первым их так назвал Дионисий Халкедонский за их обычай представлять рассуждения в вопросах и ответах» [1, с. 125]. И далее: «Среди преемников Евклида находился и Евбулид милетский, придумавший, между прочим, много диалектических задач: «Лжец», «Спрятанный», «Электра», «Человек под покрывалом», «Куча», «Рогатый» и «Лысый». Спорил Евбулид и с Аристотелем и много наговорил на него дурного. Преемником Евбулида был среди других и Алексин из Элиды, отчаянный спорщик, прозванный за это Укусин. Спорил он более всего с Зеноном» [1, с. 125]. Интересная история: «У Евбулида был ученик — Аполлоний Кронос, а учеником этого Аполлония был Диодор Ясосский, сын Аминия, тоже прозванный Кронос. Он тоже был диалектиком, и некоторые приписывают ему изобретение задач «Человек под покрывалом» и «Рогатый». Но когда он жил при Птолемею Сотере, ему задал несколько диалектических задач Стильпон, и он не смог на них ответить; царь за это его всячески корил и Кроносом называл

уже в насмешку» [1, с. 126]. И последнее: «Среди учеников Евклида был и Ихтий, сын Металла, знатный человек, против которого сочинил один из своих диалогов киник Диоген» [1, с. 127]. И этого мы делаем вывод о необычной популярности мегарцев, напоминавшей славу софистов! Речь идет о пейрастике (искусстве вопросов).

Обратимся к труду знаменитого философа-позитивиста Дж. Г. Льюиса. Итак, «Евклид уже в молодости почувствовал сильную страсть к философии и усердно занялся изучением сочинений Парменида и других элейцев. Благодаря Зенону, Евклид приобрел замечательную сноровку в диалектике и продолжал отличаться страстью к диалектическим ухищрениям даже после своего знакомства с Сократом, несмотря на порицание последним этого занятия, как присущего софистам» [2, с. 4–5]. Далее: «Что касается диалектики Евклида, то в ней есть одна особенность, находящаяся в прямом противоречии с методом Сократа. Споря со своими противниками, Евклид критиковал не их исходные посыпки, а выводящиеся ими заключения» [2, с. 7]. И заканчивает: «Следует также отметить, что большинство последних представителей мегарской школы приобрели известность или опровержением каких-либо положений, несогласных с их учением, или же некоторыми придуманными и развитыми ими софизмами, из-за чего их еще иногда называют эристиками или диалектиками. По всей видимости, софизмы эти вовсе не предназначались для обмана, но служили лишь в целях поучения опрометчивых и торопливых мыслителей, а также для того, чтобы воочию показать поверхностность и бессодержательность обывательских суждений. Во всяком случае несомненно, что последователи Евклида занимались главным образом изучением форм мысли, причем, больше с целью установить на этот счет некоторые частные правила, чем с намерением основать какую-либо философскую систему или выработать новый метод» [2, с. 7–8]. Здесь подчеркивается просветительский характер деятельности мегариков, перенятый у софистов!

Г. В. Ф. Гегель «Лекции по истории философии». Рассмотрим его анализ мегарской школы: «Так как Евклид (которого считают основателем мегарского способа мышления) и его школа твердо держались форм всеобщности и преимущественно старались и искусно умели обнаруживать противоречия, содержащиеся во всех единичных представлениях, то их упрекали в любви к спорам, и их поэтому приверженцы других школ прозвали эристиками. Орудием запутывания сознания всего особенного и превращения этого особенного в ничто служила им ди-

алектика, которую они очень тщательно разработали, но вместе с тем, как их упрекали, пользовались ею с каким-то бешенством, так что говорили, что их следует называть не школой (shola), а желчью (hola). В этой разработке диалектики они занимают место элеатской школы и софистов; по-видимому, они лишь возобновили элеатскую школу и совершенно совпадают с ней, но с тем отчасти различием, что элеаты были диалектиками, защищавшими бытие как единую сущность, в сравнении с которой ничто особенное не имеет в себе никакой истины, а мегарики пользовались диалектикой для защиты бытия как добра. Софисты же, напротив, не возвращали ее движения к простой всеобщности, как представляющей собою незыблемое и пребывающее, и точно так же мы позднее увидим в лице скептиков таких диалектиков, которые пользуются диалектикой для защиты спокойного пребывания субъективного духа внутри себя. Кроме Евклида упоминаются еще в качестве знаменитых эристиков Диодор и Менедем, но в особенности Евбулид и позднее Стилпон, диалектика которых простиралась также и на противоречия, встречающиеся во внешнем представлении и в речи, так что она отчасти даже переходила в простую игру слов» [3, с. 88–89]. Скажем про мегариков, что они восприняли диалектику элейцев в ошеломляющей интерпретации софистов.

Посмотрим, что интересного мы сможем обнаружить в «Истории древней философии» В. Виндельбанда. Учение мегарской школы, по его словам, лишь «документировало только продолжение бесплодной диалектики в склонявшемся к элеатизму направлении софистики» [4, с. 141]. И далее: «В этом смысле Диодор Кронос присоединил к зеноновским аргументам против движения новые, конечно, менее значительные и более хитрые» [4, с. 141]. Продолжает: «Единственное, что в мегарской школе остается достойным внимания, это развитие у них софистического искусства эристики» [4, с. 143]. И подводит итог: «Стилпон принял софистическо-циническое утверждение, что по закону тождества субъекту нельзя приписать различного с ним предиката, а более молодые представители этой школы, Евбулид и Алексин, приобрели славу изобретением так называемых заколдованных заключений (т. н. софизмов — П.К.), т. е. вопросов в такой постановке, что ответ на них невозможно дать без противоречия в пределах разделительно возможных ответов» [4, с. 143–144]. Он практически повторяет Г. В. Ф. Гегеля. Опять пейрастика — искусство постановки вопросов. Номинализм киников и софистов.

Теперь обратимся истории античной философии в передаче Эдуарда Целлера. Прочтем об общем у мегариков с софистами: «Ученики Евклида с такой страстью отдавались диалектике, что отсюда вся школа получила название диалектической или эристической. Большинство умозаключений, которыми они при этом пользовались («покрытый», «лжец», «рогатый», «сорит» и т. п.), заимствованы от софистов или придуманы в их вкусе, и мегарцы пользовались ими, несомненно, столь же эвристически,

как и софисты» [5, с. 110]. Все верно, но все-таки «придуманы в их вкусе».

Интересные данные о мегариках приводит Теодор Гомперц: «Может быть, вкус к грубым и резким явлениям сделал этих авторов мужицких шуток изобретателями неразрешимых загадок (т. е. парадоксов. — П.К.)» [6, с. 156]. Далее: «Парадоксальность этих ранних выводов являлась результатом любви к парадоксам и эффективным построениям» [6, с. 168]. Заметим, что это является софистической чертой мышления. И продолжает: «Евбулид считается автором нескольких известных загадок (т. е. парадоксов. — П.К.)» [6, с. 169]. И приводит свое размышление о важности мегарских парадоксов-софизмов для своего времени: «Для нас, рано пресыщающихся логической и грамматической пищей, многие создания древнего остроумия кажутся пресными и безвкусными. Мы слишком легко готовы предполагать намеренное пренебрежение различий, которые для нас обычны, но в то время еще не были установлены и признаны» [6, с. 170]. Подчеркивается софистическое остроумие!

Еще один немецкий философ Г. Арним. Смотрим: «Эвклид из Мегары жил одновременно с Антисфеном» [7, с. 49]. Суть учения: «По примеру Зенона они направили свое остроумие главным образом на то, чтоб отыскать противоречия в обыкновенном миропонимании, т. е. в допущении множества подвижных и изменчивых реальных субстанций. При этом мегарцы частью пользовались старыми зеноновскими уловками, частью придумали новые по этому же образцу. Поэтому их называют эристами и диалектиками. — Из них Стилпон оспаривает, что мы можем высказывать что-нибудь о субъекте суждения. В этом Стилпон соприкасается с Антисфеном, но делает свое утверждение с другою целью и в связи с другими условиями. — Евбулиду, ожесточенному врагу Аристотеля, приписывается изобретение разных софизмов, вроде и т. д. На решение этих софизмов догматические логики потратили потом не мало чернил. — Диодор Кронос, по стопам Зенона, доказывает невозможность движения. Другое доказательство его касается понятия возможности: возможно лишь то, что уже истинно существует или будет существовать» [7, с. 50–51]. Парадокс, касающийся возможности, представляется довольно интересным для обсуждения с элейцами, но у нас другая задача.

С. Н. Трубецкой о мегариках делает замечание, что «вследствие эристического характера школы последователи ее назывались также спорщики, диалектики» [8, с. 295]. Далее он описывает кратко Евбулида следующими словами: «Он помимо искусства спора или диалектики обучал искусству красноречия. Евбулид был страстным противником Аристотеля, прославился он особенно благодаря изобретению некоторых софизмов: «рогатый», «Электра», «лжец», «покрытый», «плешивый», «сорит» и т. д.» [8, с. 295]. Из этого можно предположить, что Аристотель писал свою знаменитую работу «О софистических опровержениях», как раз против него, а не официальных софистов, как обычно думают. Далее

наш автор делает предположение, что представители мегарской школы использовали субъективную диалектику в целях доказательства своего учения. Итак: «Если рассматривать диалектику мегарцев, их софистические аргументы против движения, против чувственного восприятия, — приходишь к заключению, что они задавались целью доказать ложь чувственного восприятия и чувственных единичных представлений, их противоречие логическому понятию» [8, с. 296]. Это вроде бы напоминает учение элейцев, от которого изначально отталкивались софисты. Однако цели были явно иными. Нам представляется, что после софистов уже было глупо абсолютизировать рациональное познание, тем более это противоречит мегарской любви к изобретению софизмов. Нет правильных и неправильных мнений, все зависит от того, что я требуется доказать. И заметим еще, что это очень современная позиция. На самом деле, мы рискуем предположить, что их разработка логической аргументации была направлена на демонстрацию силы разума и слова, как и у софистов. Они являются продолжателями рационалистической тенденции, заключенной в учении софистов! Также С. Н. Трубецкой подытоживает их учение: «Нет двусмысленных слов и выражений, ибо возможен лишь один смысл — тот, который имеется в виду. Удобное правило для софистики» [8, с. 299]. И продолжает свои оценочные суждения: «Присяжные диалектики и спорщики, мегарские философы были в то же время «болтунами», т. е. риториками и учителями риторики, как Евбулид, учитель Демосфена, или Стильпон, который также был учителем риторики. Таким образом при ближайшем рассмотрении мегарские философы превращаются в знакомых уже нам «учителей добродетели и красноречия» (т. е. софистов — П. К.), цель которых заключается в формальном развитии слова и рассудка. Мегарские философы — это софисты диалектики, воспитанные Сократом» [8, с. 300]. Здесь позволим себе не согласиться с такой негативной оценкой. На наш взгляд мегарцы были наследниками той самой интеллектуальной честности софистов, о которой писал Бертран Рассел и ряд других философов. Вернемся немного назад: «О том же эристическом характере школы свидетельствует страсть к софизмам — знаменитые в древности мегарика эротимата (т. е. мегарские головоломки — П. К.) Евбулида, о которых мы уже упоминали: «покрытый», как доказательство ничтожества чувственного знания, «плешивый» — ничтожества количественных различий и т. д.» [8, с. 298]. Мы считаем, что речь идет об исследовании потенций рационального познания на его пределе, что как известно, является задачей настоящего ученого, а не задиристого болтуна. Странно предполагать, что мегарцы посвящали свою деятельность одной только пустой забаве и дурному желанию потешить самолюбие, когда их «софизмы» до сих пор обсуждаются серьезными математиками и логиками, не правда ли? Это точно парадоксы смыслов!

. . Лосев в своей «Истории античной эстетики» проводит интересное исследование мегарской школы. Посмо-

трим кратко о философских истоках их учения: «Особенностью этой школы является большое тяготение к элеатам с их учением об абсолютном Едином. Однако от элейцев мегарцы отличались двумя яркими чертами. Во-первых, элейцы, несмотря на свое абстрактное Единое, отнюдь не отрицали чувственного мира и только считали этот последний, ввиду его вечной подвижности и неустойчивости, смутно-познаваемым и неясным. Это не мешало им заниматься космологией вполне в духе ранней классики, так что они в конце концов оказывались теми же самыми натурфилософами, что и прочие представители их века. Мегарцы, наоборот, отрицали всякое чувственное познание, не занимались никакой натурфилософией и в этом смысле волей-неволей тоже оказывались агностиками. Во-вторых, движимые примером Сократа, они впервые именуют свое Единое Благом, являясь в этом отношении некоторого рода параллелью к аналогичному учению Платона» [9, с. 139]. Похожи, да не схожи! О самом главном: «Главное же содержание мегарской философии заключается в том, что на основе признания нерасчлененного Единого и отрицания чувственной множественности они шли по следам Зенона Элейского с его острой критикой возможности какого бы то ни было расчленения, так что у них оказывалось невозможным и движение, и всякая множественность вообще. Поэтому мегарцы являются по преимуществу эристиками и диалектиками, если иметь в виду голую рассудочность и нереальность их построений» [9, с. 139]. И делает еще одно важное для нас замечание: «Если бы мы стали дальше излагать те немногие фрагменты, которые дошли до нас от мегариков, то мы бы узнали, что к Евбулиду и Диодору Кроносу восходят почти все те софизмы (вроде «лгуна» или «кучи»), которые фигурируют в наших традиционных учебниках нашей формальной логики. На основе Зенона Элейского Диодор много упражнялся на доказательствах немыслимости движения или перехода от возможности к действительности. Все это, однако, не относится к области истории эстетики» [9, с. 140–141]. Автор связывает мегарцев лишь с элейцами, а это было не так.

Обратимся к работе М. А. Дынника «Очерк истории философии классической Греции». Видим интересующее нас: «Последователем и продолжателем Эвклида был Евбулид, у которого тесное срастание формальной логики и софистики выступает с особенной выпуклостью» [10, с. 184]. Открывает нам новый ракурс рассмотрения. Потом он конкретно рассуждает о мегарских софизмах. Читаем: «Наибольшей известностью в древности пользовались софизмы Эвбулида — «Лжец», «Куча» и «Плешивый». Сущность этих софизмов легко показать на примере «Лжеца». Софизм «Лжец» сводится к следующему: если кто-либо говорит, что он лжет, то, спрашивается, лжет ли он или говорит правду. Если он лжет, то его утверждение, что он лжет, лживо, а следовательно, он говорит правду; если же он говорит правду, то его утверждение, что он лжет, правдиво, а следовательно, он лжет. Итак, если он лжет, то говорит правду,

а если он говорит правду, то лжет. «Лжец» Эвбулида, как и остальные его «опровержения», окончательно сводится к пустой игре словами, к эристике, к софистике в худшем смысле этого слова» [10, с. 185]. Такая негативная оценка уже давно признана неверной. «Лжец» признан современными логиками настоящим парадоксом, и даже, более того, королем всех парадоксов! Однако смотрим дальше: «Такова ирония истории. Платон, этот неутомимый враг и язвительный противник софистов, в лице родственной ему политической и философски школы мегариков обретает больших софистов, чем Протагор, Горгий и Гиппий, вместе взятые» [10, с. 185]. Это неоднозначная оценка. Эти так называемые «софизмы» создавались с определенной целью — защитить свое учение, опять же от Платона. Говорить о родственности между мегарской и академической школой нам не представляется обоснованным. Затем наш автор раскрывает еще два «софизма»: «Одно зерно, рассуждает Эвбулид, не делает кучи, будем снова и снова прибавлять по зерну; когда получится куча, мы вынуждены будем признать, что ее образовало последнее прибавленное зерно. Совершенно аналогично рассуждение относительно лысины, образующейся путем вырывания волос по одному» [10, с. 185]. И подводит итог: «Количество метафизически противопоставленное качеству, — такова логическая сущность всех этих софизмов Эвбулида» [10, с. 185]. А вот это уже действительно интересное замечание. Здесь присутствует указание на скрытую в размышлениях ошибку — подмена качественных отношений количественными. Вывод: «Антидемократическая софистика находит себе завершение у мегариков, здесь же наблюдаем тесное переплетение софистики с формальной, рассудочной логикой, исключающей противоречие» [10, с. 185]. Интересно, что автор использует здесь позицию и Гегеля и Ленина. Это показывает, что речь идет именно о так названных нами парадоксах смыслов!

Из «Очерков истории античной философии» Н. Н. Залесского мы узнаем следующее про мегарскую школу: «Последователи Эвклида, идя по стопам элеатов, присоединяли к зеноновским еще новые более хитрые доказательства против множественности и движения и все более уходили в область софистической эристики. Позднейшие представители этой школы приобрели славу изобретением так называемых «заколдованных заключений», т. е. вопросов, так поставленных, что ответа на них нельзя дать без противоречия в пределах разделительно возможных ответов» [11, с. 62]. И далее: «Из позднейших мегарцев следует назвать Стильпона, который сделал поворот в сторону этики киников, а кроме того, пришел к софистическому отрицанию всякой возможности относить общее понятие к единичным предметам» [11, с. 62]. Подчеркивается скептицизм и номинализм софистов. Пейрастика!

Небольшое замечание о мегарской школе делает «Курс лекций по древней философии» А. Н. Чанышева. Находим: «Еще до знакомства с Сократом Эвклид был близок к элеатам. Кроме того, на мегариков оказали влияние со-

фисты» [12, с. 238]. И немного о софизмах мегариков: «Цель этих софизмов — доказать, что сфера единичного не истинна, что там мы неизбежно запутываемся в противоречиях. Для этого Эвбулид предложил ряд примеров. Их называют софизмами, потому что там много надуманного. Эти софизмы дошли до нас в изложении Диогена Лаэртция. В числе этих софизмов «Лжец», «Рогатый», «Лысый», «Куча», «Покрытый». Диалектику в последних двух софизмах подметил Гегель. Еще более теоретичен софизм «Лжец»: если кто-либо говорит, что он лжет, то лжет ли он или говорит правду? Это уже не софизм, а сложная логическая проблема» [12, с. 238–239]. Здесь важно понимать, что «софизмы» мегариков — это не бессмыслица, не пустая забава, а именно парадоксы смыслов!

В. Ф. Асмус посвящает мегарикам лишь один абзац в своей «Истории античной философии». Из этого всего нас интересует следующие его замечания: «Ни чувственный мир, ни удостоверяемые ощущения возникновения, гибель, движение и изменение невозможны, и всякая попытка мыслить их ведет к противоречиям. Для обоснования этих положений мегарцы изобрели множество доводов, в которых метафизически противопоставляли общее единичному и в результате пришли (Стильпон) к софистическому отрицанию всякой возможности относить общее понятие к единичным предметам» [13, с. 85]. Парадоксы смыслов!

Продолжим наше исследование с помощью Д. В. Джохадзе. Отметим, что общего было на его взгляд у софистов и мегариков: «Евклид, а также и все другие представители этой школы, такие как Евбулид, Стильпон, Диодор и другие, со своей стороны развивали метод не прямого, обратного доказательства и тем самым способствовали выкристаллизации апоретики из искусства спора — эристики. Доказательством этого могут служить известные в истории философии апоретические рассуждения, в которых мегарики не только проявили некоторое методологическое родство с ранними софистами, но существенно обогатили эристику новыми приемами исследования и рассуждения» [14, с. 73]. Далее он пишет: «Среди упомянутых положений, сформулированных Евбулидом, особенно важны такие, например, как парадоксы «лжец», «покрытый» или «Электра», «куча» и другие. Мегарские парадоксы до сих пор находятся в центре внимания таких важных дисциплин как математическая логика и философия математики» [14, с. 74]. Указывает на их вклад в развитие логики: «Мегарики обратили внимание на то, что некоторые основоположения рассудочной логики неприменимы в парадоксальных ситуациях, подчас возникающих в познании. Поэтому определенно можно сказать, что мегарики стихийно апеллировали в своих рассуждениях к необходимости введения диалектической логики» [14, с. 75]. И дополняет сам себя: «Своими апориями и другими хитросплетениями, вокруг которых как раз и движется развитие мегарской проблематики, мегарцы выявили как новые возможности мыслительной деятельности человека, так и ограниченность метафизически истолкованной фор-

мальной логики» [14, с. 77]. Опять же налицо парадоксы смыслов!

А. С. Богомолов в своей монографии «Диалектический логос» делает ряд важных для нас замечаний. Читаем: «Третье крупное сократическое движение — Мегарская школа. Мегарики не случайно именовались также «эристиками» (спорщиками) и «диалектиками» (встречниками)» [15, с. 228]. Проводя анализ основного софизма Диодора Кроноса «Повелительный», наш автор делает следующее замечание: «Конечно, можно с полным правом сказать, что к софистическим следствиям мы приходим здесь потому, что логическому построению придается неадекватная онтологическая основа» [15, с. 230]. Также он настаивает на том, что «следует различать апории элатов и парадоксы софистов и мегариков» [15, с. 232]. Согласны!

Сравним это с тем что пишет А. С. Богомолов в своей другой монографии. Смотрим: «Мегарики снискали себе в античности славу создателей целого ряда софизмов, т. е. парадоксальных рассуждений, с помощью которых они вводили в заблуждение своих слушателей. Не всегда эта слава оправдана» [16, с. 132]. Если разобраться основательно, то софизм оказывается достаточно сложным образованием и выражением духа античной культуры. Как пишет нас автор: «Здесь и остроумная шутка, сдобренная солидной дозой «аттической соли», и состязание, и игра, иной раз не безобидная» [16, с. 134]. Однако, по его словам: «Для философа важнее, что софистика представляет собою своеобразный логический эксперимент, всестороннее и детальное исследование понятий, выявляющее их слабости и требующее их прояснения и совершенствования» [16, с. 134]. А значит эту же цель преследовали мегарики.

И здесь же будет уместно упомянуть Федона — основателя элидо-эретрийской школы. Итак, читаем у Диогена Лаэртского: «Федон, элидянин, из знатного рода, попал в плен, когда пал его город, и его заставили служить в блудилище; но, стоя там у дверей, он прислушивался к Сократу, пока тот не присоветовал Алкивиаду и Критону с их друзьями выкупить его. С этих пор он занимался философией, как свободный человек. Преемником его был Плистен из Элиды, преемниками Плистана — Менедем Эретрийский и Асклепиад Флиунтский с их школами, перешедшие к Плистену от Стильпона. До них школа называлась элидской, а начиная с Менедема — эретрийской» [1, с. 124]. Далее: «Менедем был из школы Федона, человек знатный, но бедный. Он был резок и остер на язык» [1, с. 131]. Его взгляды достаточно интересны. Читаем: «Менедем восхищался Стильпоном; когда у него спросили мнение о Стильпоне, он только и ответил, что это — истинно свободный человек. Вообще же он был скрытен, и вести с ним дела было трудно — на все он отвечал уклончиво и находчиво. Спорщик он был отменный; особенно он любил допрос такого рода: «То-то и то-то — вещи разные?» — «Так». — «Польза и благо — вещи разные?» — «Так». — «Стало быть,

польза не есть благо». Говорят, он не признавал отрицательных аксиом и обращал их в положительные; а из положительных он признавал лишь простые и отвергал непростые, то есть составные и сложные. Гераклид пишет, что хотя по учению он и был платоником, однако диалектику он только вышучивал. Так Алексин, получивший прозвище Укусин, однажды задал ему вопрос: «Ты перестал бить своего отца?» — а он ответил: «И не бил, и не переставал». Тот настаивал, чтобы было сказано простое «да» или «нет» во избежание двусмысленности; а он на это: «Смешно, если я буду следовать твоим правилам. Когда можно взять и остановить тебя еще на пороге!» [1, с. 133–134]. И последнее: «В первое время эретрийцы смотрели на него с презрением и обзывали пустозвоном и псом; а потом стали им восхищаться и даже верили ему город» [1, с. 135]. Ясно, что эта школа практически полностью примыкает к мегарской.

И здесь же несколько предложений об элидо-эретрийской школе от В. Виндельбанда. Итак: «Еще менее значительна была элидо-эретрийская школа, которая была основана любимым учеником Сократа, Федоном, в его родном городе Элиде, а позже была перенесена Менедемом на его родину в Эретрию, где она в начале третьего столетия прекратила свое существование. Она, по-видимому, пошла путем развития, похожим на ход развития мегарской школы: Федон соглашался в существенном с Эвклидом, а Менедем, который прошел через Академию и учение Стильпона, сделал вместе с последним поворот в сторону этики циников» [4, с. 144]. Это в любом случае софистическая школа.

Э. Целлер «Родственна мегарской школе была элидская, основатель которой Федон из Элиды известен из Платона как любимый ученик Сократа. Но до нас не дошло никаких более точных сведений о его учении. Учеником элидцев Мосха и Анхипила был Менедем из эретрии (между 352 и 278 г.); но еще ранее он слушал Стильпона, в духе которого сочетал с элидо-мегарской диалектикой родственное кинизму жизнепонимание, которое вместе с тем опиралось на мегарское учение о добродетели. Однако распространение и существование «эретрийской» школы могли быть лишь весьма ограниченными» [5, с. 111]. Значит они отличного от мегарцев не придумали.

После сказанного, зафиксируем его мнение об элидо-эретрийской школе С. Н. Трубецким. Итак: «Мегарской школе была родственна элидо-эретрийская. Основателем ее был Федон из Элиды, известный по Платону любимец Сократа. Федон был таким же софистом, как и Евклид, но обстоятельных сведений о его учении мы не имеем. Из его школы вышел Менедем, который ранее также слушал Стильпона и основал эретрийскую школу. Эта школа приняла такое же диалектическое и софистическое направление, как и предыдущая» [8, с. 299–300]. Здесь только согласимся.

. . . Лосев в «История античной эстетики» рассуждает о всех четырех школах: «Сократовские школы — не только киники или киренаики — отличались по преиму-

шеству тоже негативным характером, хотя и далеко не все. Несомненно, негативный характер носили школы мегарская и близкая к ней, но для нас весьма неясная и противоречивая школа — элидо-эретрийская» [9, с. 139]. Мы уже знаем, что негативный характер означает софистический.

И здесь же можно привести краткую справку В. Ф. Асмуса об элидо-эретрийской школе. Итак: «Элидо-эретрийская школа была основана Федоном из Элиды; один из деятелей этой школы Менедем положил впоследствии начало эретрийской школе. Федон и Менедем были искусными спорщиками и учителями красноречия, однако школа их не прибавила оригинальных идей к учению мегарцев, с которыми ее представители разделяли взгляд на единство доблести и блага» [13, с. 85]. Для нас это свидетельство того, что элидо-эретрийская и мегарская школы являются софистическими.

Теперь самое интересное в нашем исследовании: обратимся к краткому анализу парадоксов и софизмов. Самый известный парадокс связанный с софистами это конечно же «Эватл» или «Тяжба». Речь в нем идет о Протагоре и Эватле. У Диогена Лаэртского он описывается так: «Есть рассказ, будто однажды он требовал платы со своего ученика Эватла, а тот ответил: «Но я ведь еще не выиграл дела в суде!» Протагор сказал: «Если мы подадим в суд, и дело выиграю я. то ты заплатишь, потому что выиграл я; если выиграешь ты, то заплатишь, потому что выиграл ты»» [1, с. 350].

У А. А. Ивина есть более развернутое описание этого парадокса. Эту историю, являющуюся источником логически неразрешимого спора и произошедшую более двух тысяч лет назад он описывает так: «У знаменитого софиста Протагора, жившего в V в. до н. э., был ученик по имени Эватл, обучавшийся праву. По заключенному между ними договору Эватл должен был заплатить за обучение лишь в том случае, если выиграет свой первый судебный процесс. Но, закончив обучение, он не стал участвовать в процессах. Это длилось довольно долго, терпение учителя иссякло, и он подал на своего ученика в суд. Свое требование Протагор обосновал так:

— Каким бы ни было решение суда, Эватл должен будет заплатить мне. Он либо выиграет этот свой первый процесс, либо проиграет. Если выиграет, то заплатит в силу нашего договора. Если проиграет, то решение суда будет в мою пользу, и заплатить нужно будет согласно этому решению.

Судя по всему, Эватл был способным учеником, поскольку от ответил Протагору:

— Действительно, я либо выиграю процесс, либо проиграю его. Если выиграю, решение суда освободит меня от обязанности платить. Если решение суда будет не в мою пользу, значит, я проиграл свой первый процесс и не заплачу в силу нашего договора.

Озадаченный таким оборотом дела, Протагор посвятил этому спору с Эватлом особое сочинение «Тяжба о плате». К сожалению, оно, как и большая часть написанного Про-

тагором, не дошло до нас. Тем не менее нужно отдать должное Протагору, сразу почувствовавшему за простым судебным казусом проблему, заслуживавшую специального исследования» [17, с. 268].

И далее он показывает важность этого самого знаменитого софистического парадокса: «Немецкий философ Г. В. Лейбниц, сам юрист по образованию, также отнесся к этому спору всерьез. В своей докторской диссертации «Исследование о запутанных казусах в праве» он пытался показать, что все случаи, даже самые запутанные, подобно тяжбе Протагора и Эватла, должны находить правильное разрешение на основе здравого смысла. По мысли Лейбница, Суд должен отказать Протагору за несвоевременностью предъявления иска, но оставить, однако, за ним право потребовать уплаты денег Эватлом позже, а именно после первого выигранного им процесса» [17, с. 268–269].

Решение этой ситуации от самого известного логика и философа таково: «Невозможно выполнить вместе договор в его первоначальной форме и решение суда, каким бы последнее ни было. Договор, несмотря на его невинный внешний вид, внутренне противоречив. Он требует реализации логически невозможного положения: Эватл должен одновременно и уплатить за обучение и вместе с тем не платить» [17, с. 270]. Ну тут все примерно понятно.

Коснемся немного и «Лжеца» — «короля логических парадоксов», по общепринятому мнению. Большинство исследователей связывают его формулировку с именем Евбулида. У мегариков он звучит так: «Если кто-нибудь говорит, что он лжет, то лжет ли он или говорит правду?» Однако мы считаем, что парадокс «Лжец» относится к полемике Демокрита и Протагора. Мы знаем от Диогена Лаэртского, что Демокрит и Протагор были родом из одного города — Абдеры и, что Протагор был учеником Демокрита. Одним из самых известных парадоксальных утверждений Протагора гласило, что «противоречие невозможно», а, следовательно, «все истинно». От Аристотеля мы знаем, что Демокрит был не согласен с этим выводом своего ученика и старался оспорить этот его тезис. Вполне логично будет предположить, что Протагор изобрел этот парадокс в защиту своей позиции. Скорее всего у Протагора он звучал следующим образом: «Является ли истинным утверждение — я лгу — в устах лжеца?» Этот пример опять же показывает нам глубину мысли Протагора! Да и потом, кому же задаваться таким вопросом, как не самому известному софисту, который постоянно слышал в свой адрес обвинения во лжи? По поводу же связи софистов и мегариков у нас нет однозначно подтверждающих это свидетельств. Однако мы точно знаем, что школу мегариков часто характеризовали как школу диалектиков и эристиков. Диалектикой же в смысле искусства отыскания противоречий занимались сначала элеаты, а затем софисты. С одной стороны, учитывая просветительскую деятельность софистов и их постоянные поездки по Элладу, вероятнее предположить, что школа мегариков переняла идеи и методы

у них нежелезнее чем у элейцев. С другой стороны, эристиками называли только софистов и мегариков, но никак не элейцев. К тому же доводы софистов и мегариков попадают под классификацию Аристотеля в качестве софизмов, а элейские же у него назывались апориями. Если же мы вспомним любой классический софизм, то никто из нас не воспримет его всерьез, как логическую проблему, а лишь как остроумную шутку! Но можно ли тоже самое сказать про аргументы Зенона? Из этого очевидно, что мегарики были вовсе не сократиками, а софистиками!

Однако, вернемся к нашему профессору А. А. Ивину. Он сообщает нам кое-что важное о софизмах: «Возникновение софизмов обычно связывается с философией софистов (V-IV века до новой эры), которая их обосновывала и оправдывала. Однако софизмы существовали задолго до философов-софистов, а наиболее известные и интересные были сформулированы позднее, в сложившихся под влиянием Сократа философских школах. Термин «софизм» впервые ввел Аристотель. К софизмам им были отнесены и рассуждения собственно софистов, и все те софизмы, которые открывались в других философских школах. Это говорит о том, что софизмы не были изобретением одних софистов, а являлись чем-то обычным для многих школ античной философии. Широкую распространенность софизмов в древней Греции можно понять, только если предположить, что они как-то выражали дух своего времени и являлись одной из особенностей античного стиля мышления» [18, с. 264]. Сразу оговоримся, что парадоксами или софизмами славилась вовсе не «многие»,

а лишь пять философских школ: софистическая, киническая, киренская, мегарская и элидо-эретрийская. Элейская же школа обладала особым статусом и не может быть сюда отнесена. Уже в античности было понятно, что их атории — это головоломки для математиков! «Особенность античного стиля мышления», заключенная в них — это парадоксальность!

По поводу взаимоотношений софизмов и парадоксов отметим здесь лишь один момент. В широком, так сказать этимологическом смысле, парадокс — это высказывание, резко расходящееся с общепринятым мнением. И в этом смысле любой софизм является парадоксом! Приведем же безымянный софизм собственно софистов: «Кто учит кого-нибудь, тот хочет, чтобы ученик его стал мудрым и перестал быть невеждой. Он, значит, хочет, чтобы ученик его стал тем, что он не есть, и перестал быть тем, что он есть теперь. Следовательно, он хочет перевести его из бытия в небытие, то есть уничтожить». Вероятнее всего, что его автором является Горгий, поскольку здесь заметна игра с элейскими идеями. Вывод же, что этот софизм принадлежит софистам мы делаем на том основании, что софистов называли «учителями мудрости». А уж они-то никак не могли не обыграть это с помощью юмора! Известно достоверно, что Горгий глубоко воспринял учение элеатов, а Протагор диалектически синтезировал учения Гераклита и Демокрита. Так что все сходится! Мегарики — софистики! И как можно четко уже видеть из этой важной сравнительной характеристики: софисты демонстрируют нам парадоксы слов, а мегарцы — парадоксы смыслов!

Литература:

1. Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; Пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М.: Изд-во «Мысль», 1998. — 572 с.
2. Льюис Дж. Г. Античная философия: от Евклида до Прокла / Дж. Г. Льюис. — Мн.: Издательско-коммерческое общество «Галаксиас», 1998. — 224 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. 1816–1826. / Г. В. Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1994. — 423 с.
4. Виндельбанд, В. История древней философии / В. Виндельбанд. — М.: Изд-во «Книга по требованию», 2014. — 416 с.
5. Целлер, Э. Очерк истории греческой философии / Пер. с нем. С. Л. Франка, примечания М. А. Солоповой. — М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 352 с.
6. Гомперц, Т. Греческие мыслители в 2 т. Т. 2 Сократ и сократики. / Т. Гомперц. Пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык. Науч. ред. нового изд., коммен., примеч. и предис. А. В. Цыба. — СПб.: «Алетейя», 1999. — 269 с.
7. Арним, Г. История античной философии / Пер. с нем. и предисл. С. И. Поварнина. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с.
8. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. — 576 с., илл.
9. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / Худож.-оформитель Б. Ф. Бублик. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. — 846 с.
10. Дынник, М. А. Очерк истории философии классической Греции / М. А. Дынник. — М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. — 272 с.
11. Залесский, Н. Н. Очерки истории античной философии / Н. Н. Залесский. — Л.: Изд-во Ленинградского у-та, 1975. — 103 с.
12. Чанышев, А. Н. Курс лекций по древней философии / А. Н. Чанышев. — М.: «Высшая школа», 1981. — 374 с.

13. Асмус, В. Ф. История античной философии / В. Ф. Асмус. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1965. — 320 с.
14. Джохадзе, Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики: Эпоха античности. / Д. В. Джохадзе, Н. И. Джохадзе. Изд. 2-е. — М.: КомКнига, 2010. — 328 с.
15. Богомолов, А. С. Диалектический логос: Становление античной диалектики / А. С. Богомолов. — М.: Изд-во «Мысль», 1982. — 263 с.
16. Богомолов, А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 368 с.
17. Ивин, А. А. Современная логика / А. А. Ивин. — Фрязино: «Век 2», 2009. — 384 с.
18. Ивин, А. А. Искусство мыслить правильно / А. А. Ивин. — М.: Проспект, 2016. — 304 с.

Парадоксы чувств у киренаиков и их связь с софистами

Кучковский Павел Валерьевич, аспирант
Омский государственный педагогический университет

В этой статье мы делаем попытку показать единство всех софистических (сократических) школ именно на основе учения софистов. Также мы выделяем общие черты между собственно софистами и киренаиками. Формулируем так нами названный парадокс чувств, характерный для киренаиков. Определяем каждую из названных школ в смысле представления и развертывания ими определенной стороны учения софистов. Даем характеристику положительной деятельности софистов. И подчеркиваем парадоксальность как основу всех софистических школ.

Ключевые слова: парадоксы чувств, софисты, киренаики, киники, мегарики, софистики, свобода, чувственность, парадоксальность, античность.

Paradoxes feelings in Cyrenaica and their relationship with the Sophists

P. V. Kuchkovsky
Omsk state pedagogical university

In this article, we attempt to show the unity of all sophistical (Socratic) schools is based on the teachings of the Sophists. We also highlight the similarities between the actual sophists and Cyrenaica. We formulate our so called paradox of feeling, characteristic of Cyrenaica. We define each of these schools in terms of performances and the deployment of a particular party doctrine of the Sophists. Give characterization positive activity of the Sophists. And emphasizes the paradox as the foundation of all sophistical schools.

Keywords: paradoxes of feelings, sophists, cyrenaics, cynics, megarics, sophistics, freedom, sensuousness, paradoxicalness, antiquity.

Интерес к этой теме вызван тем, что они вместе с софистами оказались явно недооцененными в истории мировой философии. Мы же хотим в согласии с новой тенденцией к реабилитации отброшенных на задворки истории учений показать киреников и другие родственные им школы в связи с софистической традицией, открывающей новое понимание процессов изменения философии.

Посмотрим сначала, что важного нам о школе киренаиков сообщит Диоген Лаэртский. Итак: «Аристипп был родом из Кирены, занимаясь софистикой, он первым из учеников Сократа начал брать плату со слушателей и отсылать деньги учителю» [1, с. 112]. Любопытная история: «Однажды, когда он проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: «Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислу-

живать при дворах тиранов». — «А если бы ты умел обращаться с людьми, — ответил Аристипп, — тебе не пришлось бы чистить себе овощи» [1, с. 113]. Пишут, что Аристипп имел в своих любовницах гетеру Лаиду. Показательная реплика: «Тем, кто осуждал его, он говорил: «Ведь я владею Лаидой, а не она мною; а лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им» [1, с. 115]. На лицо полемика с Диогеном. И еще несколько характерных цитат: «Нет ничего справедливого, прекрасного или безобразного по природе: все это определяется установлением и обычаем» [1, с. 120]. И чуть далее: «От природы, полагают они, ничто не бывает ни сладким, ни несладким; только редкость, новизна или изобилие благ бывает одним в сладость, а другим не в сладость» [1, с. 121]. Налицо связь с софистами!

Посмотрим иностранных авторов. Итак, читаем у Дж. Г. Льюиса: «Аристотель, упомянувший, насколько известно, только в одном месте об Аристиппе, считал его софистом. Видимо, Аристотель назвал его софистом потому, что он разделял мнение софистов о недостоверности знания. Так, Аристипп полагал, что внешние предметы по-разному воздействуют на одно и то же чувство, неодинаковое у различных людей; он утверждал, что названия этих предметов выражают только наши ощущения, но ничего не говорят нам о самих предметах, что, следовательно, нет критерия истины и каждый судит по своим впечатлениям, но никто не судит правильно. В этом отношении, несомненно, он был софистом, но он полагал что человек должен искать критерий истины в себе самом» [2, с. 11]. Очевидно сходство этих взглядов с идеями Протагора. Далее: «Аристипп полагал, что человек не может иметь достоверных сведений о том, что находится вне его: ведь окружающее познается только с помощью чувств, а они вводят человека в обман относительно предметов. Однако чувства, учил он, не обманывают людей относительно действительности их ощущений. Можно воспринимать предмет неправильно, но сам факт его восприятия неоспорим. Сомнения возможны относительно внешних предметов, но невозможны по отношению к собственным ощущениям. Людям свойственно желать повторения тех ощущений, которые приятны, и избегать тех, что причиняют страдание» [2, с. 12–13]. И заканчивает: «Наряду с софистами он полагал удовольствие и страдание реальным критерием человеческих действий, считая при этом, что всякое действие само по себе не является дурным либо хорошим, но признается таковым условно» [2, с. 13]. Очевидно, что Аристипп был учеником Протагора!

Продолжим знакомство теперь уже с немецкими авторами. Читаем у В. Виндельбанда: «Полную противоположность к угрюмой серьезности добродетели циников образует жизнерадостная мудрость киренских философов, главой которых был Аристипп из Кирены, светский человек, который в течении некоторого времени принадлежал к кружку Сократа, вообще же вел в качестве софиста странствующую жизнь» [3, с. 150]. Подробнее: «В теоретическом обосновании своего взгляда на жизнь Аристипп примкнул к учению Протагора подобно тому, как Антисфен — к направлению Горгия, а именно: он развил релятивизм протагоровой теории восприятия в особую психологию чувства основанного на восприятиях. Они идут за Протагором и в индивидуалистском обороте этой теории, утверждая, что всякий отдельный индивид знает только свои собственные ощущения и что общее наименование также не гарантирует одинакового содержания представлений. Подобно тому, как Протагор свел теоретическое содержание восприятия на различные движения, так киренские философы пытались вывести также характер чувствований их из различных состояний движения воспринимающего» [3, с. 152]. Вот оно — парадокс чувств! Далее находим: «В противоположность идеалу отвергнувшегося от мира циника гедонист ри-

сует образ мудреца, как цельного светского человека, который с ясным сознанием наслаждается жизнью, умеет ценить телесные наслаждения и духовные радости, богатство и честь, пользуется без колебаний, опираясь на свой преобладающий дух, вещами и людьми, но при этом никогда не забывается в наслаждениях, остается господином своих желаний, никогда не хочет невозможного и в менее счастливые дни также умеет выйти победителем и сохранить свой покой и безмятежность» [3, с. 155]. Этот образ очень близок к софистам! Можно сказать, что киренаики усилили роль чувств в учении Протагора (сенсуализм) и его повернутость к людям (эмпатизм) т. е. солнечную легкую блестящую сторону, а киники стремление к реальным результатам (прагматизм) и отрицание важности общественных установок (нигилизм) т. е. аналитическую критическую звездную. Здесь видно, что киники и киренаики усилили и развили противоположные интенции, заключенные в комплексе идей выдвинутых софистами. И это прекрасно! Софисты наверняка остались довольны таким ходом развития событий! Ведь они учили развивать собственные идеи на основе предлагаемого ими метода. И здесь киники и киренаики оказались достойными учениками! И последнее: «Изоляция индивида обнаруживается, наконец, у гедонистов и в их равнодушии к государственной жизни. Живя странствующей жизнью софиста, Аристипп радовался, что никакое участие в жизни какого-нибудь государства не стесняет его личной свободы, Теодор же называет своим отечеством мир, патристическое самопожертвование глупостью, — мудрец стоит выше ее, — все изречения, в которых философы киренской школы почти дословно сходятся с циниками (и софистами — П. К.)» [3, с. 155–156]. Согласны полностью!

Эдуард Целлер начинает разбор интересующих нас школ с фразы: «Аристипп под влиянием Протагора основал киренскую школу» [4, с. 109]. И несколько позже раскрывает этот тезис: «Аристипп из Кирены, который был несколько старше Сократа, по-видимому, познакомился уже на своей родине с учением Протагора. После он выступил сам в качестве «софиста», т. е. профессионального и платного учителя, в начале, вероятно, в Афинах, но потом и в других местах» [4, с. 116]. Затем автор поясняет, что именно заимствовал для себя Аристипп из учения Протагора: «Наши восприятия, говорил он, примыкая к Протагору, знакомят нас лишь с нашими собственными ощущениями, а не со свойствами вещей или с ощущениями других людей; ибо эти восприятия суть лишь мгновенный продукт столкновения движения воспринимаемого и воспринимающего. И уже этим соображением давалось оправдание тому, что и закон нашего поведения он считал возможным извлекать только из нашего субъективного ощущения» [4, с. 117–118]. Очевидная преемственность!

Теодор Гомперц о киренаиках сообщает следующее: «Провозвестником нового учения был Аристипп. Он давал уроки за плату и на этом основании Аристотель называет его софистом» [5, с. 189]. Затем читаем: «В вопросе о методе он соприкасается с Антисфеном. Твердую опору они

нашли в фактах» [5, с. 191]. Новое: «У него мы впервые встречаем попытку дойти до основных фактов человеческой природы, до первоначального феномена» [5, с. 169]. Суть учения: «Основным элементом «эвдемонии» Аристипп считает чувство удовольствия. К нему инстинктивно стремятся дети и животные, и также инстинктивно они избегают страдания. Это первоначальный феномен, неоспоримый фундаментальный факт, который надо положить в основу всякой попытки установить правила человеческого поведения» [5, с. 191]. Узнаваемо? Это же природа (фюзис) софистов и киников! Интереснейшая фраза: «У Аристиппа искусство жизни становится математической задачей» [5, с. 192]. Затем обнаруживается общее с софистами: «Если даже в ходячих представлениях о том, что соответствует праву и что ему не соответствует, они видели значительную долю условности и даже прямо заявляли: правое и неправое имеют место в силу обычая и установления, а не в силу природы, — взгляд, который они по примеру Гиппия подкрепляли указанием на существующие в этом отношении различия разных эпох и наций: но все-таки, согласно достоверному свидетельству, они находили, что мудрый должен избегать неправого и дурного» [5, с. 198–199].

Текстов их практически не сохранилось и о них мы знаем в основном из цитат других мыслителей. Достоверно, по мнению, Теодора Гомперца, мы можем обратиться только «к учению о чувственных ощущениях, заимствованному киренцами у Протагора и развитому Аристиппом» [5, с. 212]. Итак: «В точном смысле слова обмана чувств быть не может, ибо всякое ощущение есть естественно необходимый результат производящих его факторов» [5, с. 212–213]. Узнаем наших софистиков!

И еще один немецкий автор Г. Арним. Смотрим: «Уже в своей теории познания Аристипп является последователем не Сократа с его диалектикой понятий, а Протагора с его сенсуализмом и субъективизмом» [6, с. 46]. Да!

Интересно о киренаиках пишет Карл Форлендер в своей «Общедоступной истории философии». Посмотрим: «Аристипп, происходивший из богатой и жизнерадостной Кирены на северном берегу Африки, имел очень мало общего с Сократом, хотя и находился с ним в общении. Теоретически он уже и до этого находился под влиянием софиста Протагора» [7, с. 59]. Далее приводится краткая характеристика основателя школы: «Аристипп был остроумным и любящим жизнь человеком. Высшей жизненной ценностью, по мнению Аристиппа, является наслаждение, хорошее самочувствие, как этому даже учит природа детей и зверей: наслаждайся весело настоящим, не заботься ни о прошлом, ни о будущем» [7, с. 59–60]. Общее с киниками и софистами!

Посмотрим, что о киренаиках мы узнаем от С. Н. Трубецкого — одного из известнейших русских историков философии. Итак: «Основателем гедонической школы был Аристипп, софист из Кирены, богатой греческой колонии на африканском берегу» [8, с. 312]. Сразу видим оценочное суждение, что если гедонист, то непременно

софист. Это явно примитивизация учения Аристиппа. И потом такая постановка вопроса резко делит философов на «плохих» и «хороших». Разве это научный подход? «Во многих его воззрениях заметно резкое влияние софистов. До знакомства с Сократом он сам был «преподавателем добродетели» и после смерти его долгое время проживал в разных частях Греции в качестве странствующего софиста» [8, с. 312]. Опять читается в этих строчках, что Аристипп, мол, предатель Сократа. А на самом деле, он просто развивал то учение, которое было ему близко и в этом смысле был последовательным учеником софистов. Ведь как уже мы писали в другой нашей статье «Софисты — парадокс греческого просвещения», спецификой софистического обучения являлось развитие уже заложенных склонностей и предпочтений и гармоническое развитие личности при помощи овладения различными философскими учениями. «Аристипп признавал вместе с Антисфеном, что цель философии исключительно практическая и что теоретическое познание невозможно. Аристипп также выработал себе оригинальную скептическую теорию, по-видимому, под влиянием Протагора. Его можно назвать основателем сенсуализма» [8, с. 312]. И опять браво Протагору! У великого учителя и ученики великие! «Трудно судить, насколько последовательно усвоил Аристипп эту чисто скептическую точку зрения; возможно, что он, подобно другим сенсуалистам, соединял ее с материалистическими представлениями, как это делал, например, уже Протагор» [8, с. 313]. Получается, что он пошел за своим первым наставником и благодаря ему нашел свое место в истории философии, создал собственное оригинальное учение! И это безусловно заслуга Протагора! «Этому нас учит и сама природа, ибо все твари ищут наслаждения и избегают страдания» [8, с. 314]. Здесь мы видим общий для всех софистов аргумент к природе (фюзис).

М. А. Дынник очень кратко упоминает киренаиков в труде «Очерк истории философии классической Греции». Итак: «Известной противоположностью киникам является школа киренаиков, основатель и виднейший представитель которой Аристипп стремился объединить философские принципы Сократа и Протагора. Основой нравственной жизни киренаики считают наслаждение. Этот гедонизм — яркое проявление идеологии античных «нуворишей», быстро разбогатевших в условиях рабовладельческой Греции конца V и начала IV в. до н. э.» [9, с. 184]. Только непонятно, что собственно сократовского было в их учении? Слушать кого-то еще совсем не означает принять принципы этого наставника.

В «Очерках истории античной философии» Н. Н. Залесского приводятся следующие сведения о представителях киренской школы: «Аристипп вел жизнь странствующего софиста и только в конце жизни обосновался на родине, в богатой Кирене. Бывал он и при дворе сиракузских тиранов Дионисия Старшего и Младшего. Аристипп считал, что при таких условиях, т. е. при постоянной смене отечества, участие в жизни какого-нибудь государства не

может стеснить его личной свободы» [10, с. 66]. И далее: «Феодор, прозванный атеистом (это уже философ эпохи раннего эллинизма, одно время пребывавший при дворе Птолемея I), утверждал, что мудрец не должен видеть для себя препятствий, ни в законе, ни в обычаях, ни в религии. Он должен пользоваться вещами так, как они лучше всего служат для доставления ему удовольствия. Своим отечеством он считал космос (ср. с Диогеном Киником), а патристическое самопожертвование признавал глупостью. Однако в отличие от Аристиппа Феодор целью деятельности считал радость предполагающую в том, кто к ней стремится, рассудительность» [10, с. 67]. Они же все-таки ФИЛОСОФЫ, а не какие-нибудь сибариты?! Наслаждение здесь является философским принципом! Речь идет о разумном удовольствии т. е. управляемом с помощью разума! Парадокс чувств как раз и заключался в том, что будучи философами киренаики оставались свободными в своих наслаждениях, и их свобода как раз и проявлялась через наслаждение!

Сделаем небольшое замечание о школе киренаиков из «Курса лекций по древней философии» А. Н. Чанышева: «Основателем Киренской школы был Аристипп из города Кирены. Кирена — греческий полис на Североафриканском побережье в Ливии (сейчас там Киренаика). Аристипп был немного моложе Антисфена, он родился около 435 года и умер около 360 года. Он учился у Протагора и Сократа» [11, с. 236]. Все правильно!

В. Ф. Асмус дает следующую характеристику киренаиков: «Вместе с киниками Аристипп исходит из убеждения, что предметом знания может быть только практически достижимое благо. Наслаждение не может быть состоянием безличного покоя, а лишь положительным удовольствием, простирающимся не на прошлое и не на будущее, а лишь на настоящее. Только отдельное, заполняющее данный миг удовольствие имеет цену и должно быть предметом стремлений. Так как ни прошлое, ни будущее нам не принадлежит, то ни раскаяние, ни надежда на будущее, ни страх перед будущим не имеют никакого смысла. Цель жизни — в наслаждении настоящим» [12, с. 86–87]. Настоящая философия! Далее: «Из всех возможных наслаждений наиболее желательны чувственные, так как они самые сильные. Однако средством к достижению счастья должна быть свобода, которая дала бы нам силу отказаться от недостижимого удовольствия или от удовольствия, удовлетворение которого грозит причинить нам страдание. Поэтому философ должен быть одинаково готов к тому, чтобы воспользоваться ими, если позволят обстоятельства, так и к тому, чтобы с легким и беспечальным сердцем от них отказаться» [12, с. 87]. Вот он — парадокс чувств! Автор пишет про киренаиков, что из их учения выводится «отрицание существования богов и необязательность этических норм для мудреца» [12, с. 87]. Здесь мы видим явное сходство с софистами!

В начале рассмотрим идеи Д. В. Джохадзе. Об основателе школы: «Основателя киренайской школы причисляют к софистам. Философия Аристиппа, по-видимому,

представляет собой своеобразную смесь софистики с учением Сократа» [13, с. 70]. Далее он пишет: «Аристипп исходил из протагорового учения, в известной степени приведшего его к софистическому скепсису. Подобно софистам, Аристипп стоит на точке зрения признания истинности индивидуальных ощущений» [13, с. 71]. В итоге вышеназванный автор пишет: «Отметим также, что релятивизм киренаиков, в основе которого лежал абсолютизированный сенсуализм, имел своим результатом призыв к обособлению индивида, уход в себя» [13, с. 78]. Подчеркивает индивидуалистический характер этики киренаиков и софистов!

Т. М. Джафарли также излагает интересные идеи. Знакомимся: «Ученик Протагора и Сократа, сын богатого аристократа Аристипп (ок. 435–360 гг. до н. э.) среди других вопросов занимался и исследованием этических понятий. Он учил, что цель жизни — счастье, возникающее на основе наслаждений, которые поэтому и выступают в глазах людей как добро. Человек черпает свои знания о добре и зле из жизни, с помощью физических ощущений. Понятия добра и зла формируются на основе непосредственных субъективных ощущений, приносящих одним людям удовольствие, наслаждение, а другим — страдания» [14, с. 98–99]. Раскрывает: «По мнению киренаиков каждый человек способен испытывать три вида психического состояния: удовольствие, страдание и равнодушие. Естественно, что человек отдает предпочтение удовольствиям, совокупность которых и способствует формированию понятия счастья. самыми высшими удовольствиями являются наиболее интенсивные и длительные, т. е., по мнению киренаиков, физические, чувственные наслаждения. Поскольку киренаики видели смысл бытия в получении максимума наслаждений, причем в настоящий момент, то они и призывали людей «брать от жизни все радости», помнить, что «счастье — мимолетно, никто не может знать, что его ждет завтра». Чтобы мысли о быстротечности жизни, а также возможность лишиться радостей или не достичь некоторых из них не вызывали огорчений и страданий, киренаики призывали не придавать серьезного значения жизненным благам, приучать себя легко, безболезненно отказаться от них» [14, с. 99]. Парадокс чувств!

И посмотрим еще, что пишет о киренской школе А. С. Богомолов в своей монографии «Диалектический логос». Очень кратко: «Это означает переход принципов киренаиков в свою противоположность: удовольствие может быть целью лишь для безразличного к нему» [15, с. 227]. Философская позиция!

Приведем немного сведений о киренаиках из другой монографии А. С. Богомолова. Находим там: «От Аристиппа идет учение, согласно которому человек подобен осажденному городу — он находится в плену своих собственных ощущений или аффектов, не получая известий извне. Ибо ощущения — восприятие наших собственных состояний, а не внешних вещей» [16, с. 130]. Далее: «Феодор Атенст считал нравственные правила искусственными и условными. «По природе» нет ничего похвального или постыд-

ного. Здесь очевидно сближение киренской этики с кинической» [16, с. 131]. Софистики и киники и киренаики!

Посмотрим, что нам о киренаиках расскажет известный польский философ — Владислав Татаркевич. Итак, читаем: «Аристипп вначале познакомился со взглядами Протагора, позже — со взглядами Сократа, стал его учеником, но остался верен доктрине софистов во многих отношениях. Аристотель называл его софистом: основанием для этого были как его взгляды, так и бродячий образ жизни; он был первым из учеников Сократа, кто, по обычаю софистов, брал плату за учебу. У Сократа и софистов Аристипп научился тому же, что и Антисфен, — практические действия важнее теоретических рассуждений» [17, с. 121]. Далее: «Одинаковое неуважение к знанию и неверие в него формировали как киренаиков, так и киников. Знание они трактовали полностью в духе Протагора, как получаемое исключительно чувствами и всецело относительное. Кроме того, они ограничивали его в субъективном плане: мы познаем лишь собственные состояния, а не вещи, которые эти состояния вызывают» [17, с. 121–122]. Ученики софистов!

А. Ф. Лосев в своей «История античной эстетики» делится с нами своими удивительными мыслями: «Основной принцип киренаиков характеризуют обыкновенно очень неточно, когда сводят его к «удовольствию». Действительно, удовольствие, наслаждение, *hedone*, является у киренаиков необходимым слагательным их живого мироотношения» [18, с. 126]. По словам, А. Ф. Лосева — глубокоуважаемого последнего русского философа, их главная просветительская задача «есть попытка преодоления антитезы культурности и природы средствами сознания, смысла, души, духа. Если говорить действительно о первичном основании киренской философии, то это — стремление создать для человека свободу духа» [18, с. 127]. Раскрывает связь между киниками и киренаиками: «Из цельного, целесообразного, духовно-душевно-телесного организма, который не всегда одинаково отчетливо предносился умственному взору Сократа, киники выделили голый разум, без чувственности, — будучи абсолютизированным, он, конечно, не мог не оказаться абстрактным и не мог не опустошать чувственности, не мог не извращать инстинктов и жизни. Киренаики выделили не разум, но чувственность: у них не «удовольствие» оказалось подчиненным «благу», но «благо» оказалось подчиненным «удовольствию». И у них не абсолютный разум оставался победителем в хаосе жизненных ощущений, но — наслаждение, не разум оставался самим собою, во всей своей непоколебимости, перед лицом беспредельной тьмы человеческих инстинктов, но именно наслаждение оставалось самим собою, наслаждение было непоколебимой и единственной реакцией на жизненный хаос» [18, с. 127]. И подытоживает: «Таким образом, принцип киренаиков заключался не просто в наслаждении, но в свободе духа, который всегда наполнен наслаждениями, что бы на него ни действовало, независимо от внутреннего

самонаслаждения духа от каких бы то ни было внешних влияний» [18, с. 128]. Это и есть парадокс чувств!

Г. В. Ф. Гегель «Лекции по истории философии». «Но рассмотрение дальнейшего развития принципа киренаиков интересно в особенности потому, что это развитие, благодаря необходимой внутренней последовательности, заставило выйти за пределы этого принципа и, в сущности говоря, совершенно упразднило его. Ощущение есть неопределенное единичное. Но если в этом принципе выдвигается мышление, рассудительность, умственная культура, то благодаря принципу всеобщности мышления исчезает этот принцип случайности, единичности, голый субъективности, и поэтому то обстоятельство, что эта большая последовательность всеобщего является непоследовательностью в отношении этого принципа, и представляет собою единственное достопримечательное в этой школе» [19, с. 101]. Ну хоть так...

Попробуем выделить некоторые общие черты у киренаиков и софистов:

(1) сенсуализм (2) номинализм (3) нигилизм (4) антитеза «натура» — «культура» (5) платное обучение (6) странствующая жизнь (7) индивидуалистическая этика (8) обращенность к людям (эмпатизм) (9) антропологизм (10) практицизм

После прочитанного возникает ощущение, что мегарская школа как-то обособляется от кинической и киренской. Это связано с очень сильной абстрактностью их учения. Однако ситуация меняется с появлением Стилпона. Подчерпнем кое-какие сведения о нем от Диогена Лаэртского: «Стилпон из Мегар, что в Элладе был слушателем кого-то из учеников Евклида; некоторые говорят, будто он слушал даже самого Евклида, а также Фрасимаха Коринфского, который, по словам Гераклида, был другом Ихтию. Он настолько превосходил всех изобретательностью и софистикой, что едва не увлек в свою мегарскую школу всю Элладу» [1, с. 127]. Далее: «Нрава Стилпона было открытого, чужд притворства и умел разговаривать даже с простыми людьми. Кратет спросил его: «Чувствуют ли боги радость от наших поклонений и молитв?» — а он, говорят, ответил: «Глупый ты человек, такие вопросы задают не на улице, а с глазу на глаз!» Однажды, когда киник Кратет не смог ответить на вопрос и начал отругиваться, он сказал: «Конечно, тебе легче сказать все что угодно, чем то, что нужно!» А когда Кратет задал ему как-то вопрос, стоя с сушеной смоквой в руке, он выхватил ее и съел. «Пропала смоква!» — воскликнул Кратет. «И пропал вопрос твой, потому что смоква была платой вперед за мой ответ» — отозвался Стилпон. В другой раз, зимою, увидев продрогшего Кратета, он сказал: «Как видно, Кратет, нужно не просто носить плащ, а с умом!» [1, с. 128]. Из этого для нас важны несколько выводов: во-первых, Стилпон был по характеру близок к Аристиппу; во-вторых, полемизировал с киниками (Кратетом), как в свою очередь Аристипп с Диогеном; в-третьих, при нем мегарская школа обрела популярность по всей Элладе, как и софисты.

Если продолжить, то сравнение которое мы уже начали проводить говоря о киниках и киренаиках, то получим, что мегарики — это лунная отстраненная интеллектуальная сторона софистики, явно перенявшая от них стремление к исследованию слов с целью установления исходного значения во множестве смыслов и различных случаев словоупотребления (этимологизм) и игра со смыслами слов, с целью выяснения всего спектра значений для наиболее удачного использования в каждом конкретном случае (кайросологизм).

Этим мы хотим сказать, что все эти школы были связаны через софистов.

Обратимся к авторитету глубокоуважаемого А. Ф. Лосева для сравнения киренаиков и киников. Посмотрим: «Однако здесь (у киренаиков — П. К.) совсем иная конфигурация понятий, чем у Сократа, и прямо противоположная той, которая у киников. Если у киников жизненные инстинкты оставлялись на их полный произвол и сознание пользовалось этим произволом, чтобы выработать свою независимость от них, то, как мы знаем, практически это приводило только к искоренению жизненных инстинктов, ибо, лишённые соотнесенности с сознанием, они превращались в чисто физические и механические процессы. Киренаики тоже исходили из свободы и произвола жизненных инстинктов, тоже предоставляли жизненному хаосу протекать в любом направлении, с любыми капризами и зигзагами. Киренаики, тоже вместе с киниками, ставили при этом самоцелью не этот стихийный хаос жизни, но именно свободу духа, появляющуюся в виде реакции на этот хаос» [18, с. 127]. И киренаики, и киники брали своим исходным пунктом произвол, воспринятый ими от софистов. В отношении же к человеческим потребностям их позиции оказываются прямо противоположными: киники считают, что желания нужно подавлять как опасность свободе духа, а киренаики, что желания являются способом выражения свободы духа. И продолжает: «Нетрудно заметить, что в своем логическом развитии обе эти эстетические системы весьма похожи одна на другую. Обе они являются безвыходным тупиком и печальным результатом «неразвитой напряженности принципа». Единственное их коренное различие заключается только в их исходных пунктах, то есть как раз в этом самом принципе, о неразвитой напряженности которого идет речь. Киники исходили из примата общежизненного процесса, то есть из чего-то так или иначе объективного; киренаики же исходили исключительно только из субъективного состояния человека, именно из удовольствия. Продумывая эти свои исходные принципы, обе школы проходили приблизительно одинаковые этапы логического развития» [18, с. 135–136]. Позволим себе не согласиться с такой мрачной оценкой этих школ. По нашему скромному разумению, их исходным «принципом» является софистическое свободомыслие и просветительское стремление поднять человека на уровень глубокого сознательного отношения к жизни, ее философского осмысления и мудрого правильного отношения к ней. Их деятельность можно на-

звать «напряженной» т. к. они не просто жили-были вовлеченные в свои человеческие страсти, как большинство людей, а ставили перед собой высокую цель дать людям представление о подлинной свободе, и это происходило в столкновениях с обыденными представлениями или в борьбе с традицией, ради утверждения подлинного достоинства человека и избавления его от жизненных миражей. Они, как и софисты, учили добродетели и мудрости. Под «неразвитостью» А. Ф. Лосев скорее всего имеет в виду отсутствие системного учения в этих школах. Поставим вопрос: А могло оно у них быть? Все софистические школы были революционерами разрушителями критиками!

Он же о мегариках киниках и киренаиках. Находим: «С исторической точки зрения такая негативная позиция (отрицания чувственной множественности) тоже была не меньшим вырождением, чем философия киников или киренаиков, так как, начав как будто бы с максимально положительного утверждения (Единое), они кончали голой эристикой и диалектикой, уже окончательно не содержащими в себе никакого положительного учения. И если киники с киренаиками начинали с абсолютизации жизненного процесса или субъективного удовольствия и кончали, как это было показано, чистейшими фикциями, то мегарцы, наоборот, начинали с максимального концентрированного бытия (Единое) и кончали тоже чистейшей фикцией — бесплодным и рассудочным отрицанием движения и множественности, для всех людей совершенно очевидных» [18, с. 139–140]. Мегарики не так просты! Они как софистики так же были сотрясателями основ только в теории смыслов!

На эту же тему писал Г. В. Ф. Гегель. Читаем о киренаиках и киниках: «У киренаиков и циников, главной целью были индивидуальная жизнь и практическая философия. Если киренаики не остановились на общем определении добра, а полагали, что оно скорее состоит в удовольствии отдельного лица, то циники, видимо, держались совершенно противоположного взгляда, так как определенное удовлетворение желаний они выражают как естественную потребность, причем это соединялось у них с отрицательным отношением к тому, что другие делают. Но как киренаики, так и циники этим удовлетворяли свою особенную субъективность, и обе школы ставят себе поэтому в общем одну и ту же цель — свободу и самостоятельность индивидуума» [19, с. 100–101]. Просто, ясно и четко: объединяет их свобода и самостоятельность — характерные черты софистов! Разное как у А. Ф. Лосева.

И он же только теперь о киниках и киренаиках: «Циники, подобно киренаикам, ставили себе задачу определить, что должно быть для сознания принципом как в отношении познания, так и в отношении поступков. Циники также признавали благо общей целью и спрашивали: в чем следует искать этого блага для отдельного человека? Но если киренаики, согласно своему определенному принципу, признавали сущностью для сознания сознание себя как некоего единичного, или чувство, то циники, на-

против, признавали сущностью эту единичность, поскольку она непосредственно для меня обладает формой всеобщности, т. е. поскольку я являюсь равнодушным ко всякой единичности свободным сознанием. Они, таким образом, стоят на противоположной точке зрения, чем киренаики, ибо они начинают с полной свободы и независимости, как отличительной черты человека, между тем как для последних принципом является чувство, которое, правда, расширяется до всеобщности и полной свободы, ибо оно должно определяться мыслью. Но так как это есть то же самое безразличие самосознания, которое Гегезий провозгласил сущностью, то крайности цинического и киренского способа мысли своим последовательным развитием упраздняют сами себя и переходят друг в друга. У киренаиков мы видим возвратное движение вещей в сознание, согласно чему ничто не есть для меня сущность; циники тоже интересуются лишь собою, и для них также служило принципом самосознание. Но циники, по крайней мере вначале, выставляли руководящим основоположением для человека свободу и безразличие, как в мыслях, так и в действительной жизни, ко всякой внешней единичности, ко всем внешним целям, потребностям и удовольствиям, так что образование приводило у них не только к равнодушию ко всем этим потребностям и удовольствиям и к внутренней независимости, как это имело место у киренаиков, а к явным лишениям и ограничению потребностей самым необходимым, тем, что непосредственно требуется природой. Циники, следовательно, признали содержанием блага высшую независимость от природы, т. е. именно испытывание возможно меньшего числа потребностей: это — бегство от удовольствий, бегство от приятных ощущений» [19, с. 109–110]. Общее: благо, единичность, свобода, самосознание. Разное: циники избегают приятных ощущений, а киренаики специально ищут.

Здесь надо отметить, что древняя Греция представляла собой метафизическую агору — площадь на которой встречались представители самых различных философ-

ских школ и вели живую жаркую полемику с обязательной примесью иронии, с целью уловить неуловимое, постичь непостижимое, узреть потаенное, скрытое за словами и жестами! И все переходы идей между школами практически невозможно отследить, потому что для них это было не театральное представление, а искренний поиск истины в процессе которого одни мнения принимались как правдоподобные, а другие отвергались как несостоятельные. И если бы не было этого брожения мыслей, то возможно не появились бы и величественные построения Платона с Аристотелем, так как им тогда просто нечего было бы систематизировать...

Все это прекрасно! Однако, так нас все же волнует вопрос какое место в этом грандиозном симпозиуме занимали софистические школы, то попробуем аккуратно изложить наши парадоксальные и ошеломляющие соображения. Софисты внесли с собой некую анархию духа как компонент в античную философию. Вместе с ними вошел и остался там навсегда научный дух в греческой культуре. Именно они заложили основы логики, риторики, филологии, политологии, социологии, юриспруденции, психологии. Софисты были блестящими дипломатами, послами, ораторами и даже занимались лингватерапией. Ну и главное то, что они были просветителями! Они обладали уникальной энциклопедичностью знаний и стремились распространять их ради создания новой элитарности образования! Немецкие исследователи (В. Виндельбанд, Т. Гомперц, Э. Целлер, К. Форлендер, Г. Арним, Г. В. Ф. Гегель) называют их учеными и профессорами! Если характеризовать их интерес к пестроте жизни и интересным фактам, то можно называть их и журналистами!

Софистические же школы, на наш взгляд, переняли от них самое определяющее — силу свободомыслия и могущество просвещения, преобразованные в соответствии с особенностями каждой из отдельных школ и несущими антропологическую окраску! Их принципиальная черта — парадоксальность!

Литература:

1. Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; Пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М.: Изд-во «Мысль», 1998. — 572 с.
2. Льюис Дж. Г. Античная философия: от Евклида до Прокла / Дж. Г. Льюис. — Мн.: Издательско-коммерческое общество «Галаксиас», 1998. — 224 с.
3. Виндельбанд, В. История древней философии / В. Виндельбанд. — М.: Изд-во «Книга по требованию», 2014. — 416 с. — (печатается с издания 1911 года).
4. Целлер, Э. Очерк истории греческой философии / Пер. с нем. С. Л. Франка, примечания М. А. Солоповой. — М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 352 с. — (История философии в памятниках).
5. Гомперц, Т. Греческие мыслители в 2 т. Т. 2 Сократ и сократики. / Т. Гомперц. Пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык. Науч. ред. нового изд., коммен., примеч. и предис. А. В. Цыба. — Спб.: «Алетейя», 1999. — 269 с. — (Научное издание. Серия Античная библиотека. Раздел Исследования).
6. Арним, Г. История античной философии / Пер. с нем. и предисл. С. И. Поварнина. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с. — (печатается с издания 1910 года).
7. Форлендер, К. Общедоступная история философии / К. Форлендер. Пер. с нем. П. Виноградской, предисл. Е. Преображенского. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. — 316 с.

8. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. — 576 с., илл.
9. Дынник, М. А. Очерк истории философии классической Греции / М. А. Дынник. — М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. — 272 с.
10. Залесский, Н. Н. Очерки истории античной философии. I Философия классической греции / Н. Н. Залесский. — Л.: Изд-во Ленинградского у-та, 1975. — 103 с.
11. Чанышев, А. Н. Курс лекций по древней философии / А. Н. Чанышев. — М.: «Высшая школа», 1981. — 374 с.
12. Асмус, В. Ф. История античной философии / В. Ф. Асмус. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1965. — 320 с.
13. Джохадзе, Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики: Эпоха античности. / Д. В. Джохадзе, Н. И. Джохадзе. Изд. 2-е. — М.: КомКнига, 2010. — 328 с.
14. Джафарли, Т. М. Из истории домарксистской этики / Т. М. Джафарли. — Тбилиси: Ганатлеба, 1970. — 442 с.
15. Богомолов, А. С. Диалектический логос: Становление античной диалектики / А. С. Богомолов. — М.: Изд-во «Мысль», 1982. — 263 с.
16. Богомолов, А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 368 с.
17. Татаркевич Вл. История философии / Вл. Татаркевич. — Пер. с польск. В. Н. Квасков. — Пермь: Изд-во Перм. у-та, 2000. — Античная и средневековая философия. — 482 с.
18. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / Худож.-оформитель Б. Ф. Бублик. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. — 846 с. — (Вершины человеческой мысли).
19. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. 1816–1826. / [Пер. с нем.] — СПб.: Наука, 1994. — 423 с.

Актуальность идей даосизма в решении современных экологических проблем

Осипенко Алексей Евгеньевич, магистрант
Уральский государственный лесотехнический университет

В данном исследовании предпринята попытка взять в качестве модели неистощительного природопользования принципы гармонизации взаимодействия человека и природы, изложенные в философском учении Дао дэ Цзин.

Ключевые слова: Даосизм, Дао дэ Цзин, принцип «недеяния», технократия, экология, человечество, мораль, гармония.

Есть множество областей хозяйственно-экономической деятельности, которые приносят невосполнимый вред окружающей среде, биоценозам, людям и планете в целом. Чтобы избежать экологического загрязнения, прежде чем применять какие-либо индустриальные технологии, нужно проследить за тем, чтобы они не вступали в противоречие с объективными законами Природы, иначе говоря, соблюдать принцип природосообразности, или «недеяния», как его именовали в Древнем Китае последователи даосизма [3].

Однако сегодня мы видим, что экологические проблемы присущи не только западному способу индустриального развития, но и сегодняшним потомкам древних цивилизаций Востока (Япония, Китай, Индия...). Как только им открылись возможности индустриализации по технократическому сценарию, — они «забыли» про принцип «недеяния» и принялись догонять Запад в наращивании объёмов губительной технократии. Так, по оценкам ряда исследователей, в недалёком будущем Китай может догнать даже США по объёму вредоносных выбросов в атмосферу и загрязнению окружающей среды отходами от его промышленности. Это связано с капиталистически-потребительским мышлением

большинства населения, обладатели которого руководствуются принципом «прибыль любой ценой», игнорируя глобальные опасности, которые несёт их деятельность [1].

Объект исследования

Объектом нашего исследования выступают философия Дао и экологические проблемы современной цивилизации. В ходе работы был изучен переведенный на русский язык первоисточник — трактат «Дао де Цзин» и ряд статей современных авторов, размещенных на Интернет-ресурсах, в частности, монография В. Данилова-Данильяна, К Лосева, И Рейфа «Перед главным вызовом цивилизации. Российский взгляд на проблему». В ходе исследований мы применяли аналитический, синтетический и сравнительный методы, а также метод теоретического обобщения.

Результаты исследования

Даосизм — философско-религиозное учение, зародившееся во времена Древнего Китая. Его основателем явля-

ется древнекитайский мудрец Лао-Цзы (VI—V вв. до н. э.). Основными источниками даосизма послужили архаические религиозные культы древнего царства Чу и других «варварских» государств на юге Китая, учение о бессмертии и мистические практики, а также «философская» традиция северного Китая [3].

В культуре Древнего Китая было широко распространено поклонение явлениям природы. Круговорот в природе и точный порядок движения небесных светил китайцы объясняли существованием бога неба (небесного начала) — Тянь, которому они поклонялись. Сам человек (микрокосм) воспринимался как часть макрокосма, и на этой посылке строилась вся жизнь социума — обряды, традиции, медицина и т. д. Но что еще важнее и сам космос представлялся чем-то родственным человеку. При этом, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы человек был поставлен в центр мира, а мир отдан во власть человека, как например, это позже проявилось в католической и протестантской линиях христианства. По верованиям даосов, гармония в мире связана с мотивом закона (Дао). Этот закон сохраняет правильный порядок в мире, благодаря которому день меняет ночь, растут травы, светит солнце. Это универсальный закон Космоса, который каждый обязан знать и в соответствии с которым человек обязан жить. Закон природного миропорядка рассматривался как одна из величайших ценностей, как благо и истина.

Убеждение, что самым важным в жизни должно быть гармоничное соотношение вещей, привело к тому, что цель своей религии китайцы определили, как сохранение естественного ритма жизни и стремление к гармонии во всех взаимоотношениях. Они считали, что причиной всякого рода бедствий, служит нарушение гармонии между людьми и природой. Показательно, что «дао» можно перевести как «закон», «путь» и объяснить, как плавное движение всего естественного в мире [2,3,4].

Пути Дао присуща сила «Дэ» — буквально «добродетель» или «мораль». Добродетель, данная свыше, огромная духовная мощь, которой Небо наделяло правителя Китая и которую он мог передавать своим подданным.

Через силу «У-вей» Дао проявляется в каждом человеке. «У-вей» нельзя истолковывать как усилие, а наоборот, как стремление избегать всякого усилия. «У-вэй» — означает «недеяние», или отрицание целенаправленной деятельности, идущей вразрез с естественным порядком. В основе неправильного действия, как гласит Дао де Цзин, всегда лежит корыстный мотив, проистекающий из самости человека — узкого, ограниченного эго (маленького, низшего «я»). Правильные действия, основанные на принципе недеяния, — это деятельность человека, которая согласовывается с естественным ходом миропорядка. Всякое действие, противоречащее Дао, означает пустую трату сил и приводит к неудаче, разрушению и гибели.

Дао воплощает в себе идею непостижимой, могущественной и безличной силы, которая управляет порядком всех вещей и событий во Вселенной. Эта сила выражается в двух противоположных источниках энергии инь и

ян. В то время как инь олицетворяет женское начало, материальный аспект бытия, ян истолковывается как мужское, и обозначает духовную сторону жизни. Все предметы и живые существа, включая людей, содержат в себе оба начала, но в разных пропорциях, которые не всегда одинаковы в разное время. Так, у живого дерева преобладает ян, но в процессе «умирания» в нем увеличивается содержание инь. Этим взаимозамещением полярных первоначал и объясняли причину перемен в явлениях природы и жизни людей [1,2,3].

Принцип «недеяния» и многие положения закона «Дэ» полезны для поддержания гармонии между человеком и Природой / Космосом. Представителям современного общества, настроенного на расхитительную модель хозяйствования, есть чему поучиться у древних даосов, причем в самых различных областях оздоровления и гармоничного бытия.

Согласно даосизму, истинное Дэ всегда является путем каждого отдельного человека, стремящегося к озарению, к раскрытию себя, к бессмертию. А это значит, что прежде всего, чтобы изменить мир в лучшую сторону, мы должны начать с совершенствования самих себя. Свою жизнь нужно строить по принципам природосообразности, разумного потребления, социальной справедливости. Начать нужно с малого: не сорить, бережно относиться к биосферным ресурсам (воде, продуктам питания, лесным массивам, горным ледникам и др.), строить свои отношения с другими людьми на основе подлинной морали.

Духовная эволюция человечества послужит залогом будущего Земли, но возможна она лишь благодаря целенаправленному упорному труду и при условии, что человек со своей деятельностью гармонично впишется в естественную природную среду, в том числе и космическую [1,4].

Автор Дао де Цзин завещал нам свою мудрость: «Если кто-либо хочет овладеть миром и манипулирует им, того постигнет неудача. Ибо мир — это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его» [2].

Таким образом, согласно философии даосизма, мы не должны по своему произволу менять мироустройство, человечество и Земля неразрывно связаны. В экологическом отношении, даосское учение одним из первых сформулировало идею о взаимозависимости между человеком, растительным, животным миром и окружающей средой. В духовном плане, само понятие «Дао» сводится к следующему: человек служит связующим элементом между землей и небом. И если человечество начинает вырождаться, эта связь нарушается. Земля в таком случае не выживет, что приведет к полной неразберихе в мироздании. Сегодня мы видим, как человечество «вырождается» духовно. Погоня за прибылью становится главной целью существования. Люди изо всех сил стараются заработать как можно больше денег, не замечая ничего вокруг. Нарушается принцип «недеяния», которому учит даосизм.

Если бы человечество жило по средствам, а не гналось за сверхприбылью, перед ним не встала бы так остро проблема экологической ситуации на Земном шаре.

Заключение

Человечество пришло к новому этапу развития, на котором масштабное развитие производственных мощностей, быстрый рост населения, отсутствие самодисциплины могут уничтожить хрупкую экосистему планеты. Мы встретились с проблемами современной жизни, с новыми общественными порядками, новым миропредставлением. Именно по этой причине возникло понятие «экологическое мышление». Оно напоминает нам, что мы дети Земли, а не ее хозяева. Земля со своей экосистемой существовала задолго до появления человека, и вполне сможет существовать без нас. Человек же — напротив: без экосистемы планеты не сможет сохранить себя как вид.

Философия даосизма учит людей снова воспринимать себя как часть окружающей природы. Необходимо относиться к природе, как к собственному дому, а не как к источнику ресурсов, из которого нужно «выжать все

соки». С развитием технологий и науки у человечества появилась возможность ставить грандиозные цели и самое главное достигать их. И очень правильно, что постепенно экологическое мышление охватывает развитые страны.

Для того, чтобы жить в нашем общем доме, мы должны выработать не только некие общие правила поведения, но и стратегию своего развития. Правила общежития носят в большинстве случаев локальный характер. Они сводятся чаще всего к разработке и внедрению малоотходных производств, к очищению окружающей среды от загрязнений, то есть — к охране природы.

Чтобы удовлетворить этим локальным требованиям, нет необходимости в каких-либо сверхкрупных мероприятиях: все решается культурой населения, технологической и, главным образом, экологической грамотностью и дисциплиной местной власти [5].

Природа в миллионы раз совершеннее и «умнее» любых человеческих технологий, и единственный способ отвести грозящую катастрофу — немедленно ослабить, снять, антропо-техногенную нагрузку на природную среду, от которой на Земле страдает все живое, и освободить «законно» принадлежащее Природе место.

Литература:

1. Данилов-Данильян, В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 224 с.
2. Дао де Цзин. Под редакцией Л. Н. Толстого. — <http://taofoooh.narod.ru/3/transl.htm>
3. Прогнозно-аналитический центр Академии Управления. — Сравнительное богословие. Книга 6. Учебное пособие. — М.: НОУ «Академия Управления», 2010 г.
4. Козлов, В. В. Даосизм о природе человека. Статья: <http://psyera.ru/daosizm-o-prirode-cheloveka-73.htm>
5. Моисеев, Н. И. Наука и жизнь, экология в современном мире. Статья: <http://www.nkj.ru/archive/articles/10376/>

Научная теория как система

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет

Развитая теория представляет собой систему с устойчивой структурой, связывающей между собой её абстрактные объекты. В. С. Степин называет такую систему теоретической схемой, чтобы отличить её от других идеализированных компонентов теории. Мы называем её теоретической моделью. Она привлекла к себе внимание философов еще в 1960—70 годы. Так, И. С. Алексеевым была предложена концепция модели физического знания, где она рассматривалась как синтезированная при помощи математического формализма модель данных о наблюдаемых и ненаблюдаемых физических объектах [1]. В научной теории её предметная область представлена двумя видами абстрактных объектов: идеализированной моделью изучаемой реальности, и абстрактными объектами, при помощи которых эта модель строится. Примером первой может

служить модель молекулы ДНК, второй — гены, как относительно самостоятельные единицы наследственной информации, из которых образованы цепи этой сложной молекулы. Понятно, что с изменением предметной области теории, конструкторы, образующие теоретическую модель, сами могут быть рассмотрены в качестве моделей, состоящих из определенных абстрактных объектов.

Итак, теоретическая модель есть абстрактный объект, состоящий из других абстрактных объектов. Под теоретической моделью мы понимаем абстрактный объект, представляющий всю предметную область научной теории. Отсюда следует, что она является конструкцией, элементы которой принципиально отличаются от самих изучаемых вещей и явлений, представляет не все, а только некоторые свойства изучаемой реальности.

В теоретической модели, рассматриваемой в качестве компонента научной теории, можно выделить элементы и структуру. Образно говоря, для построения воображаемого «теоретизированного мира» субъекту нужен строительный материал и проект. Строительным материалом теоретической модели, как уже отмечалось, выступает такой вид теоретических объектов, как теоретические конструкты. С ними человеческая мысль имеет дело давно. Еще в Древнем мире появились понятия числа, плоскости, линии, точки, треугольника вместе с чувственными носителями этих понятий — теоретическими конструктами. По мере развития науки их количество растет, что связано с ростом роли теоретического знания в жизни общества. Теоретический конструкт — это обобщенный образ класса объектов, образующих область значения данной абстракции. Абстрактность этих образований позволяет отвлечься от несущественных свойств элементов исследуемой реальности, и, тем самым, упростить процесс познания. Модель реальности, созданная классической механикой, невозможна без таких теоретических конструктов, как материальная точка, сила, инерциальная система отсчета.

Теоретические конструкты, с одной стороны, выступают как знаки, с другой — как символы. Это обусловлено тем, что знак больше связан с формой, а символ — с содержанием описываемой системы. Теоретический конструкт по отношению к структуре теории «работает» как знак, а поставленный в соотношение с обозначаемым им элементом экспериментально-измерительной процедуры (или иного фрагмента практической деятельности с объектом) — как символ. Если же его удастся связать с чувственно-наглядным опытом человека, то он обнаруживает свойство «картинности» — онтологизируется, отождествляется с объектом материального мира. В реальном процессе научно-теоретического познания существуют четыре способа образования теоретических конструктов: а) абстрагирование эмпирических представлений об элементах изучаемой системы; б) перенос их из других теорий или иных видов знания; в) допущение существования их прототипов в сфере исследования (создание гипотетических объектов); г) изобретение идеализированных объектов для нужд теории (создание идеализированных объектов). В первом случае речь идет о выделении фрагментов изучаемой реальности и проведении с ними аппроксимирующих процедур. Так создаются многие абстрактные объекты новых научных дисциплин. Внешним признаком этого процесса является образование в науке новых терминов. Примером здесь может послужить появление квантовой механики, астрофизики, молекулярной биологии со своими теоретическими конструктами (квант, квазар, хромосома и др.). Второй путь появления теоретических конструктов связан с наличием в постоянно изменяющейся системе знания устойчивых, проверенных практикой положений, которые могут использоваться как базис для новых теорий. Например, в молекулярной биологии не было необходимости заново создавать такие конструкты как молекула, атом, ион, воз-

никшие в рамках физики и химии. Третий путь связан с тем, что достоверные научные теории не появляются сразу в готовом виде, а возникают сначала в виде гипотезы. Так, например, возникли понятия нейтрона, позитрона, вакуума и т. д. Четвертый путь связан с необходимостью построения единой теории, способной объяснить целые классы тождественных явлений. В качестве исходных объектов такая теория должна иметь некие образцы, воплощающие в себе необходимый набор свойств и отношений, характерных для изучаемой предметной области (и ничего более). Так, например, появились абстрактные конструкты физической теории — идеальный газ, абсолютно твердое тело, идеальная жидкость и т. п.

Выделение теоретических конструктов — важный и ответственный этап построения теории, но ее задачей является также и установление взаимосвязи между элементами изучаемой системы. В. Н. Карпович пишет, что теории «отличаются от своих составляющих именно наличием связи между ними» [2, с. 8]. Эти сущностные связи между теоретическими конструктами В. С. Степиным рассматриваются в качестве законов, составляющих смысл научной теории.

В отличие от многих концепций западной философии науки, в отечественных работах, появившихся в 1970-гг., развивается деятельностный подход в исследовании природы научной теории, подчеркивается объективный характер её структурной организации, представляющей собой трансформированную в знаковую форму структуру практики (И. С. Алексеев, Д. В. Пивоваров, В. С. Степин, Г. П. Щедровицкий и др.). В этих исследованиях утверждается, что структура теории — это отражение объекта в формах практики: теоретические построения рассматриваются в них как умственные слепки, аналоги схем материальной, практической деятельности. «Изучить объект означает зафиксировать в научном познании схему предметных отношений соответствующей предметной деятельности. На любом этапе познания человек будет «видеть» природу такой, какой она принципиально может быть представлена в его практике» [3, с. 209].

Итак, построение предметной области теории представляет собой следующую процедуру: реальные объекты превращаются в теоретические конструкты, а затем операции с теоретическими конструктами совершаются по образцу операций с реальными объектами. В результате возникает теоретическая модель.

Однако здесь возникает весьма сложный вопрос: если структура теоретической модели есть интериоризованная структура экспериментально-измерительных процедур, то откуда берется эта структура у последних? Ведь прежде чем начать эксперимент или наблюдение исследователь имеет план и предварительную схему ожидаемых действий. С одной стороны, наука должна быть априорной, а с другой — апостериорной. Априорность науки вытекает из её всеобщих и необходимых положений, формулируемых в виде аналитических суждений. Но для получения нового

знания аналитических суждений недостаточно — здесь нужен опыт, результаты которого фиксируются в синтетических суждениях. В то же время знание, полученное эмпирическим путем, не может претендовать на всеобщий и необходимый характер. Как же возможна наука? Известно, что Кант решал эту проблему так: разум дает формы («правила продуктивного воображения»), позволяющие в процессе познания накладывать категориальную сетку логики на постоянно изменяющийся чувственный опыт. С тех пор кантовская парадигма не сходит со страниц серьезных работ по гносеологии. Следуя ей, Больцано и Милль пытаются вывести из конкретного материала научных исследований устойчивые схемы познавательной деятельности и изучить их в чистом виде. Своеобразная попытка реализации этой идеи была предпринята философами лингвистического анализа, пытавшимися найти «схемы» разума в структуре языка. Отзвук кантовской идеи слышен даже в постпозитивизме: парадигмы Куна напоминают кантовские схемы, проецированные на исследуемый материал. Продуктивная и долгая жизнь этой кантовской идеи говорит о том, что она действительно обладает определенной эвристической силой, ибо она содержит один из общих алгоритмов познавательного процесса: приступающий к изучению незнакомого явления имеет предварительную схему исследования. Информация, собираемая в результате исследований, систематически сопоставляется с этой предварительной схемой, уточняя, дополняя и тем самым, изменяя ее. Известно, что Кант решал вопрос о происхождении «схем разума» как априорных форм. У сторонников деятельностного подхода существует иное решение этой проблемы: за основу логических и языковых структур принимаются формы практической деятельности людей. С учетом сказанного, уточним способ формирования теоретической модели, выдвигаемый сторонниками деятельностного подхода. Субъект приступает к изучению объекта с предварительной готовой схемой исследования, в которой аккумулирован опыт решения подобных задач. Этот опыт есть интериоризованные схемы личной практи-

ческой деятельности или усвоенный через язык практический опыт других людей. Но откуда человек знает, какую схему решения нужно выбрать в данной ситуации? Как заметил Г. П. Щедровицкий, построение сложного системного знания об объекте предполагает в качестве своего предварительного условия знание структуры этого объекта. Автор отмечает парадоксальность данного высказывания: чтобы построить образ объекта, нужны знания, а чтобы иметь знания, нужен образ! [4]. Ответ на этот вопрос предполагает знание того, как выбирается предмет теории, как мы отделяем предмет от фона и фон от предмета. Психологи отвечают на этот вопрос так: избирательность информации обусловлена тем, что мир отражается всегда через призму потребностей и целей субъекта, на результат отражения влияет система социокультурных, профессиональных, личных ценностей. На объектное расчленение мира решающее влияние оказывает мировоззренческое знание. Любое мировоззрение включает в себя важнейший компонент, составляющий его предметное содержание — картину мира. Именно из нее черпает разум нужные эталоны решения познавательных задач. «Картина исследуемой реальности «подсказывает», откуда можно заимствовать абстрактные объекты и структуру, соединение которых приводит к построению гипотетической модели новой области взаимодействий». Сторонники деятельностного подхода полагают, что картина мира содержит схемы «базовых операций» (Д. В. Пивоваров), в которых концентрирован не только индивидуальный, но и родовой опыт человека как социального существа. При этом часто подчеркивается объективность этих схем, связанная с тем, что их форма детерминирована особенностями объектов, включенных в человеческий опыт (Э. В. Ильенков). В результате получается триада, полностью вписывающаяся в основную парадигму классического рационализма: структура объективного мира формы человеческой деятельности формы мышления. Почти три последних десятилетия она определяла характер многих отечественных исследований по эпистемологии, включая и работы автора этих строк [5; 6; 7].

Литература:

1. Алексеев, И. С. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики. М.: Руссо, 1995. 528 с.
2. Карпович, В. Н. Системность теоретического знания. Логический аспект. Новосибирск: Наука, 1984. 128 с.
3. Практика и познание. М.: Наука, 1973. 360 с.
4. Щедровицкий, Г. П. Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М.: Наука, 1984. с. 82–94.
5. Рахматуллин, Р. Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции: дис.... д-ра филос. наук. Уфа, 2000. 276 с.
6. Рахматуллин, Р. Ю., Габбасова Л. М. Роль обыденного сознания в онтологизации теоретической модели // Вестник ВЭГУ. 2005. № 1. с. 178–185.
7. Рахматуллин, Р. Ю. Об онтологических основаниях логического мышления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (47). с. 148–150.

Принцип развития в эпистемологии

Семенова Эльвира Разифовна, кандидат философских наук
Башкирский государственный аграрный университет

Существует мнение, что идею развития в самом общем виде впервые выразил Гераклит (ок. 520 — ок. 460 до н.э.). Вот что пишет по этому поводу Платон: «Гераклит говорит где-то, что «все сущее течет (движется), и ничто не остается на месте», а еще, уподобляя сущее течению реки, он говорит, что «дважды тебе не войти в одну и ту же реку» [1, с. 440]. Этими словами Гераклит выразил идею, что на все нужно смотреть как на процесс, ибо все течет подобно реке: когда ты заходишь в нее вторично, то она уже не та же самая река: те воды утекли, дно и берега реки частично изменились. И это неизбежно происходит с каждой вещью, с каждым человеком, с каждым государством — все без исключения подвержено влиянию времени.

Идея изменчивости мира неизбежно приводит к вопросу о направленности изменений. Куда все «течет»? К чему устремлены человек и человечество? К лучшему? Что значит «к лучшему»? Авторы многих философских и научных работ предлагают смотреть на мир как на вечно развивающуюся систему. Но что значит развиваться? Еще В. С. Соловьев заметил неоднозначность этого понятия: «Понятие развития с начала настоящего столетия вошло не только в науку, но и в обиходное мышление. Это не значит, однако, чтобы логическое содержание этой идеи стало вполне ясным для общего сознания; напротив, это содержание является весьма смутным и неопределенным не только для полуобразованной толпы, но даже иногда и для ученых и quasi философов, употребляющих это понятие в своих теоретических построениях» [2, с. 141]. Сам автор предлагал понимать под развитием «ряд имманентных изменений органического существа, который идет от известного начала и направляется к известной определенной цели» [2, с. 142]. Видно, что Соловьев, как Д. Лукач и Ст. Тулмин, считал целесообразным применять термин «развитие» лишь для характеристики биологических и социальных систем, что в марксистской диалектике считается ошибочной точкой зрения.

В современной философии встречаются в два понимания развития: 1) развитие как прогресс, т. е. движение к лучшему, к более совершенному и высокому уровню бытия. «Развитие... есть изменение от простого к сложному, от низшего к высшему, и не как исключение, а как общее правило», — пишет А. Е. Фурман [3, с. 198]; 2) развитие как «направленные качественные изменения, связанные преемственной связью» [4, с. 96].

Первая из приведенных точек зрения на развитие страдает одним существенным для научного мышления недостатком: в ней негласно присутствует идея о наличии всеобщего критерия прогресса. Действительно, что значит «к лучшему»? Или к «более высокому уровню бытия»? Являлись ли петровские реформы прогрессивными для

России? О. Шпенглер отвечает на этот вопрос отрицательно, но большинство отечественных историков — положительно. Является ли прогрессом для России Октябрьская революция 1917 года? Многие сейчас называют это событие злом, но часть наших граждан оценивает его положительно. Можно ли считать прогрессом горбачевские реформы конца 1980-х годов? Ответы здесь самые разные. И с позиции научного мышления многообразие ответов на подобные вопросы является нормальным явлением. Почему? Потому что в современной науке нет критерия прогресса, применимого для всех систем. Наличие такого критерия, согласно О. Конту, является признаком теологического или метафизического стиля мышления. Так, в теологическом мышлении в качестве всеобщего критерия прогресса выступает близость к божественному. В метафизическом мышлении место Бога занимает какой-либо человек (Ленин, Ким Ир Сен и т. п.) или учение (марксистская идеология, идеи чучхе и т. д.). Многие хорошо помнят, когда степень прогрессивности и научности каких-либо теорий в нашей стране определялась мерой согласованности ее с положениями марксистско-ленинского учения.

Видимо, в основании понимания развития как прогресса лежит очень древняя идея, архетип, о наличии *центра*, от которого следует вести отсчет. Но со второй половине XX века в науке и философии в большей мере стала работать парадигма относительности. Применительно к диалектике это проявилось в появлении множества работ, в которых предлагалось отказаться от *оценок* направленности развития. Тогда и возникли другие определения развития, из которых исчезли слова «движение к более высоким уровням бытия», «переход к более совершенному» и т. п. Думается, такая позиция для научного исследования более предпочтительна. Поэтому далее мы будем исходить из определения развития *как направленных качественных изменений, связанных преемственной связью*.

В этом определении содержится ряд важных для теории познания методологических положений. Во-первых, рекомендуется обратить внимание на *направленность* изменений, что, например, применительно к биологическим и социальным объектам, означает установление *цели* этих изменений. Во-вторых, предлагается акцентировать внимание на *качественных* изменениях, отличив их от изменений количественных. Но при этом нужно иметь в виду, что количественные изменения, постепенно накапливаясь, приводят к изменениям качественным, что в диалектике выражено в виде *закона перехода количественных изменений в качественные*. Когда количественные изменения приводят к качественным? Тогда, когда они переходят границы существования данного объ-

екта. Для определения этих границ в диалектике применяется понятие меры. Мера «есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество» [5, с. 257]. Таким образом, для исследователя важно знание пределов количественных изменений объекта.

Кроме того, закон перехода количественных изменений в качественные содержит в себе идею *скачка*, т. е. наличия особого периода в развитии, когда старого качества уже нет, а нового — еще нет. Одним из главных проблем, возникающих при анализе развития, является вопрос о причине развития. Действительно, *что* заставляет вещи, людей, культуры изменяться?

В соответствии со взглядами Гегеля и Маркса, причиной развития как объективного мира, так и знания является противоречие, т. е. борьба противоположных сил. «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая *субъективная* диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга» [6, с. 526].

Взгляд на противоречие как всеобщий источник развития появился еще в Древней Греции. Например, Гераклит писал, что следует знать, что война всеобща, и правда — борьба, и что все происходит через борьбу и по необходимости. Гегель довел эту идею до совершенства, изложив ее в виде *закона единства и борьбы противоположностей*, согласно которому, все необходимо рассматривать как борьбу взаимополагающих противоположных сторон объекта, результатом которой выступает появление нового объекта. В диалектике этот закон рассматривается не только в качестве закона объективного мира, но и в качестве всеобщего закона познания. Позитивистам характерна более осторожная оценка места противоречия в мире. Они предлагают рассматривать его лишь в качестве средства получения нового знания путем столкновения противоположных теорий или взглядов.

Здесь мы рассматриваем закон единства и борьбы противоположностей в гносеологическом аспекте. Например, если существуют два противоположных мнения, по поводу причин преступности, то дискуссии на эту тему приведут к постепенной трансформации этих двух точек зрения. В результате этого изменится в целом понимание причин преступного поведения, т. е. мы получим прирост криминологического знания. В указанном законе противоположности связаны друг с другом, что отражено и в названии закона, где говорится о «единстве» противоположностей. Вопрос о связях частей целого или отношениях между целостными предметами является в диалектике настолько актуальным, что рассматривается в ней в качестве одного из ее принципов.

Одним из важных видов связи, по мнению Гегеля, является связь между старым и новым состояниями развивающейся системы. Анализ этого вопроса привел Гегеля к открытию *закона отрицания отрицания*. Под словом «отрицание» в диалектике понимается разрушение старого качества, но это не полное его уничтожение, а разрушение с сохранением определенных элементов старого, которые необходимы для создания нового качества. В этом законе подчеркивается, что в развитии нет абсолютных границ: каждое новое состояние объекта является как бы продолжением его предыдущих состояний. Применительно к процессу познания, это означает о необходимости установления идейных и социокультурных источников нового знания. Закон отрицания отрицания содержит в себе также идею *повторяемости, цикличности развития*, согласно которой, новое состояние объекта является в определенной мере повторением какой-либо предыдущей ступени его развития. Так, например, учение Эйнштейна о субстанции сильно напоминает взгляды Фалеса, Анаксимена, Гераклита на материю.

Нужно отметить также важную роль диалектических принципов и для объяснения процесса научного творчества, в котором отчетливо проявляется действие универсальных закономерностей развития при генезисе нового знания [7].

Литература:

1. Платон. Соч. В 3 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 624 с.
2. Соловьев, В. С. Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 892 с.
3. Фурман, А. Е. Диалектическая концепция развития в современной биологии. М. Высшая школа, 1974. 272 с.
4. Рахматуллин, Р. Ю., Исаев А. А., Янбухтин Р. М., Сухоплюев П. А. Основы философии: Учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2006. 175 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М. Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
6. Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. В 50 т. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 20. 827 с.
7. Рахматуллин, Р. Ю. Фрактальная концепция творчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–1 (57). с. 145–147.

Рациональный анализ восточной миниатюры

Усмонов Фаррух Насирдинович, преподаватель

Ташкентский университет информационных технологий, Самаркандский филиал (Узбекистан)

Усмонова Лайло Рахматуллаевна, магистрант

Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои (Узбекистан)

Восточная миниатюра — одна из замечательных явлений в изобразительном искусстве народов мира. До XVI в. миниатюра, как правило, являлась составной частью книги, а иными словами — книжной иллюстрацией, но позже все чаще встречаются и миниатюры на отдельных листах. Поэтому своим ярким проявлением она обязана рукописи, так как органично вписалась в неё, часто иллюстрируя художественные произведения. Помимо качества декоративного оформления ценность рукописи определялась именно наличием миниатюр. Можно сказать что, миниатюра, иллюстрировавшая текст являлась украшением рукописной книги. Искусство оформления рукописной книги на Востоке всегда отличалась своим эстетическим изяществом, гармонией цветов, а также богатством символично-смыслового содержания.

Восточная рукопись — это прежде всего мастерство каллиграфов, разработавших на протяжении веков на основе арабской письменности варианты разнообразных почерков. В слитной или раздельной системе начертания букв и слов геометризованного куфи и гибкой вязи почерков насх, сульс, дивани, насталик вырабатывалась «красота письма». [1, с. 5] Считалось, что для овладения им необходимо нравственное совершенство. Как говорил величайший каллиграф XV века Султан Али Мешхеди: «Красивое письмо — украшает человека».

Как особый вид изобразительного искусства миниатюра развивалась под влиянием классической восточной поэзии. Первоначально миниатюра иллюстрировала книги исключительно светского содержания: естественнонаучные трактаты по медицине, ботанике, астрономии и математике, исторические сочинения, произведения художественной поэзии и прозы. Несмотря на богатство и разнообразие восточной средневековой литературы, иллюстрировались не все произведения, существовал определенный отбор. Неувядаемые, прославленные в веках произведения классиков восточной литературы — Абулкасыма Фирдоуси, Низами Гянджеви, Абдурахмана Джамии, Алишера Навои — явились неисчерпаемым источником вдохновения художников, обогатили их творчество высокими гуманистическими идеями, бессмертными образами. [2, с. 26] Иллюстрировались произведения Рудаки и Омара Хайяма. Ряд же произведений классической литературы постоянно привлекался для иллюстраций, отдельные сюжеты были даже обязательными, и на их основе отрабатывались композиции, ставшие каноническими. Самыми популярными и часто иллюстрируемыми произведениями были «Шахнаме» Фирдоуси (героический эпос давал художнику неисчерпаемый материал

самых разнообразных сюжетов из деяний царей и героев), а также «Хамса» Низами, состоящая из пяти поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Семь красавиц», «Лейли и Меджнун» и «Искандер-наме». Причем, иллюстрировали как всю «Хамса», так и отдельные поэмы, распространяемые в самостоятельных списках. Со временем стали иллюстрировать «Бустан» и «Гулистан» Саади, «Диван» Хафиза. Восточная поэзия не только определила гуманистическое содержание и идейную направленность миниатюрной живописи, но и наложила определенный отпечаток на развитие ее художественной формы. Возвышенный мир поэтических образов, изысканный, расцвеченный метафоричностью язык, ритмика, музыкальность помогли художникам создать глубоко созвучный поэзии условно-декоративный стиль, романтически приподнятый, опозитизированный образный строй. [2, с. 26]

Письменные источники дают свидетельства о высоком подъеме изобразительного искусства на Востоке в конце XIV — первой половине XV века. Развитие его протекало в двух руслах — живописи монументальной и миниатюрной. Первая связана была с архитектурой, с оформлением интерьера, с плоскостью стены. Вторая — с искусством книги, художественным оформлением рукописи, с плоскостью листа.

Образование государства Темуридов в XV в. положило начало самому блестящему периоду в развитии школ миниатюрной живописи Мавераннахра и Ирана. В эту пору высокой просвещенности и расцвета искусства рукописной книги миниатюра представляет собой не только завершающий элемент художественного оформления богатого манускрипта, но и самостоятельное произведение искусства. Это была эпоха грандиозных геополитических перемен, расцвета интеллектуальной жизни и духовных исканий, взаимодействия и взаимообогащения традиций различных народов. В этот период были созданы условия для активизации ранее (до XIV в.) ограниченного взаимообмена опытом и достижений прославленных школ (Тебриз, Багдад, Шираз, Самарканд). Традиции изобразительной стенописи, сложившиеся при Темуре, были продолжены и при внуке Темура Улугбеке. Но ко второй половине XV века клерикальная реакция, охватившая Мавераннахр, прервала развитие монументальной живописи в Средней Азии. Однако в иных областях традиции, некогда исходившие из Самарканда во времена Темура и Улугбека, продолжали развиваться. В этот период книжная иллюстрация, находясь в стилевом единстве с монументальной живописью и прикладным искусством, приобретает большое значение в общей системе оформ-

ления рукописи. Миниатюрная живопись этого времени отличалась своим мастерством, уверенностью в изображении фигур людей и сложностью композиции. Художники Герата обращали основное внимание на прорисовку людей, делая окружающую их сцену простым сопровождением. Благоуханная природа, полная ярких красок и гибких линий, весенний сад с цветущими деревьями, архитектура, изукрашенная геометрическим орнаментом — все это образует эстетически декоративный фон, на котором разворачивается основное действие. К примеру, в гератском дворце Тараб-хана при Абу-Саиде были найдены росписи, прославляющие его победоносные походы, в тебризском дворце Хашт-Бехишт венецианские послы видели на стенах сцены баталий, приемы посольств, конных охот, изображения людей и животных.

Наивысшего расцвета темуридская миниатюра достигла в блестящее правление в Герате Султана Хусейна Байкары (1469–1506гг.) и его визиря, выдающегося государственного деятеля, великого поэта, гуманиста и мыслителя, создателя литературы на староузбекском языке «тюрки» Алишера Навои. В дворцовой библиотеке трудились выдающиеся мастера того времени — талантливый каллиграф и известный миниатюрист, глава канцелярии Мирак Наккаш, а также Мухаммад Наккаш, Шах-Музаффар, Касим Али и «чудо века», великий Бехзад. Камалиддин Бехзад (1455–1535) был основателем художественного стиля гератской школы. Он развил искусство живописи, рисовал портреты, различные иллюстрации к художественным книгам. В его гениальном творчестве миниатюра достигла вершин возможного совершенства, идеального воплощения своих художественных и эстетических принципов.

Самый большой вклад Бехзад внёс в развитие книжной иллюстрации, которой он придавал особенную выразительность. На ряду с этим он был первым художником на Востоке, поднявшим на высшую ступень портретное дело, превратив его в самостоятельное искусство, отдельное от книжной иллюстрации. Вклад Бехзада в восточную живопись был огромным, его творчество стало подлинной школой для молодых художников. Работы Камаледдина Бехзада отличаются тонким выразительным рисунком, богатством цветовой гаммы, живостью поз и жестов изображенных людей. Не смотря на отдельные отступления, его произведения продолжают поражать художников мира.

В творчестве Бехзада получают развитие новые тенденции. Перед Бехзадом стояла трудная задача — сохраняя верность значимым формулам средневековой традиции, одновременно расширить и усовершенствовать ее изобразительно-смысловой потенциал. Бехзад продемонстрировал необычайно широкий взгляд на жизнь и глубокое восприятие ее в различных проявлениях. Используя сложную архитектуру (схемы круга, спирали, диагонального построения и пр.), художник достиг пространственности, воздушности композиции. Раздвинув рамки изображаемого мира, активизировав эмоциональную сторону композиции, заострив драматургию сюжетных ходов, он добился более

выразительной интерпретации сюжетов, с массой эмоционально-психологических подробностей, более глубокого и объемного осмысления жизни. Если в ранних миниатюрах художники ограничивались показом главного действия рассказа, то в дальнейшем, особенно у Бехзада, более гибкий и полнокровный персонаж предстает в разнообразной, богатой явлениями обстановке. Окружающее пространство строится относительно фигуры человека, превращаясь в естественную среду обитания, где действие представляется незаконченным, длящимся во времени. Творчество Бехзада, опиравшееся на традиции высокого наследия, вобрав все лучшее и синтезировав опыт лучших школ, предстало зрелой кульминацией всей мировоззренческой и художественной системы на Востоке. Гений Бехзада, художника разностороннего, работавшего и в бытовом, и в лирическом жанрах, положившего начало «живописным хроникам» и индивидуальному портрету, решительно повлиял на всех мастеров гератской школы, придав ей стилистическое единство [1, с. 7]. Исполненные Бехзадом миниатюры дошли до нас в циклах списков «Зафар-наме» Шарафиддин Али Яздий, ок. 1480 г., «Гулистан» Саади, ок. 1480 г., «Мантик-ат-тайр» Фаридуддин Аттара 1483 г., «Бустан» Саади, 1488–89гг., в двух списках «Хамса» Низами от 1442 г., миниатюры 1490-х гг. XV в.

«Портрет Шейбани-хана». Миниатюра, 1507 г.

Именно Камалиддину Бехзаду Хусейн Мирза поручает принять вызов со стороны Османского султана: в итоге художник создает необычную для миниатюрной живописи серию портретов, в которых ощущается манера европейской живописи XV-XVI вв. Среди них изумительная работа «Дервиш из Багдада», оригинал которой хранится в альбоме Беллини в библиотеке музея Капы в Стамбуле и датируется 1500 годом [3, р.106]. К.Бехзад умел создавать удивительно тонкий психологический образ, тем самым подтверждая мысль о высоком профессионализме мастеров-миниатюристов, знании ими академической традиции рисунка и живописи.

На Востоке орнамент широко использовался в украшении рукописных книг, заполняя пространство вокруг миниатюр, фрагменты архитектурных сооружений внутри композиций, или играл самостоятельную роль в виде орнаментальных медальонов. Эстетика орнаментального стиля, блистательно выраженная во многих работах Бехзада, была оригинально интерпретирована во многих произведениях европейских художников XIX-XX веков. Бехзад также использовал орнамент в качестве украшающего элемента, но как истинный мастер не ограничивался функцией узора и вводил его в ткань основных изображений. Примером блистательного синтеза фигуративного и орнаментального начал может служить изысканная композиция «Девушка среди цветущих ветвей», созданная в 1480 г. На золотисто-желтом фоне будто бы парит фигура грациозно изгибающейся луноликой девушки в черном халате, на котором отчетливо и выразительно смотрятся узоры в виде широколистных ветвей. Фигура словно сливается с орнаментом, образуя некую яркую пластическую

метафору, поэтически воспевающую торжество жизни и красоты. Этот прием слияния орнамента и фигуры человека стал широко использоваться в последующем в искусстве XX в. (в частности, ярко проявился в современном искусстве Узбекистана).

Миниатюрная живопись Востока дает сконцентрированный образ мировосприятия и мироощущения народа, так как в живых образах воспроизводит саму жизненную реальность, историческую и религиозную самобытность народа. Художники Востока в своих произведениях призывали людей к познанию природы и всего прекрасного. Но наряду с этим они отдавали дань времени и изображали также роскошную жизнь представителей аристократической знати. Круг изображаемых образов не особенно широк — это музыканты, дервиши, влюбленные, гости на пиру, воины, погонщики верблюдов. Но более пристальному взгляду открывается иное: художники по сути отображают Вселенную, где каждое дерево, каждый цветок, травинка хранят воплощение тайн. А внутри этой Вселенной мир не менее сложный, прекрасный и таинственный — это мир Человека. Основная черта работ — созерцательность и философские раздумья, когда от суеты

хочется уйти в мир красоты, причем красоты особой, овеянной экзотикой Востока, национальными обычаями народа, его религиозным мировосприятием, бытовыми подробностями, красотой типажей, костюмов, среды. [2, с. 8]

В итоге можно сказать что, миниатюра являясь одной из эстетических форм рациональности, на Востоке этот вид искусства был широко развит. Яркая красота восточной миниатюры, разлитая в линиях, формах и красках всегда доступна взору и чувству каждого зрителя. Её образы изумительно праздничны, полны радости и очарования жизни, а реальность, вымысел и символика как бы сливаются в ней в единое целое. Своеобразной чертой восточной миниатюры является то, что какой бы исторической давности не были изображенные на ней события, они передаются в современной художнику среде и обстановке. Костюмы героев, архитектура, бытовые детали сопутствуют времени и месту сотворения миниатюр. Исследователям это всегда помогает в установлении страны создания самой миниатюры, к постижению разного рода реалий соответствующего времени и места. Миниатюрная живопись Востока и по сей день щедро дарит свою красоту и хранит свое очарование.

Литература:

1. Пугаченкова, Г. А., Галеркина О. И. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. — М.: Изобразительное искусство, 1979 г.
2. Ш.Шоякубов. Современная миниатюра Узбекистана. — Т.: Узбекистан, 2006 г.
3. E.Bahari. Bihzad, 1997 г.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 2 (106) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайнич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственный редактор: Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 10.02.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25